

19. 5. 9. 2/4

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

7-542

ПОКОЯЩІЙСЯ
ТРУДОЛЮБЕЦЪ,
ПЕРІОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ,
СЛУЖАЩЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ
ВЕЧЕРНІЯ ЗАРИ,
ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ

Философическія, Нравоучительныя,
Историческія, и всякаго рода
какъ пажныя, такъ и забавныя
матеріи, къ пользѣ и удополь-
стію любопытныхъ чите-
лей, состоящія изъ подлинныхъ
сочиненій на Россійскомъ языкѣ
и переподобъ съ лучшихъ ино-
странныхъ писателей въ стихахъ
и прозѣ.

Sibi quis
Speret, idem frustra sudet, frustra que laboret.
HOR.

ЧАСТЬ IV.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1785 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Матерій , находящихся въ III. части.

строк.

I. Разсужденіе о безпорядкахъ производимыхъ страстями въ челоѣкѣ , и о средствахъ , какія въ такихъ случаяхъ упошреблять должно. - -	I
II. О должноти челоѣка имѣть особливое попеченіе о своей душѣ. - . - -	56
III. О Эмпузіазмѣ. - . -	68
IV. Ода челоѣкѣ. - - -	84
V. Гимны.	
1. Сопѣсть - - -	94
2. Добродѣтель. - . -	95
VI. Ушренняя пѣснь. - - -	97
VII. Молишва. - - -	99
VIII. Бесѣда съ самимъ собою. -	101
IX. Ода смерть. - - -	106
X. О квакерахъ. - - -	110
XI. О таинствахъ Цереры Элевзинской. . - - -	127
XII. Обхожденіе съ самимъ собою. 135	
(XIII.

XIII. Краткія разсужденія :

I. <i>Полный мѣсяцъ.</i>	-	250
II. <i>Прогулка пѣ лѣсу.</i>	-	151
III. <i>Море.</i>	- - -	152
IV. <i>Жатва.</i>	- - -	153
V. <i>Болѣзнь.</i>	- - -	155
VI. <i>Послѣдній судъ.</i>	- - -	157
VII. <i>Бабочка.</i>	- - -	158
XIV. <i>Ода : гордость.</i>	- - -	166
XV. <i>Гимнъ богинѣ судьбы.</i>	- - -	163
XVI. <i>Ода : печерь.</i>	- - -	166
XVII. <i>Осень.</i>	- - -	170
XVIII. <i>Елегія челоуѣкъ.</i>	- - -	175
XIX. <i>Утро.</i>	- - -	177
XX. <i>Ночь.</i>	- - -	180
XXI. <i>Чувствованія великодушнаго въ пустынь.</i>	- - -	184
XXII. <i>Уединеніе.</i>	- - -	191
XXIII. <i>Похвала розѣ.</i>	- - -	194
XXIV. <i>Зевксисъ.</i>	- - -	196
XXV. <i>Басни.</i>		
1. <i>Чудопище пѣ солнцѣ</i>		198
2. <i>Волшебница</i>	- - -	201
XXVI. <i>Для дѣшей.</i>	- - -	203
XXVII.		

XXVII.	Письмо съ того свѣша въ Мо- скву отъ Муміага къ сыну малыя земли живущему въ муравейникѣ.	-	-	-	213
XXVIII.	Красавица къ розѣ.	-	-	-	225
XXIX.	Притча : старуха.	-	-	-	227
XXX.	Басня : осель и спинья.	-	-	-	228
XXXI.	Быль.	-	-	-	230
XXXII.	Письмо.	-	-	-	232
	1. Басенка бабочка и ро- зонь.	-	-	-	234
	2. Плоды алчности ко злату.	-	-	-	—
	3. Сонетъ.	-	-	-	238
	4. Къ стихомарателю.	-	-	-	239
XXXIII.	Мадригалъ гостелюбиной старухѣ	-	-	-	—
XXXIV.	Анаграммы.	-	-	-	240
	1.	-	-	-	—
	2. Наука терпѣнія.	-	-	-	—
XXXV.	Эпиграммы.	-	-	-	—
	1. Непинопатыи осуж- денникъ.	-	-	-	—
	2. Всякому ли спое мило?	-	-	-	—
	3. Запра.	-	-	-	241
	4. Жизнь и смерть.	-	-	-	—

5. Жизнь и любовь.	-	241
6. - - - -	-	—
7. Къ Лину.	-	—
8. Къ Докукину.	-	242

XXXVI. Эпишафii.	-	—
------------------	---	---

1. Алхимику.	-	—
2. Танцмейстеру.	-	—
3. Нечуштителъному.	243	

XXXVII. Загадка.	-	—
------------------	---	---

XXXVIII. О мiрѣ его началъ и древности.	—	
---	---	--

ПОКОЯЩІЙСЯ ТРУДОЛЮБЕЦЪ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

I.

*О бытіи первоначальной пысочайшей
иной всѣхъ пещей.*

Обильныя и свѣтоносныя истинныя существовали бы паче для мученія, нежели для блаженства человѣка; естли бы влеченіе къ онымъ ощущаемое имъ, было одно желаніе никогда исполниться не могущее. Равно было бы не изъяснимое противорѣчіе и въ первомъ движимомъ (началѣ), къ которому, яко къ источнику относяща сѣ истинны, естли бы онъ, благоволивъ опіяныя оныя опъ нашего созерцанія, начерталъ ихъ во всемъ насъ окружающемъ, какъ и естъ сѣ въ живущей силѣ стихій, въ стройности и гармоніи всѣхъ дѣйствій вселенныя, и еще яснѣе въ опличительномъ характерѣ человѣка.

Болѣе сообразно законамъ сея первыя причины думатьъ, что она не того ради уложила лучи собственнаго своего свѣта въ глазахъ нашихъ, да воспрещишь намъ познавать его и пользоваться онымъ; и что она положила окрестъ насъ, и въ насъ самихъ столько поучительныхъ предметовъ, дабы заславить насъ размышлять о нихъ, и познавать оныя, и дабы симъ способомъ руководствоваться насъ къ блистательнымъ слѣдствіямъ, могущимъ утѣшить безпокойства и желанія наши.

Истинны сіи престали бы являться намъ неприступными, есѣли бы мы внимательнымъ и разумнымъ попеченіемъ умѣли сохранять, безпрестанно намъ *пручаемую*; ибо сія нить, яко простирающаяся отъ свѣта къ намъ, исполнила бы тогда главную цѣль первыя причины, которая цѣль безъ сомнѣнія есѣща, чтобы приблизить насъ къ себѣ, и соединить сіи два *крайня*.

Для споспѣшествованія толико важной цѣли, начнемъ разогнаніемъ сомнѣній носьщихся надъ истиннымъ есѣствомъ человека; ибо отъ него должно происходить познаніе законовъ и природы другихъ существъ.

Человѣкъ не можетъ дать бытія никакому вещественному произведенію, не *сѣсвужа*

дѣйствуя при ономъ такими дѣйствіями, которыя суть, такъ сказать, творящія силы онаго, и которыя, не взирая на то, что они дѣйствуютъ внутренно и невидимымъ образомъ, однако весьма удобно различать можно по ихъ послѣдовательному чину, и по ихъ различнымъ свойствамъ: на пр. прежде нежели воздвигну я зданіе, представляю себѣ планъ или мысль, принимаю сей планъ, и наконецъ дѣлаю выборъ въ средствахъ нужныхъ къ исполненію онаго.

Очевидно, что невидимыя способности, чрезъ которыя я въ состояніи совершить сію работу, по естеству своему, гораздо превышаютъ свое произведеніе, и совершенно отъ него не зависятъ. Ибо зданіе сіе могло бы не получить своего бытія, хотя бы способности, по которымъ я далъ ему оное, остались непремѣнными. Когда оно и совершено, то способности сіи сохраняютъ то же преизящество; ибо имѣя силу разрушить оное, и не разрушая, есть нѣкоторымъ образомъ продолжая его существо: наконецъ если зданіе сіе и разрушится, то способности, даровавшіе ему бытіе, останутся послѣ него то же, что онѣ были прежде, и во время его пребыванія.

Не только способности сіи превосходятъ своихъ произведеній; но я не могу не при-

знать, что, они чужды и для моего собственного плѣа, ибо оныя дѣйствуютъ въ пишинѣ всѣхъ моихъ чувствъ, поелику чувства могутъ быть въ томъ орудіями и вѣстниками только, а не первымъ и рождающимъ началомъ; поелику оныя дѣйствуютъ единственно по впечатлѣнію, но разумное мое существо дѣйствуетъ чрезъ размышленіе; поелику способности моего разума имѣютъ дѣйствительную власть надъ чувствами, простирая надъ ними силы и употребленіе свое чрезъ различныя упражненія, возлагаемая на нихъ моею волею; но чувства мои не имѣютъ надъ способностями никакой власти, кромѣ одной спрдашельной, то есть, поглощаютъ оныя въ себя: поелику наконецъ, въ Геометріи, точность испытнѣйшая и удовлетворительнѣйшая для чувствъ оставляетъ всегда для мыслей нѣчто недостающее, какъ въ ономъ множествѣ фигуръ, коихъ знаемъ мы отношенія и взаимности вещественныя; но коихъ числа и отношенія истинныя совершенно внѣ чувственного.

Сіе теченіе дѣла чловѣческихъ должно ствуетъ просвѣтитъ насъ въ разсужденіи предметовъ вышшей степени; ибо еслии наши дѣла, болѣе вещественныя и болѣе удаленныя отъ жизни, такъ имѣютъ свое бытіе отъ могуществъ постоянныхъ и пребываю

вающихъ, кои суть необходимо дѣйствующія оныхъ причины; но можемъ ли мы не принявъ, что совершеннѣйшія вещественныя произведенія, какъ то, всеобщее и частное бытіе физической природы, суть равно твореніе могуществъ высочайшихъ, нежели ихъ произведенія. Чѣмъ болѣе совершенства заключаетъ въ себѣ твореніе, тѣмъ болѣе онаго показываетъ въ своемъ рождающемъ началѣ. Для чего же намъ пренебрегать сіе понятіе простое и купно обширное, представляющее единъ и тотъ же законъ для сотворенія вещей, хотя оныя по всему различествуютъ своимъ дѣйствіемъ и своимъ главнымъ свойствомъ.

Преизящество твореній природы не претягиваетъ онымъ быть произведеніемъ могуществъ или способностей, сходствующихъ по существу и силѣ съ тѣми, кои не обходимо оказывающіяся въ человѣкѣ, для произведенія дѣла его. Ибо хотя сіи дѣла произведены чрезъ образованія; однако нельзя не взирать на оныя, яко на виды творенія; ибо чрезъ сіи различныя положенія и совокупленія вещественныхъ существъ, мы образуемъ такіе предметы, которыя прежде существовали только въ своихъ началахъ.

Еслили всеобщее строеніе природы не можетъ быть иное что, какъ видимое твореніе

нїе способностей существующихъ прежде своего произведенїя; но мы столько же удоспобѣрены о бытіи сихъ способностей, какъ и о существованіи оказывающихся въ насъ; и мы можемъ утвердить, что, понеже дѣйствія природы вещественны, равно какъ и наши, хотя вышшей степени, то физическія орудія всеобщей природы не болѣе должны знать способности, сотворившія ихъ, и управляющія ими, какъ и наши дѣла и наше шло не знаетъ шѣхъ, которыхъ бытіе мы ощущительно познаемъ въ себѣ самихъ.

Также всеобщее твореніе сіе невидимыхъ способностей, ихъ произведеніе, наконецъ природа могла бы никогда не существовать, она могла бы потерять полученное бытіе, когда способности, произведшія оную ничего не теряютъ изъ своего могущества и неразрушимости; понеже оныя существуютъ независимо отъ своихъ вещественныхъ произведеній, какъ и мои способности независимы отъ дѣла мною производимыхъ.

„Остановимся на единую минуту, и прочтемъ въ самой вселенной ясное доказательство бытія естественныхъ могуществъ, которыя выше природы.“

„Гдѣ бы ни былъ центръ теченія блудящихъ звѣздъ, законъ ихъ предписуетъ
всѣмъ

всѣмъ онимъ единое стремленіе къ сему всеобщему средоточію, копорымъ они равномерно привлекаются.,,

„Но мы видимъ, что оныя сохраняютъ свое разстояніе отъ сего центра, болѣе или менѣе приближаясь къ нему, по правильнымъ законамъ, и никогда не касаются его, ниже соединяются съ онимъ.„

„Тщетно противопологаютъ сему взаимное притяжаніе сихъ планетъ; которое причиною, что они уравниваются между собою, взаимно содержатся, и чрезъ то противоборствуютъ центральному протяжанію; всегда остается вопросъ, для чего взаимное и частное притяжаніе сихъ звѣздъ, не соединяетъ паче ихъ между собою, дабы привергнуть къ общему средоточію главнаго ихъ притяжанія; ибо еслии равновѣсіе и подпора оныхъ зависитъ отъ разныхъ аспектовъ, и отъ извѣстнаго относительнаго ихъ положенія; то достоверно, что сіе положеніе премѣнялось бы отъ дневнаго обращенія, и что такимъ образомъ ихъ законъ притяжанія давно долженъ бы премѣниться, равно какъ и продолженіе пребыванія имъ приписываемое.„

„Можно бы взятьъ прибѣжище ко звѣздамъ неподвижнымъ, копорые не взирая на

чрезвычайное разстояніе оныхъ отъ другихъ звѣздъ, могутъ имѣть впечатеніе въ оныя, привлекають ихъ; какъ и сіи привлекають свое общее средоточіе; и такимъ образомъ сохраняють оныя въ своемъ движеніи. Сіе понятіе показалось бы великимъ; по видимому оно естественнѣе входитъ въ простыя законы здоровой физики. Но въ самомъ дѣлѣ сіе служишь только для избѣжанія неудобства.,,

„Хотя неподвижныя звѣзды по видимому сохраняють то же положеніе; но мы столь удалены отъ оныхъ, что познаніе наше о семъ пунктѣ основывается на однихъ догадкахъ. „

„Во вторыхъ, хотя бы то и справедливо, что они неподвижны, каковыми бытъ кажутся, то не возможно отрицать и того, что въ разныхъ мѣстахъ неба являлись новыя звѣзды, преставшія по томъ бытъ видимы; и я привожу здѣсь только одну примѣченную отъ многихъ Астрономовъ въ 1572 въ созвѣздіи Кассіопе: она скоро сравнилась величиною Лирѣ, по томъ Сіріусу, и увеличилась почти такъ, какъ полная Венера въ приближеніи къ солнцу (Перігеа); такъ что она зрима была простыми глазами въ самой полдень: но мало помалу пощербивъ свое сіяніе, стала невидима. Послѣ другихъ наблюденій заключили, что она являлась уже

уже прежде, что обращеніе ея можетъ совершенно быть въ прістѣ и нѣсколько лѣтъ, и слѣдовательно явленіе ея можетъ воспо- слѣдовать въ концѣ 19 вѣку.,

„Примѣчая таковыя обращенія, таковыя премѣны между неподвижными звѣздами, не лзя сомнѣваться, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ не были подвижны. Извѣстно также, что перемѣненіе одной изъ сихъ звѣздъ должно имѣть впечатеніе въ ту страну, къ которой они принадлежатъ, и подавать ей довольно перевѣсу, къ разспроснѣю мѣстной Гармоніи.,

„Если мѣстная Гармонія можетъ быть разстроена въ одной странѣ неподвижныхъ звѣздъ, то сей безпорядокъ можетъ прости- раться во всѣ оныхъ страны. Слѣдственно они престали бы сохранять постоянно свое относительное положеніе, и могли бы уступитъ всеобщей притяжательной силѣ, которая соединяя оныя, какъ и всѣ другія звѣзды съ общимъ центромъ, уничтожила бы поспешенно Систему міра.,

„Не видно подобныхъ превращеній; и если природа перемѣняется, то сіе бываетъ съ медлѣнностію, которая всегда оставляетъ царствовать видимому порядку въ нашихъ глазахъ. Посему есть невидимая

естественная сила вышшая неподвижныхъ звѣздъ, какъ сіи выше планетъ, содержащая онѣя въ ихъ разстояніи, какъ и они содержатъ всѣ чувственныя существа заключенныя въ своихъ предѣлахъ. Соединяя сіе доказательство съ вышепредложенными причинами сходства, мы повторимъ, что вселенная имѣетъ свое бытіе отъ творящихъ способностей, какъ и матеріальныя творенія чело-вѣка не иначе могутъ быть произведены, какъ чрезъ невидимыя его способности. Что напрошивъ того могущества сошворившія вселенную имѣющъ бытіе необходимое и не зависящее отъ нея, какъ и мои невидимыя способности существуютъ непремѣнно и независимо отъ матеріальныхъ моихъ произведеній.,,

Все соединяется здѣсь, что бы доказать превосходство чело-вѣка; понеже онъ обрѣшаетъ въ собственныхъ своихъ способностяхъ, чѣмъ возвыситься къ доказательству дѣйствующаго невидимаго начала, отъ котораго міръ имѣетъ бытіе и свои законы; понеже въ своихъ твореніяхъ и самыхъ вещественныхъ, которыя онъ имѣетъ силу производить, обрѣшаетъ доказательство, что существо его есть природы негибнущей.

Да не пропивополагаютъ симъ примѣчаніямъ дѣйствій чувственныхъ и матеріальныхъ,

ныхъ, общихъ человѣку со скопомъ. Говоря о его произведеніяхъ, мы не имѣемъ въ виду дѣяній оныхъ вещественныхъ, копорыя уподобляющъ человѣка живошнымъ; но тѣ дѣйствія остроумія и разума, копорыя всегда будутъ отличать его выразительными Характерами, и знаками отличительными.

Какъ сіе различіе разумнаго существа человеческого съ его чувственнымъ существомъ весьма ясно доказано въ книгѣ о *завлужденіяхъ и истиннѣ*; но мы ограничимъ себя, сдѣлавъ здѣсь примѣчаніе, что не можемъ доспавить исполненія никакой нашей воли, чшобъ не удостовѣриться, что мы повсюду носимъ съ собою *начало бытія и жизни*. Но какъ можно сему *началу бытія и жизни* погибнуть?

Однако, не взирая на сей отличительный Характеръ, человѣкъ находится въ совершенной зависимости, относительно къ физическимъ и чувственнымъ его понятіямъ. Нельзя отрицать, чшобы онъ не имѣлъ въ себѣ всѣхъ способностей сходственныхъ съ предметами, копорыя онъ можетъ познавать; ибо что такое всѣ наши открытія, естли не внутреннее созерцаніе, и сокровенное чувство отношенія между нашимъ собственнымъ свѣтомъ, и самыми вещами, при
всемъ

всемъ помъ мы не можемъ имѣть понятія ни о какомъ чувственномъ предметѣ, если оной не сообщитъ намъ своихъ впечатлѣній; и мы имѣемъ на сіе доказательство то, что недостатокъ нашихъ чувствъ лишаетъ насъ или въ цѣломъ, или въ части познанія предметовъ относительныхъ къ онымъ.

Истинно сіе, что не рѣдко чрезъ сравненіе, чрезъ одно сходство, первыя понятія ведутъ насъ ко вѣричнымъ, и чрезъ нѣкоторой родъ умствования (*inductio*), познаніе настоящихъ предметовъ подаетъ намъ поводъ дѣлать догадки о предметахъ удаленныхъ, но и тогда мы все подвержены тому же закону; понеже всегда первый узанный предметъ есть побужденіемъ сихъ мыслей, а безъ него ни первое ни вѣричное понятіе не были бы въ насъ произведены.

И такъ извѣстно, что касательно чувственныхъ предметовъ и понятій относительныхъ къ онымъ, человекъ есть въ истинномъ рабствѣ; начало, изъ котораго мы въ слѣдствіи извлечемъ новый свѣтъ объ истинномъ законѣ.

Не зависимо отъ понятій, которыя человекъ ежедневно приобретаетъ отъ чувственныхъ предметовъ, посредствомъ дѣйствія ихъ на чувства, онъ имѣетъ понятія другаго

таго рода; онѣ имѣютъ понятіе о законѣ, могуществѣ управляющемъ вселенною и сими самыми вещественными предметами; понятіе о стройности, долженствующей въ оныхъ царствовать; наконецъ онѣ спремится, какъ бы по естественному нѣкоему движенію къ гармоніи, которая, кажется, рождаетъ и руководствуетъ оныя.

Онѣ не можетъ сотворить въ себѣ ни одного понятія; однакожь онѣ имѣютъ понятіе о силѣ и премудрости высочайшей, которая купно есть предѣломъ всѣхъ дѣяній и всѣхъ законовъ, союзъ вся гармоніи, средоточіе и Ценръ отколѣ изтекаютъ, и гдѣ окончиваются всѣ силы существъ. Ибо сіе есть слѣдствіе всѣхъ системъ, всѣхъ правилъ, всѣхъ мѣстныхъ, и самыхъ неопредѣленныхъ, о естествѣ вещей и началъ оныхъ. Нѣтъ никакого ученія, не исключая и самого безбожія, которое не имѣло бы цѣлю сея чудныя *Единицы*, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Если сїи послѣднія понятія составляютъ классъ совершенно опмѣнный отъ тѣхъ, которыя мы имѣемъ о вещахъ матеріальныхъ: если никакой чувственный предметъ не можетъ ихъ произвести; поелику живошныя и самыя совершенныя не являютъ подобныхъ о томъ понятій, хотя всѣ оныя,
равно

равно какъ и человѣки, живутъ среди сихъ предметовъ; естли, въ тоже время, какое понятіе не возбуждается въ человѣкѣ иначе, какъ средствами внѣ его находящимися, то слѣдуетъ, что человѣкъ есть въ зависимости, относительно къ умственнымъ, какъ и къ чувственнымъ понятіямъ; и что въ томъ и другомъ родѣ есть въ немъ сѣмена всѣхъ сихъ понятій; но онъ долженъ ожидать, что бы наружныя дѣйствія одушевляли и раждали оныя. Онъ не есть ни владыка, ниже творецъ оныхъ; и въ намѣреніи заниматься какимъ либо предметомъ, онъ не можетъ, не смотря на его усилія, увѣриться въ достиженіи своей цѣли, и не быть отвораченну тысящю постороннихъ предметовъ.

Мы всѣ разположены принимать невольно сіи нестройныя, скудныя и наглыя понятія, которыя, какъ бы не взирая на насъ, постигаютъ насъ своими безпокойствами, сомнѣніями всякаго рода, и которыя вмѣшиваются въ самыя удовольствительнѣйшія наслажденія нашего разума.

Изъ всѣхъ сихъ дѣяній слѣдуетъ, что естли вещественныя творенія человѣка доказали въ немъ невидимыя и невещественныя способности, преждесущія и необходимыя къ произведенію сихъ твореній, и что, по той же при-

причинѣ, всеобщее вещественное швореніе или чувственная природа, показываетъ намъ зиждущія способности, невидимыя и невещественныя, не причастныя сей природѣ, и чрезъ которыя оная рождена; по равно и способности человѣческаго ума суть непреборимымъ доказательствомъ, что есть еще способности степени гораздо вышшей, нежели человѣческія, и шворящія вещественныя дѣйствія природы: то есть, что не зависимо отъ всеобщихъ способностей зиждителей всея природы, есть еще въ человѣка разумныя и мыслящія способности, сходствующія съ существомъ онаго, и производящія въ немъ мысли; ибо поелику нѣтъ въ немъ движущихъ (пружинъ) для мыслей его, то онъ не можетъ обрѣсти ихъ нигдѣ, кромѣ умнаго источника, имѣющаго соотношеніе съ существомъ онаго: а безъ сего когда сіи пружины никакъ на него не дѣйствуютъ, то сѣмя мысли его оставалось бы безъ производѣнія, и слѣдственно въ недѣйствіи.

Однако, хоша человѣкъ спрадателенъ какъ въ своихъ умственныхъ такъ и чувственныхъ понятіяхъ, всегда остается для него право изслѣдовать мысли ему представившіяся, судить о нихъ, принимать или отвергать оныя, по томъ дѣйствовать сообразно своему выбору, и надѣясь, чрезъ внимательное и послѣдственное шествіе, до-

стигнуть нѣкогда непремѣннаго наслажденія чистыми мыслями, все что происходитъ единственно изъ употребленія свободы.

Но надлежитъ прилѣжно различать такъ управляемую свободу отъ рабской воли склонностей, силъ или вліяній, обыкновенно опредѣляющихъ дѣянія человека. Свобода есть собственное онаго свойство, и принадлежащее къ существу его, по колику причины опредѣленій его для него чужды.

И такъ мы разберемъ теперь оную подъ двумя видами, яко начало, и яко дѣйствіе. Яко начало, свобода есть истинный источникъ нашихъ опредѣленій. Она есть въ насъ способность слѣдовать предписанному намъ закону, или дѣйствовать вопреки оному; она есть наконецъ способность пребывать вѣрными свѣту, намъ представляющемуся не престапно. Сія начальная свобода оказывается въ человекѣ и тогда, когда онъ сдѣлался рабомъ пліаній, чуждыхъ его закону. И тогда еще видно, что онъ, прежде нежели рѣшившись на что либо, сравниваетъ между собою различныя побужденія имъ обладающія, протівополагаетъ свои навыки одни другимъ, и избираетъ наконецъ то побужденіе, которое для него имѣетъ болѣе привлеченій.

Свобода принятая яко дѣйствіе, управляетъ себя единственно по законамъ предписаннымъ нашей разумной природѣ; тогда она предполагаетъ независимость, совершенное изъясненіе отъ всякаго дѣйствія, силы или пліянія противнаго сему закону, изъясненіе не многимъ людямъ извѣстное. Подъ сею почкою зрѣнія, гдѣ человекъ не принимаетъ никакого другаго побужденія кромѣ своего закона, который его руководствуетъ, и тогда по единственно онъ бываетъ истинно свободенъ, не бывъ никогда ничѣмъ постороннимъ отвращенъ отъ того, что прилично его существу.

Что касается до начальнаго существа, до сей мыслящей всеобщей силы, которая превышаетъ человекъ, которой дѣйствія мы ни превзойти, ни избѣгнуть не можемъ, и которой бытіе доказано спрдашельнымъ состояніемъ, въ которомъ мы въ разсужденіи ея находимся, касательно къ нашимъ мыслямъ; сіе первое начало имѣетъ также свободу существенно различествующую отъ свободы другихъ существъ; ибо будучи само себѣ закономъ, оно не можетъ никогда уклоняться отъ онаго, и свобода его неподвержена никакому постороннему препятствію, или побужденію. Слѣдственно оно не имѣетъ сей пагубной способности, по которой человекъ можетъ дѣйствовать противу са-

мой цѣли своего бытія. Что доказываетъ безконечное превосходство сего всеобщаго начала, и Творца всякаго закона.

Сіе высочайшее начало, источникъ всѣхъ могуществъ, оживошворяющихъ мысли въ челоѣкѣ, какъ и раждающихъ видимыя дѣла вещественной природы; сіе существо необходимое для всѣхъ другихъ веществъ, сѣмя всѣхъ дѣйствій, изъ котораго происходятъ непрестанно всѣ бытія; сей предѣлъ, къ коему оныя стремятся, какъ бы по неопреоборимой силѣ, ибо всѣ они пекутся о жизни; сіе *существо*, говорю, есть то, что челоѣки вообще именуютъ *Богомъ*.

Сколь ни слабы шѣ понятія, которыя грубое невѣжество сдѣлало себѣ о немъ у различныхъ народовъ, всѣ люди, которые захомятъ войши въ себя самихъ и испытавъ то неизгладимое чувство, которое они имѣютъ о семъ началѣ, признаютъ, что оно есть *благо* по существу, и что всякое благо отъ него происходитъ; что зло не иное что, какъ противное *ему*; что слѣдственно оное не можетъ желать зла, и что напрошивъ того оно промышляетъ, по презыществу своего естества, о всемъ пространствѣ щастія своихъ тварей вмѣстительнаго для оныхъ, смотря по различнымъ спешеніямъ,

нямъ, хотя средства имъ употребляемые сокрыты еще отъ нашего зрѣнія.

Я не отваживаюсь покуситься сдѣлать болѣе осязательнымъ существо сего существа, или проникнуть во святилище божескихъ силъ; дабы достигнуть сего, надлежало бы познать нѣсколько изъ числа оныя составляющаго: но возможно ли человѣку подвергнуть божество своему счисленію, и утвердить начальное онаго число? Для познанія начального числа, нужно имѣть по малой мѣрѣ одно изъ его нѣсколькихъ (равныхъ) чиселъ: и хотя бы для представленія неизмѣримости могуществъ божескихъ наполнили мы книгу, всю вселенную числительными знаками, то не получили бы еще перваго нѣсколикаго (равнаго) числа; ибо мы могли бы всегда придавать къ нему новыя числа, то есть, мы обрѣтали бы всегда въ семъ существѣ новыя силы.

Впрочемъ должно сказать здѣсь о Богѣ то, что мы могли говорить о невидимомъ существѣ человѣка. Чтобы открыть его отношенія и его законы, мы должны предвари-тельно убѣдить себя о его бытіи, понеже бытъ, или имѣть вся въ себѣ, по его чину, есть едино и то же: такъ, что признать бытіе вѣчнаго начала безконечнаго, есть приписать ему въ то же время всѣ способности,

сти, совершенства и силы, которыя должно заключать въ себѣ сіе всеобщее существо, хотя въ немъ непостижимо ни число, ниже безпредѣльность его.

II.

О ЕВАНГЕЛІИ.

Евангеліе, сія божественная книга, одна только нужна Христіанину, и изъ всѣхъ книгъ есть полезѣйшая; всякъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ имѣть любовь къ творцу оныхъ, и желаніе исполнять его заповѣди. Никогда добродѣтель не говаривала столь пріятнымъ языкомъ, никогда глубочайшая премудрость не изъяснялась такъ важно и такъ просто. Не можно оставить ея чтенія не почувствовавъ себя противу прежняго добродѣтели.

Примемъ въ разсужденіе книги Философскія со всею ихъ пышностію: сколько они малы въ разсужденіи Евангелія? возможно ли тому спасться, чтобы книга, въ разсужденіи вѣры высочайшая и премудрейшая, была дѣло рукъ человѣческихъ? Возможно ли тому спасться, чтобы томъ, чью она исторію въ себѣ содержитъ, былъ простой человѣкъ? похожъ ли онъ на находящагося въ восторгѣ,

гдѣ, или на послѣдователя какой щеславной секты? Какая пріятность, какая непорочность, въ его иравахъ! Какое прогающее милосердіе въ его наставленіяхъ! сколь высоко Евангельское ученіе! Какая глубина премудрости въ его изреченіяхъ! Какое присутствіе духа, какая оспрота и сколь справедливы его рѣшенія! Какое владычествованіе надъ страстями! Гдѣ такой человѣкъ, гдѣ такой мудрецъ, который бы могъ производить такіа дѣла, спрадать и умереть съ такимъ равнодушіемъ и безъ щеславія? Платонъ представляя только умовообразительно себѣ праведника обезчещеннаго, мучимаго и достойнѣйшаго за всѣ свои добродѣтели всякаго награжденія, не изображаетъ ли намъ точно Іисуса Христа! Сіе подобіе такъ важно, что оное приняли всѣ Святые Отцы, и никакъ не можно въ томъ обмануться.

Какимъ предрасужденіемъ, какимъ ослѣпленіемъ долженъ зараженъ быть тотъ, кто бы отважился сравнивать сына Софроніи съ сыномъ Маріи! Какое неравенство одного съ другимъ! Сократъ умирая славно и съ радостію могъ пребыть непоколебимымъ до конца своей жизни, и ежели сіа его легкая смерть не прославила его жизни, то можно думать, что онъ со всѣмъ своимъ разумомъ не былъ Философъ. Но можешь быть скажешь кто, что

онѣ изобрѣлъ правоученіе: а другіе прежде его оное исполняли на самомъ дѣлѣ; можно сказать, что другіе въ томъ преуспѣли и учились примѣрными; Аристидъ былъ справедливъ прежде нежели Сократъ намъ показалъ, что есть справедливость. Леонидъ умеръ за свое опечесство, прежде нежели Сократъ насъ научилъ любить оное. Спарта поступала во всемъ умѣренно, прежде нежели Сократъ похвалялъ шрезвостъ. Греція изобиловала добродѣтельными людьми, прежде нежели Сократъ превозносилъ добродѣтель. Но гдѣ Іисусъ Христосъ почерпнулъ сіе высокое и чистѣйшее нравственное ученіе, что учинился самъ собою оной учителемъ и примѣромъ? . . . — Что изъ почитавшагося юродивымъ сдѣлался столь премудрымъ законоучителемъ, и что простота его въ человеческомъ родѣ возвела на верхъ высочайшихъ добродѣтелей. Смерть Сократа спокойно умствующаго между своими друзьями была такъ пріятна, какъ желать было можно: но смерть Іисуса Христа умершаго въ мученіяхъ, безчестіи, посмѣянніи и проклятіи опъ всего народа, была такъ страшна, что не лзя не прійти въ ужасъ. Сократъ испивъ ядъ благодарилъ поднесшаго ему съ плачемъ оной; но Христосъ посредъ жесточайшихъ мученій молился за кровожаждущихъ своихъ мучителей. По истинѣ, ежели жизнь и смерть Сократовы почитаются мудрецу одному

му приличествующими: по жизнь и смерть Иисуса Христа свойственны одному только Богу.

Но можетъ быть кто скажетъ, что исторія Евангельская вымышлена только для забавы? Тотъ пусть вѣдаетъ, что не такимъ образомъ вымышляютъ; и дѣянія Соколяковы, о которыхъ никто не сомнѣвается, не такъ засвидѣтельствованы, какъ дѣянія Иисуса Христа. Покрайней мѣрѣ сіе не значить разрѣшить всѣ трудности, а только опразить: а и того еще неприспѣе сказать, что многіе люди вмѣстѣ сочинили сію книгу, поелику она объ одномъ только Христѣ говоритъ, и одинъ имѣетъ предметъ. Иудеи ни гдѣ не находили ни такого выраженія ниже такого нравоученія; и Евангеліе, преисполнено добродѣтелями споль убѣждающими и споль неподражаемыми, что оныхъ виновникъ большее долженъ возбудить въ насъ удивленіе, нежели самый Герой.

III.

РАЗСУЖДЕНІЕ.

О любленіи истинной Христіанской
Философіи.

Лактанцій Фирміанъ опмѣннымъ краснорѣчіемъ своимъ удивлявшій самаго блаженнаго Іеронима, защищая нѣкогда истинную христіанскаго благочестія противъ богопротивнаго языческаго нечестія, болѣе всего желалъ имѣть даръ краснорѣчія подобный тому, каковымъ прославился въ Римѣ краснорѣчивѣйшій Цицеронъ: но я, былибы шокмо желанія мои нещепны, для побужденія всѣхъ къ святѣйшему любленію истинныя христіанскія мудрости, желалъ бы имѣть краснорѣчіе гораздо опмѣнное опъ краснорѣчія Цицеронова: то есть: хотя не такъ испещренное, но болѣе дѣйствительное, а ежели возможно пріобрѣсти и такой даръ слова, какой примѣченъ въ извѣстномъ изъ древнихъ пишическихъ вымысловъ Меркурій, о которомъ говорятъ, что онъ магическимъ своимъ жезломъ или опъ боговъ данною свирѣлю на всѣхъ, когда было ему угодно, навелъ сонъ и когда нужно было, шѣмъ же самимъ орудіемъ пробуждалъ опъ сна, кого хотѣлъ изводилъ въ подземныя мѣста и пожеланію своему опяшь ошшуду выводилъ: или каковымъ прославил-

ся Амфіонъ и Орфей, изъ коихъ одинъ нечувствительные камни, а другой чрезвычайной величины дерева, играя на лирахъ своихъ, приводили въ радостное движеніе, или какой приписуютъ Французскія басни своему Отмію, который протяженными опъ языка своего, цепями связавши уши своихъ слушателей водилъ ихъ всегда по своему желанію, или какой приписывала баснолюбивая древность своему Марсію, или оставивъ Пійиическіе вымыслы, желалъ бы я имѣть теперь, для удобѣйшаго преклоненія всякаго къ сей Святой любви такое краснорѣчіе, какое приписываетъ древняя комедія Периклу, и Алкивіадъ Сократу; болѣе же всего желалъ бы я, дабы самъ Спаситель, во славу котораго да будетъ сіе дѣло, струны моея лиры удержалъ въ такой мѣрѣ, чшобы сія пѣснь пронувъ сердца внемлющихъ ей совершенно воздѣйствовала въ нихъ. Къ достиженію сего ненужны ни Риторическія вымышленныя доказащельства, ни излишнія восклицанія. Ибо истинны ницшо лучше и справедливѣе не подтверждаетъ, какъ самая истина, которая чѣмъ простѣе изображается, тѣмъ дѣйствительнѣе. О презрѣніи сея святыя любви за не нужное почитаю я возобновлять жалобу на времена прежнія; ибо сомнительно можетъ ли быть сія жалоба когда либо справедливѣе, какъ въ сіи времена, когда всякъ изъ смертныхъ съ опмѣннымъ раченіемъ упражняется въ другихъ

наукахъ, а Христову Философію многіе и изъ Христіянъ или осмѣивающъ, или и совсѣмъ опмещущъ; а иногда хотя и занимающся, но безъ всякой къ ней любви и привязанности, а по одному прищворству. — Нѣтъ ничего почти ни въ какой наукѣ изобрѣщенной человѣческимъ раченіемъ столько тайнаго и столько сокровеннаго, куда бы не старался проникнуть разумъ человѣческій да и нѣтъ ничего почти столько труднаго, чего бы не преодолѣлъ многихъ неусыпный трудъ. Такъ для чего же мы, которые оплечаемъ себя отъ другихъ именемъ христіанства несъ паковымъ, съ каковымъ должно расположеніемъ сердца пріемлемъ Христову философію? — Всѣ Платоники, Пифагорейцы, Академики Стоики, Циники, Перипатетики и Эпикурейцы совершенно знающъ главнѣйшія положенія своей секты и содержа ихъ всегда въ памяти въ случаѣ защищенія своихъ положеній скорѣе умереть согласятся, нежели опспутить отъ чего нибудь относящагося къ ихъ сектѣ, или не принявъ за справедливыя мнѣнія своего пущеводителя. Такъ для чего же мы не столько прилѣпляемся къ вождю своему Іисусу? — Можно ли почестъ достойнымъ нашего уваженія, или умнымъ человекомъ того, который уча другихъ Аристотелической философіи самъ не знаетъ какого мнѣнія былъ Аристотель о причинахъ грома и молніи, о первобытномъ веществѣ и о безконечности; хотя впрочемъ знаніе сихъ

и подобныхъ вещей не дѣлаетъ еще человѣка блаженнымъ равно какъ и незнаніе не отвергаетъ въ бѣдствіе; для чего же мы будучи крещеніемъ освящены и присоединены Христу святыми его таинствами, не почитаемъ за опмѣнную гнусность, за ошутительный порокъ и за крайнюю непросвѣщенность незнаніе догматовъ Христіанскія философіи, знаніе которыхъ доставить можешь каждому совершенное благополучіе и высочайшее блаженство? Неоспоримо что тотъ опмѣнное бы оказалъ свое безуміе, кто пожелалъ бы сравнить Іисуса Христа съ Зенономъ, или Аристотелемъ, а божественное его ученіе съ школьными правилами сихъ философовъ. Пускай вымышляютъ сколько хосятъ и сколько могутъ различныя секты, увеличивая славу своихъ вождей: но Іисусъ Христосъ, съ небесъ посланный учитель, одинъ училъ насъ совершенной истинѣ и истинной премудрости, будучи самъ превѣчная премудрость. Онъ одинъ училъ спасительному просвѣщенію, будучи единственная вина человѣческаго спасенія. Онъ одинъ совершенно то и исполнилъ, чему училъ. Онъ одинъ то могъ дѣйствительно совершить, что обѣщалъ. —

Мы всегда почти желаемъ имѣть, или по крайней мѣрѣ видѣть тѣ вещи, которыя доставляемы бывають въ наше общество изъ отдаленной Халдейской или Египетской

ской спраны для того токмо, что онѣ изъ
 ошдаленныхъ мѣстѣ къ намѣ доставлены;
 ибо мы обыкновенно цѣнимъ вещи всегда
 почти по ошдаленности тѣхъ мѣстѣ, изъ
 которыхъ оныя получаемъ. Также случаетъ
 съ нами, что мы весьма часто со всѣмъ
 почти неизвѣстнаго намъ человѣка по од-
 ному суешному любопытству бесполезно
 ищемъ чрезъ такъ долгое время, что о
 потеряннѣ онаго почитая его самымъ важ-
 нѣйшимъ, не можемъ и вспомнить безъ со-
 жалѣннѣ; для чего же непримѣтны подобныя
 чувствованнѣ въ христнѣанскихъ сердцахъ при
 воззрѣннѣ на ученнѣ Христово, которое не изъ
 Египта, не изъ Сирнѣ, но съ небесъ къ намъ
 послано; для чего мы о семъ не такъ какъ
 должно разсуждаемъ? — Та философнѣ
 не должна ли бытъ ошмѣнна предъ всѣми прс-
 чими и превосходящая всякое удивленнѣ,
 для наученнѣ которой смертныхъ превѣчный
 Богъ воплотился, безсмертный претерпѣлъ
 спраданнѣ и смертъ, бывшнѣ прежде вѣкъ въ
 лонѣ всемогущаго своего Отца снисшелъ на
 землю. Не должна ли говорю бытъ особое
 нѣчто, величественное и весьма таинственное
 то, чему учимъ послѣ шоль многихъ слав-
 ныхъ философовъ, послѣ шоль громкихъ про-
 роковъ, пришелъ къ намъ непримѣтный на-
 славникъ Христосъ. Для чего же мы не спа-
 раемся раздѣльно познать въ спасительномъ
 семъ ученнѣ его положеннѣ? Для чего съ
 благо-

благотворѣніемъ не испытуемъ божественныхъ въ немъ истинъ? ибо естли гдѣ, то здѣсь необходимо ошмѣнное вниманіе, когда мудрость сія столь изящна и столько спасительна, что въ сравненіи съ нею всѣ знанія міра сего суть буйство и самое почти ничто. — Изъ немногихъ священныхъ книгъ, яко изъ чистѣйшаго источника спасительнаго ученія гораздо больше почерпнуть можно пользы и сверхъ того съ меньшимъ трудомъ, нежели почерпается Аристотелическое ученіе изъ столь многихъ книгъ, наполненныхъ одними вздорами, и изъ столь пространныхъ самимъ себѣ противурѣчащихъ на оныя толкованій. Приступающему къ познанію Христіянскія мудрости со всѣмъ не нужно прежде изучаться высокимъ наукамъ. Самое простое и самое удобное пошребно здѣсь напущствіе, то есть; было бы токмо благочестивое и любящее истинну сердце. Украшайся токмо живою вѣрою во Христа и буди истинный любитель его ученія, то уже и много ты успѣлъ въ сей философіи. Ибо сему ученію учишь самъ духъ святой, который ни на кого скорѣе не снисходитъ, какъ на сердца съ благотворѣніемъ придерживающіяся святыя Евангелискія истинны. Мірскія науки, кромѣ того, что учащемуся имъ ложное токмо счастье обѣщаютъ, запутанносцію своихъ правилъ часто многихъ и сумашедшими дѣлаютъ; но христіянская философія всякому себя сообразуетъ;

етѣ; юношескаго понятія она не превышаетъ; млекоу своего ученія она питаетъ и самое младенчество, носитъ его, согреваетъ, поддерживаетъ всячески, и во всемъ снисходитъ намъ, пока придемъ во Христѣ въ совершенный возрастъ. Къ тому же Философія сія, будучи удобопонятна для молодыхъ умовъ купно удивительна и для зрѣлости и при томъ такъ, что чѣмъ кто далѣе проникаетъ глубину сего ученія, тѣмъ болѣе усматриваетъ онаго величества. Для малыхъ малое, а для великихъ оно велико. Сіе Христіанское ученіе, никакого возраста, никакого пола и никакого состоянія не отменяетъ. Не столько солнечный свѣтъ можетъ назваться общимъ, сколько христіанское ученіе. Оно всякаго къ себѣ допускаетъ, развѣ кто самъ себя ненавижда отъ онаго удаляется. Я совсѣмъ немогу быть согласенъ въ своихъ мысляхъ съ тѣми, которые недопускаютъ простолюдимо, въ читаніи священнаго писанія, и не признаютъ за необходимое имѣть его на общенародномъ языкѣ, и немогу вѣрить будтобы Христово ученіе такъ сокровенно, что его одни шокмо, и то немногіе, богословы понимаютъ могутъ, или будтобы Христіанскаго благочестія особенное защищеніе въ томъ наипаче состоитъ, чтобы его не всѣ разумѣли. — Можетъ быть хорошо блюсти тайны земныхъ обладателей, Христосъ же благоволилъ чтобы его тайны были всѣмъ открыты. Женщины! читайте и вы спасительныя книги вѣ-

хаго

хаго и новаго завѣта. О есплибы сіи книги переведены были на всѣ языки, дабы не шокмо Скиѣы, но и Турки, или Сарецыны могли оныя чипашъ и совершенно разумѣшъ. — Правда можетъ бытъ сыщущся и такіе, кои будутъ пересмѣивашъ шокмо ученіе сіе: но не будешъ недосапка и въ такихъ кошорыхъ, и плѣнишъ оно. Ахъ! Есплибы и самой земледѣлецъ ходя за своею сохою что нибудь изъ священнаго писанія припѣвалъ; есплибы и прохожему въ пущи священныя исторіи служили для прогнанія скуки! о есплибы всѣ Христіане всегда о сей мудрости разговаривали; ибо и разговоры весьма великое имѣютъ впечатеніе въ наше расположеніе. Мы почти всегда шаковы каковы наши разговры. Никто не долженъ спарашъ, достигать мудрости сея и сокрывать что либо отъ ближняго своего.

Для чего общее сіе ученіе относитъ шокмо къ нѣкошорымъ? сходно ли съ разумомъ, чтобы догмашы вѣры нашей подлежали знанію однихъ пѣхъ, кошорые шеперь называющся богословами или монахами, когда и самое крещеніе, на кошоромъ вся философія Христіанская основывается, относитъ вообще ко всѣмъ Христіанамъ; когда и прочія свяшья тайны, и наконецъ когда и награжденіе безсмертіемъ не можетъ почишашъ частнымъ? — По моему мнѣнію, они и сами, хошя впрочемъ и

и мало принадлежатъ къ обществамъ; должны всеусердно сего желать, дабы удобнѣе содѣлаться въ самой вещи таковыми, какими бы имъ хотѣлось казаться предъ посторонними. Я сіе для шого выговорилъ, что многіе сумиѣваются, нѣтъ ли и межъ богословами сими таковыхъ, кошорые очень далеки отъ своего наименованія? то есть кошорые небесная мудрствую, нищену Христову и презрѣніе міра проповѣдуя; но также какъ и прочіе прилѣпляются къ міру.

Истиннымъ богословомъ почитать должно шого, кошорый незапушанными умозаключеніями, но внутреннимъ благорасположеніемъ сердца и добродѣтельнойю своею жизнію показываетъ, что не нужно плѣняться скоротгибнущими имѣніями. Тотъ, кто проповѣдуетъ, что Христіянину неприсшойно надежду свою полагаешь на шлѣиноши сего міра; ибо онъ долженъ прилѣпляться къ одному Богу вся управляющему и вся содержащему; кто ушверждаетъ, что не должно бышь мспишельнымъ, но всякому добржелательствующимъ даже и недоброхотамъ своимъ; кто научаетъ насъ врагамъ своимъ благодарительствовать; всѣхъ добрыхъ, яко единого шѣла членовъ, любитъ, злыхъ сноситъ и старается всѣми силами о исправленіи ихъ; всѣхъ шѣхъ, кошорые по несчастію сдѣлались бѣдными, угиѣшаемыми и плачу-

щими;

щими; утѣшать и почитать ихъ достойными Божія милосердія; и наконецъ кпо говоритъ, что для благочестія должно презирать и самую смерть; ибо она не иное что, какъ прехожденіе изъ смертности къ безсмертію; шотъ, говорю, кпо сіе и сему подобное, побуждаемъ будучи духомъ Божиимъ, проповѣдуетъ, сіе самое повсюрьетъ, къ сему и другихъ увѣщаетъ или лучше сказать кпо всякаго симъ одушевляетъ, шокмо таковой по справедливости можешъ называться истиннымъ богословомъ! И шотъ, кпо сіе на самомъ дѣлѣ исполняетъ, удостоивается имени великаго Христіанскаго учителя. Христіанскаго богослова должность самая важная. Какъ узнавать сколь много превышаетъ Ангельскій разумъ силы человѣческой души? Сіе можешъ обьяснить не одинъ шокмо Христіанинъ, но и язычникъ: но здравыми своими совѣтами привесть насъ до того, чтобы мы старались содѣлаться подобными Ангеламъ, чтобы мы были добродѣтельны, сіе относится къ одному шокмо истинному Христіанскому богослову.

Противорѣчить сему кажется не льзя. Есть ли же кпо скажетъ, что таковымъ образомъ думаешь есть непросвѣщенная грубость; шотъ да вѣдаетъ что таковой мнимой имъ богоугодной грубости самъ Христосъ училъ насъ, что сію самую грубость и Апостолы проповѣды-

вали; что сія самая непросвѣщенность роди-
ла свѣту неизчетное число истинныхъ Хри-
стіянъ и славныхъ мучениковъ, что сія го-
горю, по мнѣнію его непросвѣщенная филосо-
фія закономъ своимъ покорила такихъ лю-
дей, такія области и шоль многіе народы,
противу которыхъ не успѣла бы ни въ чемъ
ни мощная сила пирановъ, ни мудрость фило-
софовъ.

Неоспоримо что премудрость Христіян-
скую проповѣдывать должно между людьми
зрѣлаго и припомъ очищеннаго разсудка;
однакожъ она не неудобопонятна и для просто-
людиновъ. Христіане должны ушѣшать себя
тѣмъ, что Апостолы Христовы хотѣли и знали
простоты сіи, но старались все изображать про-
сто. При всемъ томъ сіе и самимъ простолюди-
намъ свойственное знаніе болѣе полезно для вся-
каго, нежели вся мудрость Аристотелева, или
Аверроева. Если бы по оному поступали
въ своемъ званіи земные обладатели; если бы
оное припоминали въ своихъ поученіяхъ
священнослужители, и если бы сіе самое
преподавали опрокамъ воспитатели юноше-
ства: христіанство не претерпѣвало бы тако-
выхъ непрерывныхъ почи смущеній; не
сполько бы сильна была спрасъ къ собранію
непозволеннымъ образомъ богашствъ; духов-
ные съ мірскими не имѣли бы никакихъ раз-
доровъ; и наконецъ не одними шокмо на-
име-

именованіями и обрядами опличились бы мы отъ тѣхъ, кошорые во вся не уважають Христіанской философіи.

Распространеніе и утвержденіе Христіанскаго благочестія зависить наипаче отъ трехъ состояній людей : отъ земныхъ обладателей и занимающихъ мѣсто ихъ правительствъ ; отъ первосвященниковъ и ихъ намѣстниковъ священнослужителей , и отъ тѣхъ, кошорые воспылають удобопреклонное ко всему юношесва. Если бы сіи три званія людей, оставивъ частныя свои выгоды, устремили все свое вниманіе ко Христу ; то безъ сумнѣнія въ короткомъ времени увидѣли бы мы вездѣ выикающій особенной родъ истинныхъ Христіанъ ; мы бы увидѣли такихъ, кошорые показывали бы Христіанское ученіе не одними токмо обрядами и неудобопонятными умо-заключеніями ; но самимъ дѣломъ, тѣ естъ добродѣтельною своею жизнію. Враги Христіанскаго имени, по моему мнѣнію обратились бы къ истиннѣ таковымъ оружіемъ божественныя премудрости гораздо скорѣе, нежели браноноснымъ или безчеловѣчными угроженіями раждающими токмо ужасъ въ сердцѣ каждаго. — Истинна во всякомъ случаѣ сильнѣе и дѣйствительнѣе всего. —

Не Пластоиной секты токѣ, кошорый нечиталъ Пластоиновыхъ книгъ ; равнымъ об-

разомъ не можно бытъ тому Христїянскимъ богословомъ, который не имѣетъ никакого понятїя о священныхъ книгахъ. Естли мы истинные Христїяне; естли прямо вѣруемъ, что Христосъ снисшелъ съ небесъ съ тѣмъ дабы открыть намъ свѣтъ, сіянія котораго не зрѣла никогда мудрость сего міра; естли несумнительно надѣемся получить отъ него то, чего не можемъ дать и самые сильнѣйшіе обладатели сея земли: то для чего не почитаемъ мы священныхъ книгъ за самыя лучшія? Для чего часто показывается намъ то ученымъ и премудро сказаннымъ, что совсѣмъ несогласно съ положенїями Христїанскїя философіи? Для чего въ почитанїи священныхъ книгъ мы гораздо вольнѣе, нежели въ законахъ нами управляющихъ особъ, или нежели языческіе исполкователи въ какихъ либо философическихъ сочиненїяхъ? Мы совсѣмъ не уважаемъ такъ какъ должно священной сей вещи, бредимъ объ ней все то, что только ни придетъ намъ на мысль; ясный смыслъ божественнаго откровенїя запутываемъ умственными своими тонкостями; главнѣйшія положенїя небснаго сего ученїя и самыя тѣ правила, по которымъ все испытывается, испытываемъ всегда по образу нашей жизни. Спараясь также всячески казаться многознающими, все то смѣшиваемъ съ изреченїями святаго духа, что ни находится въ книгахъ языческихъ. а чрезъ сіе самое не шокмо

уменьшаемъ важность священнаго писанія, не
и поршимъ оное, часто относя то къ ча-
стнымъ особамъ, чему благоволилъ Спаситель
нашъ быти общему для каждаго изъ смерт-
ныхъ. Важность и сила Христіанской фило-
софіи болѣе заключается въ благорасположе-
ніи сердца, нежели въ пустыхъ умозаключе-
ніяхъ. Здѣсь болѣе нужна добродѣтельная
жизнь, нежели упорное словопрѣіе, болѣе
легко душевное просвѣщеніе, нежели ученая
основательность, болѣе дѣйствительная живая
вѣра, нежели природное остроуміе. — Уче-
ными сдѣлались не многіе могутъ, а Хри-
стіанина имя принять ошъ воли всякаго за-
виситъ. Быть благочестивымъ позволительно
каждому безъ изнѣянія, что можно ска-
зать и о богословѣ; и богословомъ слышь
нѣтъ никакихъ препящствій; вмѣщается
то въ сердце каждаго, что непрѣивно
человѣческой природѣ. Что же есть Хри-
стіанская философія, какъ не обновленіе испор-
ченныя грѣхомъ человѣческой природы? —
Самъ Христосъ называетъ ее опрожденіемъ.
Самъ Спаситель сіе утверждаетъ совершеніемъ
и дѣйствительнѣе кошораго не преподавалъ ни-
кто прежде сея философіи. Правда можно видѣть
и въ философическихъ книгахъ нѣчто согла-
сное съ симъ ученіемъ. Не было еще нико-
гда столь грубаго философическаго ученія ко-
торое бы доказывало, что деньги состав-
ляютъ истинное человѣческое блаженство,

или что верховнѣйшее человѣческое благо состоитъ въ общенародной похвалѣ или въ скорогибнущихъ удовольствіяхъ. Вѣдали спорики, что премудрымъ назваться можетъ добродѣтельный шокмо человѣкъ, что доброе и честное заключается въ истинной шокмо добродѣтели, и что нѣтъ ничего ужаснѣе и гаже порока. Сократъ училъ, что не должно за обиду плашиться обидою; Что, какъ душа наша неподлежитъ смертности, то не надобно оплакивать тѣхъ, кошорые преходящъ въ блаженную жизнь окончавши дни свои съ шверднымъ упованіемъ на промыслъ всемогущаго, и что наконецъ мы обязуемся всячески спарашься отвлекать себя отъ тѣлесныхъ пристрастій и устремляться къ тому, что есть истинное, хоня въ прочемъ и невидимое благо. Аристотель написалъ въ политическихъ своихъ разсужденіяхъ, что изъ самыхъ пріятнѣйшихъ намъ вещей нѣтъ ни одной, въ кошорой бы не было чего нибудь достойнаго презрѣнія и огидливости. А Эпикуръ признаетъ, что ничто не можетъ быть пріятно человѣку въ его жизни, ежели онъ не имѣетъ непорочнаго сердца, пошому что отъ непорочности шокмо седца какъ отъ чистѣйшаго источника происходитъ истинное удовольствіе. Изъ чего видно, что истинное Христіанское ученіе отъ часни извѣстно было и изъ Философовъ нѣкошорымъ, а особливо Сократу, Діогену и Эпикуру.

Но поелику сему самому ученію никто обстоятельно и дѣйствительно не училъ и не исполнялъ онаго такъ какъ Христосъ; то не чудно ли, что Христіане его или не разумѣютъ или презираютъ и осмѣиваютъ? — Еслили есть чтолибо ближе сего ученія къ истинному Христіанству; то оставимъ худшее и послѣдуемъ тому, что въ самой вещи лучше. Еслилиже оно одно токмо можетъ содѣлать истиннаго Христіанина; то для чего мы его оставляемъ и почитаемъ не нужнымъ? для чего не подражаемъ Іудеямъ, у которыхъ и по нынѣ въ великомъ уваженіи Мойсеевы книги? — Учащаго должность то, чему училъ, знать, и что знаетъ, всячески стараться исполнять. Посему не того должно почитать Христіаниномъ, который можетъ показывать свое искусство въ словопрѣніи вадорными своими тонкостями о безвременностяхъ, о отношеніяхъ, о чужествахъ, о образовательствахъ и прочее. Но того, который все то содержитъ и старается исполнять, что исполнилъ и чему училъ Спаситель вселенныя.

При семъ я не имѣю намѣренія опорочивать тѣхъ, которые изощряютъ силы своего ума посредствомъ упражненій въ философическихъ изслѣдованіяхъ; — озлобитъ не хочу я никакого — а хочу то только сказать, что по моему мнѣнію, не дѣля ни-

откуда лучше почерпнуть истинной Христiанской философіи, какъ изъ книгъ Евангелскихъ, какъ изъ посланій Апостолскихъ. Истинный любомудръ дѣйствуя больше благоговѣйными къ Богу молитвами, нежели запушанными доказательствами, и желая вооружаашься больше вѣрою, нежели смертоноснымъ оружіемъ, безъ сумнѣнія найдетъ, что въ сихъ священныхъ книгахъ все то содержится, что нужно къ человѣческому благополучію; что онѣ удовлетворительны для каждаго состоянія людей, и что все въ нихъ заключающееся предложено ясно и совершенно. — Если мы желаемъ чему нибудь научиться; то для чего не изберемъ своимъ учителемъ самаго Христа и на предпочтемъ его предъ всѣми прочими? — Если мы ищемъ примѣра, какимъ образомъ провождать свою жизнь; то не живой ли намъ примѣръ самъ чиновначальникъ Христосъ?

Если желательно намъ сыскать какое либо врачество противъ вредныхъ плотскихъ вожделѣній, то не уже ли думаемъ мы найши оное дѣйствительнѣе въ другихъ какихъ либо мѣстахъ? Если хотимъ ободрить увялый нашъ духъ чтеніемъ; то можемъ ли что быть сего для внутреннихъ побужденій живѣе и дѣйствительнѣе? Если занужное находимъ отвлекашъ свой умъ отъ излишнихъ заботъ временныхъ

ныхъ

ныя жязни; но для чего прилѣпляемся къ мірскимъ увеселеніямъ? Для чего лучше хотимъ научаться Христовой премудрости изъ человѣческихъ сочиненій, нежели изъ книгъ божественныхъ дѣйствіемъ Духа святаго написанныхъ? развѣ мы не вѣримъ, что въ нихъ присутствуетъ самъ Іисусъ, что сими книгами наипаче исполняетъ онъ свое обѣщаніе быть съ нами до скончанія міра.

Не могли того видѣть и слышать Іудеи, что можешь видѣть и слышать ты, о Христіанинъ, въ Евангельскихъ писаніяхъ. Впери шокмо въ нихъ глаза свои, и приклони уши, которыми должно слышать оныя истинны. — Къ стыду нашему мы часто письма своихъ друзей предпочитаемъ источнику удовольствія. Мы оныя хранимъ, лобызаемъ, носимъ вездѣ съ собою и многократно перечиываемъ. А Евангельскія и Апостольскія книги едва и однажды въ нашей жизни привлекутъ къ себѣ вниманіе нѣсколькихъ тысячъ Христіянъ, не смотря на то, что многіе изъ нихъ причтены къ числу ученыхъ — Магомешане знаютъ твердо свои догматы, и Іудеи даже и въ сіе время учаща съ малыхъ лѣтъ закону, которой предалъ имъ Моисей. Для чего же мы не таковы въ отношеніи къ нашему Спасителю и божественному его ученію? — Венедикціане правила святаго Венедикта чловѣка впрочемъ

не совсѣмъ ученаго твердо содержатъ въ своей памяти, всегда онымъ обучающа и ими себя одушевляющъ. Августіане знаютъ уставы святаго Августина основателя своего ордена. Францискане обожаютъ, любящъ и вездѣ при себѣ имѣющъ преданія своего Франциска думая при томъ, что они и въ безопасности бытъ не могутъ, естли нѣтъ при нихъ его правилника. Для чего же мы не предпочитаемъ преданій человѣческихъ Святейшему правилу, которое предалъ всѣмъ Христіанамъ вообще Спаситель міра, которое исповѣдуемъ мы при крещеніи и котораго наконецъ ничто не можетъ бытъ святѣе и совершеннѣе, хотя бы и тысячные законы выдуманы были отъ подобныхъ намъ человѣковъ. О естли бы отъ всѣхъ Христіанъ Евангеліе и Апостольскія посланія пакъ какъ должно уважаемы были! То безъ сумнѣнія свѣтъ человѣческихъ писаній казался бы тьмою въ разсужденіи сіянія божественнаго откровенія; безъ сумнѣнія всѣ постороннія книги были бы безполезны подобно закону данному отъ Мойсея на опредѣленное время Іудейскому народу, который, по словамъ Апостола Павла, спалъ совершенно не нуженъ при свѣтѣ славы Евангелія. Какія похвалы приписывашъ великому Алберту, какія Александру, какія Томѣ Аквинскому, какія Егидію и какія наконецъ Рикардо сіе предоставлено собственною каждымъ воля. Не для чего здѣсь умалашъ что

либо

либо изъ нихъ славу или прошивоборствовать
зашырдылымъ человѣческимъ мнѣніямъ и
склонностямъ. Пущай сочиненія ихъ по-
читаются у всѣхъ за самыя основательныя,
пущай содержатъ онѣ въ себѣ тонкія мысли,
пущай, ежели можно, признаетъ оныя всякъ
за самыя Ангелскія. Но да не соравняетъ
ихъ никто съ священнымъ писаніемъ, истин-
нѣе котораго и совершеннѣе не можетъ быть
ничто. —

Павелъ Апостолъ совѣтуетъ испыты-
вать духи Пророковъ ошъ Бога ли суть?
Блаженный Августинъ желаетъ, что бы его
сочиненія съ шаковымъ же вкусомъ читаемы
были, съ какимъ обыкновенно читалъ онъ
сочиненія другихъ. При чтеніи однихъ ток-
мо священныхъ книгъ излишно любопытство-
вать не надобно. Въ нихъ многое почитать
мы должны со благоговѣніемъ и то, чего и
не понимаемъ. Творецъ священныхъ сихъ
книгъ достоинъ всякаго вѣроятія. О преиму-
ществѣ его предъ прочими самъ небесный
отецъ увѣрилъ насъ свидѣтельствуя боже-
ственнымъ своимъ гласомъ при іорданѣ во
время крщенія нашего Спасителя и на горѣ
фаворѣ во время его же преображенія сви-
дѣтельствуя сими словами: *сей есть сынъ
мой возлюбленный о немъ же благопо-
лихъ, того послушайте.* О безпримѣрное
преимущество! — Послѣдуемъ Спаситель-
ному

ному учению совершеннаго сего наставника. Будемъ учениками единаго сего истиннаго учителя. Пусть превозносишь, кому угодно, ученость другаго какого либо автора; но намъ не безъ извѣстно, что объ одномъ Иисусѣ сказано: сей есть сынъ мой возлюбленный, того послушайте. На одного его снисшелъ духъ святой утвердишель опчешива въ видѣ голубинѣ. — Духъ божественнаго сего учителя ясно и живо изображаетъ на себѣ ученикъ его Апостолъ Пётръ. Ему верховнѣйшій пастыреначальникъ Иисусъ троекратно поручалъ пастыи свои овецъ на пажити Христіанскаго ученія. Павла же Апостола сей истинный Христіанскій учитель, какъ бы возродясь въ немъ, имянуетъ избраннымъ своимъ сосудомъ и знаменитѣйшимъ проповѣдникомъ имени своего. И Іоаннъ возлюбленный наперстникъ Христовъ все учение изображенное въ своихъ писаніяхъ почерпалъ изъ сего же священнаго источника. Разсуди же всякъ безпристрастно находятся ли что либо равное или по крайней мѣрѣ сходственное нѣчто ихъ учению у Іоанна Скопа или Томы Аквинскаго, сколько впрочемъ разумъ перваго ни удивителенъ кажется многимъ и сколько свяпость жизни другаго нидоспойна кажется всякаго почианія. Такъ для чего же мы всѣ не любомудрствуемъ въ сихъ однихъ священныхъ писаніяхъ; для чего ихъ не хранимъ всегда при себѣ; для чего ихъ не держимъ всегда въ

рукахъ; для чего мы имъ со всевозможнымъ бдѣніемъ не поучаемся, и не испытуемъ ихъ съ благоговѣніемъ; для чего мы больше употребляемъ времени на прочтеніе Албертовыхъ сочиненій, нежели на чтеніе свяшаго Евангелія; для чего мы всѣ почти лѣта свои теряемъ въ познаніи однихъ человѣческихъ законовъ или мнѣній не рѣдко самимъ себѣ противорѣчащихъ? — Да будутъ предоставлены человѣческія умоизобрѣшенія глубокомысленнымъ философамъ; желающій же быть истиннымъ Христіанскимъ богословомъ да поучается однимъ Евангельскимъ наставленіямъ. —

Мы всѣ вообще при самомъ крещеніи кляпвою обязавшіеся сохранить слова Христова должны обучаться основаніямъ Христіанскаго ученія даже въ самыхъ объятіяхъ еще родителей своихъ; поелику въ непорочномъ сердцѣ насажденное ученіе гораздо больше вкореняется. — Да произносятся имя Христово изъ устъ самаго младенца, да наставляюща всѣ Евангельскимъ ученіемъ въ первыхъ еще опроческихъ лѣтахъ; да будетъ ученіе Христово преподаваемо такъ, чшобы виновника сего небеснаго ученія любили и самые младенцы. Мы должны, пока преидемъ въ мужей совершенныхъ во Христѣ, упражняться въ священной сей наукѣ съ самаго младенчества. — Часто случается чшо многіе проведши жизнь свою въ изученія

ченіи сочиненій какихъ либо писателей, при концѣ жизни своей не только пренебрегаютъ всѣ мѣнія ихъ, но и сожалѣютъ о потерѣ времени своего надъ упражненіями оными. Но тотъ, кого день и ночь поучающагося въ святомъ писаніи постигаетъ смерть, на всегда остается блаженнымъ. И потому Христіанскаго ученія содержащагося въ сихъ священныя писаніяхъ мы должны всѣмъ сердцемъ желать; къ нему одному прилѣпляться, въ немъ одномъ упражняться, его одного любить, его одного паче всего любить и ему одному наконецъ посвятивъ всю жизнь свою стараться сообразовать всѣ свои дѣянія правиламъ онаго. — Сіе спасительное ученіе удобно можно имѣть вліяніе и во нравы наши. — Кто же не можетъ постигать ученія сего, хотя по хотѣющему не невозможно сіе, тотъ по крайней мѣрѣ долженъ съ благоговѣніемъ почитать священныя книги хранящія въ себѣ силу святаго духа. — Нѣтъ сумнѣнія, что если бы кто явилъ намъ слѣды ногъ Христовыхъ, то бы мы падши къ онымъ съ благоговѣніемъ облобызали священныя оныя стопы. Но не съ вящимъ ли благоговѣніемъ должны почитать мы священныя книги ясно изображающія въ себѣ живой образъ Спасителя? — Если бы кто возвѣстилъ намъ о дражайшей одеждѣ Христовой, то въ коль опдаленныя предѣлы свѣта пошли бы мы, дабы удостоишься увидѣть и обло-

облабывашь оную. Но хощя бы можно было получитьъ всѣ вещи, которыя онѣ имѣлаъ будучи не землѣ между людьми; при всемъ томъ ни одна изъ нихъ не могла бы живѣе и истиннѣе представить Спасителя, какъ представляетъ его намъ Евангельское учение. Священныя книги содержащія въ себѣ Христіанскую философію гораздо живѣе представляютъ намъ Спасителя, нежели всѣ наружныя виды и изображенія; ибо на всѣхъ изображеніяхъ начертывается одинъ шокмо образъ шѣла Христа, но въ священномъ писаніи живо начертанъ священнѣйшій образъ святѣйшей души его; въ сей по Христіанской философіи является одинъ Іисусъ Христосъ истинный учитель всѣхъ и совершенный врачъ болѣзней души нашея; въ ней по открыто высокое учение о смерти за насъ и о воскресеніи ради насъ Спасителя; въ семъ по никонецъ Христіанскомъ ученіи весьма ясно видѣть можно Христа Спасителя истиннымъ и единосущнымъ Богу отцу сыномъ Божіимъ.

IV.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

*О добродѣтели когда точно выпадетъ
она путемъ къ истинному блажен-
ству челоѣка.*

Естьли совершенное блаженство смертныхъ состоитъ въ наслажденіи высочайшимъ и неизменяемымъ благомъ, которое въ совѣстѣ челоѣческой можно чувствовашъ; по здравый разсудокъ и опытъ совершенно научающъ насъ, что добродѣтель единственныи и самый надежнѣйшій естъ путь къ достиженію сего блаженства. Она по источникъ всего истиннаго удовольствія; она увѣчиваетъ насъ шѣми совершенствами по которымъ родъ разумомъ одаренныхъ тварей посправедливости предпочесть должно всѣмъ дѣламъ все-сильныхъ рукъ Божіихъ. Сіе положеніе такъ несумнишело, что и безъ дальнѣйшихъ доказательствъ можемъ мы быть увѣрены въ истиннѣ онаго. Но къ сожалѣнію нашему опытъ увѣряетъ каждыи, что мы не всегда имѣемъ справедливыи понятія и не всегда по законамъ добродѣтели располагаемъ свои дѣла. Часто случается что и самыи лучшіи люди не бывающъ такъ добродѣльны, какъ они быть должны или могущъ быть. — Невѣжество и предразсудки раждающіеся изъ развращенныхъ желаній или порочныхъ спрасей

ча-

часто обманываютъ нашъ разумъ такъ, что мы нерѣдко ложно почишаемъ добро зломъ, а порокъ добродѣтелью; и въ сихъ предразсудкахъ заколебавши, весьма часто спремимся къ тому, чего должно убѣгать; а убѣгаемъ иного, чего мы всячески желаемъ и ищемъ обязаны. Сія ошибка естли гдѣ, то въ оныишеніи къ добродѣтели весьма опасна для того, чтобы случайно ночью блестящаго червя не почесъ бриліантомъ и искусственныя маски природною лѣпоною; или лучше сказать, чтобы не почесъ истинною добродѣтелью прихвостныя святоши, къ которой приспирасившихся Спаситель уподобляетъ поваленнымъ гробамъ, сущимъ вѣ великолѣпнымъ, вѣнчаннымъ же исполненнымъ всякія нечистоты. — Нужно имѣть весьма испытной разборъ между добродѣтелью прихвостною и истинною соснавающею челоѣческое блаженство. — Всѣ мужи, свѣтомъ зрѣлыя учености и истиннаго благочестія просіявшіе, единодушно утверждають, что добродѣтель, разсуждаемая, яко превосходящее свойство челоѣческой души, не иное что, какъ чистосердечное и ревностное спараніе хранишь во всякое время и самымъ лучшимъ образомъ всѣ законы природы и всѣ Божескія предписанія въ своихъ дѣйствіяхъ, которыя тогда только справедливо могутъ и должны почесъ основаніемъ нашего блаженства, когда онѣ бывають во всемъ и по внутреннему совѣ-

сти увѣренію сообразны симъ священнымъ уставамъ. Инако же все, что не произтекаетъ изъ сего источника; все, что несходственно съ Божественнымъ закономъ и съ вѣчными уставами естества, хотя бы оно въ своихъ слѣдствіяхъ для насъ самихъ, или для другихъ казалось нѣкоторымъ образомъ и полезно, недостойно почестся истинною добродѣтелью; слѣдовательно и не можетъ быть орудіемъ нашего блаженства. — Почему справедливо заключить можно, что существо истинныя добродѣтели преимущественно заключается не въ наружныхъ, которыя иногда по виду токмо сообразны бываютъ естественнымъ законамъ; но во внутреннихъ расположеніяхъ сердца. — Совѣсть есть престолъ истинныя добродѣтели. Въ ней одной чувствуемое удовольствіе можно почестъ удовольствіемъ составляющимъ истинное блаженство смертныхъ. — Блаженство сіе получаемое изъ чувствованій истиннаго удовольствія въ совѣсти нашей можетъ быть раздѣлено на разные виды добродѣтелей; но всѣ оныя виды заключаются въ состояніи духа исполненіемъ досюдолжнаго почитанія къ высочайшему Божеству и въ благопріятствующихъ склонностяхъ къ подобнымъ намъ сочеловѣкамъ. Изъ сего источника произтекаютъ всѣ добродѣтели, и раждающіяся изъ сихъ богоугодныхъ дѣйствій въ нашемъ сердцѣ чувствованія суть неложныя примѣны, что

что мы совершенно господствуя надъ всѣми нашими спрасъми имѣемъ вождѣленный миръ въ совѣсти нашей и несумѣнно увѣрены бываемъ, что мы во всѣхъ нашихъ дѣлахъ свято придержимся божескихъ законовъ; а въ семъ увѣреніи и состоишь вся сила истинныя добродѣтели, слѣдовательно и все наше блаженство. — Истинно добродѣтельная душа почерпаетъ высочайшія удовольствія изъ почитанія, любви, упованія и благодарности къ всевышнему существу. Ибо возвышенный духъ сими добродѣтелями къ Богу, яко источнику всѣхъ благъ, совершеннымъ наслаждается покойствиемъ и неизреченнымъ блаженствомъ. Изъ сего къ Творцу возвышенія рождаются шѣ чувствованія, въ которыхъ дѣйствительно пославаятъ можно высочайшую степень человѣческаго благополучія. — Между всѣми къ виновнику нашего бытія относящимися добродѣтелями верховнѣйшее занимаетъ мѣсто и яко душа оныхъ есть истинная любовь къ Богу; пошому что безъ нея предъ сердцевѣдцемъ никакая добродѣтель не можетъ быть совершенна, пріятна и для насъ полезна. О чемъ одинъ изъ славныхъ мужей разсуждая говоритъ: познавъ Бога, есть блаженства начало, покланяясь ему есть приращеніе блаженства, любить же Бога есть совершенная зрѣлость, блаженства и самый высочайшій степень добродѣтелей.

За любовью къ Богу преимущественно слѣдуетъ добродѣтель живаго упованія на всесильный его промыслъ. Ибо всѣ добродѣтели получающъ питательной свой сокъ изъ источника упованія на провидѣніе всевышняго. Сверхъ сего упованіе на всесильнаго Бога опдаляетъ отъ насъ всѣ страшныя виды случающихся съ нами различныхъ возмущеній; ибо при силѣ онаго часно и самыя несчастія наши служатъ къ вѣщему нашему благополучію, по подобію лекарствъ, копорыя хотя иногда и горки, однако часто бывающъ не безполезны для нашего благосостоянія. Средство, копорымъ удобно можно достигнуть добродѣтели несумѣннаго упованія на провидѣніе Божіе, есть безпрестанное и разумное размышленіе о Божескихъ совершенствахъ, по копорымъ высочайшее существо печется о благосостояніи всѣхъ тварей; ибо онъ никакъ не могли бы пребыть въ своемъ порядкѣ, естли бы не сохраняло ихъ провидѣніе всесильнаго. Таковымъ размышленіемъ о всеблагомъ промыслѣ Божіемъ исполненное сердце чувствуетъ свое блаженство приобретаемое упованіемъ на Бога, воспламеняется особливымъ благоговѣніемъ ко Творцу и благопромыслишею своему, и въ благодарныхъ сихъ чувствованіяхъ прославляетъ непостижимые пути провидѣнія, разными образами промышляющаго о благосостояніи избранныхъ своихъ. —

Сіи благодарныя ко Творцу и благопромыслишело нашему чувствія по большей части обнаруживаются благопріятствующими къ человѣкамъ склонностями. Богъ благоволилъ о нихъ больше, нежели о шучныхъ жертвахъ, или другихъ какихъ либо приношеніяхъ часто производимыхъ по одному шокмо обыкновенію. Всѣ благопріятствующія склонности вообще именуяшся человѣколюбіемъ, которое есть не иное что, какъ искреннѣйшее желаніе споспѣшествовать благосостоянію другихъ единственно для того, что они такимъ же образомъ, какъ и мы, получающъ бытіе свое отъ Бога, и что они вмѣстѣ суть предметъ любви зиждишеля природы и всего въ ней существующаго. А сіе основаніе человѣколюбія есть не ложнымъ увѣреніемъ, что оно должно сопровождено быть искреннею, а непришворною склонностію споспѣшествовать благополучію другихъ. Оно не должно происходить изъ корыстолюбія, или честолюбія: но единственно изъ истинныя любви ко всеобщему ошцу человѣковъ и къ шѣмъ, которые въ душѣ своей носятъ образъ и подобіе его. Человѣколюбивыя склонности, ко умноженію и ушверженію благоденствія другихъ, должны быть пріятнѣйшею пищею, особливо для Христіанскихъ сердець. Онѣ-шо, употребленныя въ дѣйство, составляютъ главную часть нашей должности на земѣ. Ибо онѣ споспѣшествоуютъ нашему собственному

и другихъ благополучію. Отъ нихъ происходитъ спокойствіе и удовольствіе обществъ, а посему и самое наше блаженство. По увѣреніюже опкровенія дѣла человеколюбія имѣютъ отношеніе и къ самому источнику благъ. „Аще сотворите единому отъ малыхъ сихъ, мнѣ сошвористе.„ слова Священ. Пис: О коль великая честь для человека и коль великое побужденіе къ любви и къ искреннему старанію о благосостояніи другихъ, когда всеблагій Богъ и малѣйшія дѣйствія человеколюбія принимаетъ за благодѣянія себѣ оказанныя, и когда человеколюбивый чрезъ сіе можетъ быть таковымъ въ своемъ родѣ къ другимъ, какъ высочайшее существо ко всѣмъ изъ смертныхъ. — Но и при сихъ, равно какъ и при прочихъ добродѣтеляхъ, нужно имѣть благоразумную осторожность, дабы случайно притворной наружности не почестъ за внутреннюю составляющую всю важность. Ибо разсматривая упомянутыя нами главныя добродѣтели, составляющія истинное блаженство смертныхъ, судите: можно ли и должно ли почитать добродѣтелями поспыдныя для Христіянина дѣла лицемерія? Не одинъ ли явный обманъ въ нихъ кроется? Не они ли суть то содомское яблоко, которое по виду прекрасно, внутрь же исполнено несстерпимаго смрада? Судите: можетъ ли таковой родъ быть любезенъ Богу, когда онъ

поспы-

посыденъ и предъ людьми имѣющими
прямое понятіе объ истинномъ просвѣщеніи, о
добродѣтели, обитающей не въ прищворной
наружности: но во внутреннихъ предѣлахъ
нашей совѣсти. А посему можешь ли прищвор-
ная добродѣтель родить въ совѣсти нашей
истинное удовольствіе, или быть пушемъ
къ совершенному человѣческому блаженству?
Сіе столько же возможно, какъ естли бы кто
отъ тернія пожелалъ собирать смоквы.

Здравый разумъ и опытъ совершенно
удовольствуютъ насъ, что существо истинныя
добродѣтели состоитъ не въ прищорствѣ, яко
знакъ подлога сердца: но въ одномъ внут-
реннемъ чувствованіи высочайшаго удоволь-
ствія. Прищорной свялости мы должны
беречься, яко смертоноснаго яда для душъ
нашихъ. Истинна и истинна совершенная
да обладаетъ сердцами нашими! изъ нея
одной текуція удовольствія да разольются
по всему сосаву нашему! Отсюду раждаю-
щіяся радостныя чувствованія да почитаетъ
душа наша своимъ совершеннымъ блажен-
ствомъ! — (*)

Г 4

V.

(*) Сія и прежняя спашья сообщены намъ изъ Кіе-
ва оп. почтеннаго Іероманаха Виктора, за
которыя, равно какъ и за другія имъ достав-
ляемыя намъ свидѣтельствуемъ чрезъ сіе
должную нашу благодарность.

V.

П И С Ъ М О
КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ
Покоящагося Трудолюбца.

Господа Издаатели !

Милостивые Государи,

Благосклонность публики , съ которою пріемлетъ она помѣщаемыя вами сновидѣнія въ вашемъ Покоящемся Трудолюбцѣ , родила во мнѣ лестную надежду , что видѣнное мною не во снѣ , а на яву , равнымъ образомъ не будетъ опрынуто ея снисхожденіемъ , ежели только основательная ваша разборчивость допуститъ занять нѣсколько листковъ моему видѣнію въ кошорой нибудь части вашего Покоящагося Трудолюбца. Я препровождаю оное къ вамъ чрезъ столь опдаленный (*) путь во исполненіе возложенной на меня должности общимъ вашимъ избраніемъ. — Упустите мнѣ , что оно не новое нѣчто , и имѣетъ , ежели не во всемъ , то по крайней мѣрѣ , очень во многомъ сходства съ вашимъ собственнымъ видѣніемъ. — Мнѣ показалось оно надежнѣйшимъ средствомъ къ до-

(*) Авторъ сего письма опдаленъ отъ Москвы съ лишкомъ на восемь сотъ верстъ къ спонру южной.

достиженію вашей, какъ-то мнѣ кажется,
а слѣдственно и моей цѣли. Другой причины
я не имѣю предлагая вамъ на разсмотрѣніе

КРАТКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

О Фанатизмѣ, или лжесвятости.

Я думаю вы вѣ томъ со мною согласи-
тесь, что порокъ сей сколько ни есть обще-
народенъ, однако постыденъ для человѣче-
скаго рода; и хотя правда, что разсуждая
существенное знаменованіе Фанатизма, не
льзя изъ оного вывести никакого порока; ибо
сіе слово вѣ собственномъ разумѣ означаетъ
тоже что и энтузіазмъ, т. е. вдохновеніе
свыше, или испосланное просвѣщеніе. Но сіе
значеніе Фанатизма злоупотребленіемъ столь-
ко нынѣ испорчено, что подъ симъ словомъ
всякъ уже понимаетъ не добродѣтель, а по-
рокъ и гнусную ложную святость; и такъ
ни мало не удаляясь отъ общаго мнѣнія, мож-
но опредѣлять Фанатиковъ такимъ обра-
зомъ: „они суть люди подобные всѣмъ про-
чимъ смертнымъ; но для обману другихъ,
особливо мало просвѣщенныхъ людей, присвоивъ
себѣ нѣкоторую святость, говорятъ, а многіе
изъ нихъ и увѣрены сами, что имъ бывають
свыше какія-то откровенія, или Божественныя
вдохновенія: чрезъ что возмечтавши много
о своей святости, презирають всѣхъ, даже
и самихъ добродѣтельнѣйшихъ людей, и до-

шедши до высочайшей степени мнимыя своея святости всѣ случающіяся съ ними злыя наважденія, меланхолическія воображенія, а иногда и самыя своевольныя бредни и изъ смѣшенныхъ вдругъ многихъ воображеній родившіяся мечтанія именуютъ Богодухновенными дѣйствіями. Изъ чего довольно явствуетъ, что Фанатики могутъ быть удобопреклонѣнѣйшими ко всякой неправотѣ; ибо когда воображеніе ихъ такъ смѣшено, что они безпрестанно представляють новые виды, и при томъ такъ, что не успѣвъ обозрѣть однихъ, видятъ предъ глазами и другія безчисленныя, то и спастись не лзя, чтобы обезпокоенный умъ столько многоразличными воображеніями могъ совершенно понять представляющіяся ему вещи и составить объ нихъ справедливое умозаключеніе. И вошъ источникъ заблужденія, которому неизбѣжно подвергають себя пустосвяты; они презрѣвши даръ природы, которымъ связь вещей, ихъ дѣйствія и причины дѣйствій правильно познавать можно, вперяють умъ свой въ пустые вымыслы, и вмѣсто законнаго пути, природнаго о вещахъ разсужденія, придерживаются нѣкоторыхъ ложныхъ воображеній, которыя бывають различны, по различію вѣтренныхъ умовъ, полагающихся на одни пустыя свои мечты, а не хощащихъ употребить ни одной минутой на размысленіе о какой либо вещи. — Можно ли надѣяться, что бы будучи въ такихъ поло-

положеніяхъ, пустосвящшы могли ийти путемъ истинны, когда истинна всегда ходишь спезею поспоянства, имѣя примѣны всегда одинаковыя и припомѣ такія, которыя въ видѣ ложнаго пустосвящства никогда не открывающся? — При всемъ томъ многіе изъ смертныхъ, мракомъ непросвѣщенности покрытые, а паче упорнымъ суевѣріемъ водимые, нерѣдко пустосвящовъсихъ почитаютъ великими мудрецами, поставляя знакомъ великаго разума, естли кто дѣлаетъ безчисленныя воображенія, объявляетъ мнимыя опкровенія, Божественныя явленія, или другія какія либо суешныя свои мечтанія. — Но возможно ли, да и должно ли почитать справедливымъ неосновательное сіе ихъ умозаключеніе основывающееся на однихъ пустыхъ новостяхъ, и утверждающееся на однихъ явленіяхъ какихъ либо чудесъ, хотя впрочемъ ложныхъ, когда здравая ученость всѣ таковыя бредни вымышляемыя праздными умами пустосвящовъ почитая за ничто, основывается на совершенномъ познаніи природы, самихъ вещей и ихъ дѣйствій. —

Виды многоразличны, которые принимая на себя Фанастики достигаютъ желаемой цѣли. Многіе изъ нихъ касающся положеній, на коихъ основывается истинное благочестіе, душа всѣхъ общественныхъ благоучрежденій. — Сей родъ пустосвящовъ самый опаснѣйшій, хотя при всемъ томъ по праву

праву человѣколюбія больше сожалѣнія, нежели обвиненія достойнѣ. Ибо сія свяшость сбившись однажды съ пупи истиннаго о себѣ понятія, по испорченному своему воображенію, неволею почти выдумываютъ себѣ различныя видѣнія и нѣкошорыя свыше опкровенія, и выдумавши предпочитаютъ ихъ всѣмъ опытомъ дознаннымъ истиннамъ. Благоразуміе велитъ въ семъ случаѣ предпринимать всѣ мѣры, дабы таковыя мечтанія пустосвятовъ не были подкрѣпляемы вѣроимчивостію другихъ. Сія болѣзнь въ мнимую свою свяшость влюбленныхъ душъ удобно можетъ заразить цѣлое общество украшенное богочитаніемъ истиннымъ. Да при томъ зараза сія легко можетъ сдѣлаться и неудобноизцѣлимою, когда ничто не имѣетъ столь сильнаго впечатлѣнія въ человѣческія сердца, какъ пустые вымыслы проповѣдующіе истинной Религіи, ошмешающей всѣ нелѣпыя бредни Фанашиковъ; можно также увѣришельно сказать, что изъ всѣхъ неудобопразднваемыхъ пороковъ самымъ шруднѣйшимъ долженъ почестъся порокъ лжесвяшости; поелику пустосвятовъ, въ мнимую свою свяшость влюбившихся, никто не въ состояніи убѣдить въ ихъ заблужденіи, или выведетъ изъ Лавиринеа ихъ своегомыслия. Они несумѣнно увѣрены, что все то, чего они не понимаютъ, есть самое справедливое, богодухновенное и единственно для ихъ набожности имъ свыше открываемое; почему

въ

въ таковомъ мнѣніи закоси́вши, даже и слуша́тъ не хоща́тъ совѣствующихъ имъ проповѣданное. И ес́ли избраніе лучшаго всегда предпочи́тается посредственному; то и въ семъ случаѣ гораздо благоразуми́ѣе поступае́шь тогда, кто не входитъ съ ними въ дальнѣйшіе разговоры, или хоща и разговаривае́шь, но единственно для того, чтобы нѣмъ бо́лѣе увѣриться въ неа́вностихъ, ихъ сновидѣ́ній, имѣющихъ источникъ своимъ мрачную меланхо́лію. — Но ес́либѣ можно было проникну́тъ въ тайныя зги́бы сердецъ пусто́святыхъ, и увидѣ́шь, съ какимъ по́чно намѣ́реніемъ присво́яютъ они себѣ оную свято́сть, вообража́ютъ явленія, или божественныя открове́нія, выдумыва́ютъ ложныя чудеса и другія симъ подобныя сонныя спеченія мыслей: то какое бы откры́лось поле мерзости, яко существе́нныхъ свойствъ лже́святости! явились бы пусто́святые непримыми врагами благости Творца природы, ко́торый не однимъ токмо имъ, какъ они дума́ютъ, но всему человѣческому роду спасе́нныя хоще́тъ. Явились бы они врагами ближнихъ своихъ, все присво́я себѣ, а у другихъ отъе́мля, хоща въ самомъ дѣлѣ всѣ люди равное имѣ́ющъ право на блаженство. Откры́лась бы ихъ зло́сть и въ разсужденіи всея природы вещей; ибо ихъ сновидѣ́нія и ложныя проповѣ́данія о чудесахъ, объ открове́ніяхъ и о другихъ пустыхъ мечтаніяхъ

часто бывають таковы, что ихъ совершенный порядокъ и ненарушимая связь вещей, устро-
енные премудрою и безпредѣльною силою Зи-
ждишеля, никакъ вмѣстѣ не могутъ, слѣд-
ственно и не возможно имъ быть въ самомъ
дѣлѣ. — Жалко, что благороднѣйшая тварь
всесильныя руки, копорая должна бы, какъ
орелъ къ солнцу, возвышаться къ своему
Творцу, часто чрезъ пристрастіе къ порокамъ,
принимаетъ на себя подобіе неразумныхъ
скоповъ, полагающихъ всю жизнь на удо-
вольствованіе своихъ вожделеній. Сіе увеличи-
вается при разсмаприваніи пустосвятствомъ
зараженныхъ сердецъ, поелику пустосвяты
по дѣйствіямъ своимъ не скопамъ токмо,
но и самымъ злымъ духамъ уподобляются:
Первое потому, что какъ злобный духъ
сдѣлавшись первымъ богопрошивникомъ, воз-
мечшалъ похищать честь Божию и равенъ
быти Творцу вселенныя: такъ равно и пусто-
святы всегда мечтають о себѣ, что они
всебѣдуши: имъ-то божественныя въ снови-
дѣніяхъ, а иногда и явно бывають явленія,
что Творецъ неба и земли дружески съ ними
разговариваетъ и что ясно открываются
имъ пути судебъ правящихъ вселенною. По-
чему думаютъ и говорятъ, что ихъ свя-
тосць спойтъ того, чтобы все текло по ихъ
желанію и чтобы ихъ всякъ почиталъ до-
стойнѣе всего міра. Но таковыя самохваль-
ныя пустосвятовъ мысли не явно ли богопро-
шивны

живны и несходны ли съ высокомѣрными мыслями дерзнувшего возжелать высочайшаго престола всемогущаго Творца и обладавшаго всея вселенныя? Второе: какъ противоборствующій благости всевышняго, сколько возможно пищися соврашши человѣка съ пути ведущаго къ вѣчному блаженству: такъ равно и пуспосвященны величайшее удовольствіе чувствуютъ, когда имѣютъ случай обмануть своею мнимою набожностію невинныя сердца, и соврашивъ оныя съ пути истинныя пославивъ ихъ на слѣды, ведущіе въ бездну золь и всякихъ нечестностей. Но о! если бы подобныя сему дѣйствія не подвергнули ихъ одной съ нимъ и участи! — Всѣ пороки предъ чистѣйшимъ источникомъ добродѣтелей гнусны: но тѣ, кои касаются порчи нравственности многихъ людей, или вреда общественныхъ благоустройствъ, самые богопротивнѣйшіе и опаснѣйшіе для человѣковъ. Сіи постыдныя качества не довольно ли видны въ гнуснѣйшемъ пороки мнимыя святости? Ибо, что касается до развращенія нравовъ, то въ семъ случаѣ пуспосвященство можетъ почестъся самыми широкими врагами ко всѣмъ неустройствамъ; поелику зараженные симъ порокомъ, высоко ставя мнимую свою святость, и сами увѣрены и другихъ увѣряютъ въ томъ, что все то, что имъ ни нравится и что они ни дѣлаютъ, хотя бы оно въ самой вещи было противно и божественнымъ и граждан-

дан-

данскимъ законамъ, еспѣ свято и непорочно; а симъ самимъ и себѣ и другимъ неопшворяющѣ ли они дверь ко всѣмъ беззаконіямъ, и не служатъ ли явнымъ поводомъ къ поспыднѣйшей для человѣческаго рода развращенности нравовъ? Чпужѣ принадлежишѣ до вреда общественнаго благоустройства: шо и въ семъ случаѣ всякъ, кпо хопя мало изслѣдовалъ паденіе Греческія Монархіи, несомѣнно увѣренъ, что одно умножившееся число Фанатиковъ было главною причиною онаго; ибо они предавшись меланхолическимъ своимъ мечтаніямъ и неспараяся ни мало о защищеніи общественнаго блага опѣ нападенія непріятелей, самопроизвольно почпи подвергнули оную паденію. — Удивительно какъ при семъ случаѣ опкровенія и святость мнимыхъ оныхъ Богоугодниковъ не спасли ихъ по крайней мѣрѣ опѣ несноснаго варварскаго ига, когда они утверждаютъ, что они по своей святости нѣчто опмѣняе предѣ прочими человѣками. Эшо спрашно, что такіе люди повергнувшись равной участи съ прочими и по нынѣ спонущѣ подѣ власпію луки, не могущія терпѣши одного имени Христіянина. Но нѣшѣ нужды намъ изслѣдовашѣ опдаленныя спрашы и перечислывашѣ давно уже прошекшіе вѣки, въ которыхъ, какъ по всѣмъ обстоятельствомъ видно, пусто-святшество гораздо больше владычествовало, нежели въ наши времена и между нами и

во время нашего вѣка найши можемъ довольно число зараженныхъ душъ шаковымъ пустосвятствомъ. Всякое почти состояніе людей во всѣхъ странахъ свѣта симъ ядомъ такъ напоено, что дѣйствіе сей смертоносной отравы переходитъ изъ одного рода въ другой. Отецъ научаетъ пустосвятство-
вать сына, а мать учитъ дочь свою быть прихворно набожною, и такъ далѣе; изъ одного состоянія вкрадывается въ другое сія вредоноснѣйшая дѣйстви-
емъ богопрошивныя силы возжигаемая искра мнимая святости, и дѣлаетъ ужасный пожаръ, пожирающій множество человѣческихъ душъ.
— Часто случается видѣть пастырскій жезлъ держимый рукою пустосвята. Чегоже ожидать должно въ такомъ случаѣ отъ овецъ такіа паствы? — Часто впечатлѣвается въ мысль нашу, что небеса уже много одолжены шѣмъ, кто пробормотавъ нѣсколько словъ сопровождаетъ оныя нагбеніемъ своей спины въ то время, когда ближній, братъ его, имѣющій нужду въ его помощи, лежитъ во время зимы нагой на льду, или поверженъ въ знойное лѣто на гноищи; а онъ взирая на сіе спокойнымъ окомъ продолжая свои шѣлодвиженія мнитъ, что онъ благоговѣетъ, какъ будто бы небесамъ угодны были одни наши рѣчи, а не дѣла. Сіе ли дѣйствіе, или помощь брату угоднѣе небу? Таковая святость сихъ мнимыхъ пра-

ведниковъ заслуживаетъ ли какое одобреніе? — Но вотъ новое зрѣлище представляется глазамъ нашимъ, зрѣлище носящее на себѣ видъ благочестія и почитающееся у просло-людимовъ первымъ знакомъ досподолжнаго богопочитанія. Се видимъ многочисленный полкъ горняя мудрствующихъ. Сему полчищу опираясь на копыль предшествуетъ подъ бременемъ мастишой престарѣлости нагбенная женщина, ведя за собою спѣю всякаго возраста людей, и со благоговѣіемъ разсказываетъ всякому встрѣчающемуся съ нею, какъ и въ какомъ видѣ ей самой, или другой ся сосѣдкѣ являлся такой-то и такой святой, или святая; какъ онѣ провозвѣстили ей голодъ, или моръ, или кончину вѣка, какъ велѣли иши на поклоненіе, и какъ они сіе повелѣніе свяшо исполняя, таскаются изъ такихъ то мѣстъ и столько-то времени несчетными толпами. — Боже мой! Если бы намѣревающіеся бродить, вмѣсто того, что они въ поклоненіи своемъ проводятъ время праздно, работали сидя въ домахъ своихъ и исполняли трудами своими необходимости своего семейства: подлинно было бы сіе гораздо душеспасительнѣе, и для свяшыхъ Божиыхъ гораздо благопріятнѣе показалось бы всѣхъ привошеній и преклоненій.

Но сіе сказано не для того, чтобы отъ-вратить отъ Богоугодныхъ предпріятій от-нося

носящихся къ почитанію святыхъ Божіихъ, или освященныхъ мѣстъ; а чшобы вперить шокмо истиннымъ богочитателямъ, что истинная свяшость состоитъ во внутренней добродѣтели, безъ которой всѣ наружные виды благочестія суть прищворство, или упражненія праздної лжесвяшости. — Между Фанатиками много находится также и мнимыхъ мудрецовъ. — Сколь много въ такихъ собраніяхъ достойнаго замѣчанія, а паче смѣха! Они обыкновенно читають священныя, или духовныя книги и не разумѣя оныхъ при каждомъ словѣ восклицають: *о глубина премудрости! Ужасная истина!*... и при всѣхъ слова перешолковываютъ, или принаравливаютъ къ своему вкусу и въ поощреніе своея страсти. Такіе пустосвятныя своенравіе и опасіе всѣхъ другихъ; потому что кромѣ того, что изъ нихъ выходятъ по большей части кривошолки прошивоборствующіе Божесшвеннымъ и гражданскимъ законамъ; но они и въ отношеніи къ благососшоянію обществъ нерѣдко также дѣлають великія препоны, да при томъ въ предпріятіяхъ своихъ часто и получаютъ желаемыя успѣхи, плѣшивъ прищворию своею набожностію сердца людей удивляющихся мнимой ихъ свяшости. Сіи-то подлинно прошивополагають одно свое пустосвятство всему здравому ученію. — При всякомъ случаѣ слышны ихъ сіи вопли: „о Боже! нынѣ свѣтъ совѣмъ нешакъ, ка-

ковъ былъ въ старые годы! Нынѣ всѣ будучи напоены Волперовымъ духомъ никакихъ мыслей не имѣютъ о набожности. О проклятый Волперъ! со всѣми послѣдовавшими своими, развратившими міръ такъ, что нынѣ уже босыми ногами не ходятъ святыя Божіи чело-вѣцы! Нынѣ позволено всѣмъ народамъ опправлять явно богослуженіе своего закона. Нынѣ освященныя мѣста, чудодѣйствующія иконы и источники водъ, при коихъ видимы были прежде явленія и изцѣленія, или совсѣмъ уже не являющіяся, или хошя и являющіяся, но не такъ уже обожаемы бывающъ; нынѣ - то спало запускѣніе на мѣстѣ свящъ и скоро уже, да и непременно въ такомъ - то году, мѣсяцѣ, и такого точна числа пріидетъ Господь неба и земли судити живыхъ и мертвыхъ; о чемъ намъ и явленіе уже было. — Богъ Саваоѣ открылъ намъ въ сновидѣніяхъ, что сіе нрпременно такимъ образомъ воспослѣдуешъ. —

Разсуди всякъ, озаренный истиннымъ просвѣщеніемъ, имѣютъ ли таковыя пророчества ихъ твердыя основанія и разсуждающъ ли они о вещи испытно. Не во всѣхъ ли ихъ изреченіяхъ царствуетъ одно безумное суевѣріе. Они, разсѣвая въ народѣ худое мнѣніе о мужахъ, копорымъ просвѣщенные вѣки одолжены вѣчною благодарностію, хошатъ, чтобы всѣ люди были подобными имъ

имъ пустосвятами. — Кто бы ни былъ Волтеръ, хотя впрочемъ и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизвинишеленъ, привсемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезенъ для общества, нежели все полчище пустосвятовъ. — По мнѣнію пустосвятства и по сію пору должны бы не уга-сать инквизиціонныя костры и подземныя закле-ны должны бы наполняться спомомъ людей, не состоящихъ, или не хотящихъ быть въ полчищи Фанатиковъ. Насажденная благоразумными му-жами въ сердцахъ просвѣщенность гораздо про-тивнаго о семъ мнѣнія. — Когда Творецъ природы благоволилъ создать человека съ свободною волею: но какое право могутъ имѣть пустосвяты владычествовать надъ во-лею человѣческою, или неповинующихся ихъ суевѣріямъ лишать жизни безвременно, да при томъ самими ужаснѣйшими способами? — Какъ смѣютъ они своими сновидѣніями про-повѣдывать о опредѣленномъ времени спраш-наго суда; когда самъ Богъ ходатай міра въ священномъ Евангеліи говоритъ: *о дни же томъ*, то есть, о днѣ спрашнаго суда, *никто же не вѣсть, токмо единъ Богъ*. Почему и увѣщеваетъ быть всегда готовыми къ сему суду, *яко не вѣдаете*, говоритъ, *дне и часа въ онъ же сынъ Человѣческій придетъ*. Ко-му же лучше вѣришь: словамъ ли Евангельскія истинны или ложнымъ сновидѣніямъ пусто-святыхъ и ихъ нелѣпымъ рассказамъ? —

О! вѣкъ просвѣщенный, въ которомъ, упражнена вся сила мнимыя набожности! — Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тѣбѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго. — Твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода похищенная пустою набожностію человѣческаго рода. Се твой даръ, что нынѣ явно прославляешься Творецъ и благошворитель вселенныя во всѣхъ и на всѣхъ языкахъ! Се твое благодѣяніе, что нынѣ благоустроенныя общества не могутъ терпѣть членовъ обладаемыхъ пустосвященствомъ, самымъ злореднѣйшимъ для общественнаго благоустройства! Твоимъ премудрымъ совѣтамъ повинуюсь, гнушаюся нынѣ масками припвореныя свящости, царствовавшей прежде во всѣхъ концахъ вселенныя. — Твои священные законы вселили въ сердца наши челоѣколюбіе ко всѣмъ, даже и къ иновѣрнымъ, токмо бы они были честные граждане. — Твой плодъ есть нынѣшнее распроспраненіе наукъ, которымъ величайшею препотою было пустосвященство, вперявшееся юношескому возрасту мысли мнимыя токмо набожности совсѣмъ несовмѣстныя съ истинною набожностію. По твоимъ законоучрежденіямъ, общества нынѣ исполнены благоговѣннѣйшими словесныхъ овецъ пастырями, благоразумными вождями, мужественными воинами, правосудными правителями, мудрыми юношества наставниками, честными гражданами, искусными художниками, рачительными земле-
дѣль-

дѣльцами, которые подѣ руководствомъ мнимыхъ свящесѣи можѣтъ быти были бы шокмо одними сумозбродами и пустосвящамѣи, которыми давно бы уже надобно было пожелать испребленія ошѣ земли живыхъ; да идумать можно, что время скоро сорветѣ и послѣднее покрывало покрывающее гнусную наготу пустосвящѣства. — Тогда-то совсѣмъ явишѣся земля нова и небо ново, падѣтъ т. е. пагубнѣйшая властѣ пустосвящѣвъ долго царствовавшихъ надѣ сердцаѣи смертныхъ. Тогда-то пошекушѣ обильныя струи здоровой просвѣщенности исполненныхъ мыслей, и истинное благочѣстїе, взявъ ключи высочайшаго блаженства, отворишѣ торжественную дверь ко всѣмъ благодѣнствїямъ и внидѣшѣ въ оныя не именѣ шокмо, но самимъ дѣломъ благочѣстивые исполненные истиннаго человѣколюбїя люди. — О! щедрыя небеса! даруйте въ скорости жаждущимъ сердцамъ пиши воду удовольствїя, текущую изѣ источника благодѣнствїй, раждаемыхъ просвѣщенностїю, разгоняющею мракъ Фанатизма. — Да прославишѣ достойно имя Вседержителя и да ушвердишѣ одна истинна владычество свое во вѣки надѣ сердцаѣи живыхъ! —

Милостивые Государи! Секрашкое начертанїе видѣнїя моего о Фанатизмѣ! Оно писано перомъ, держимымъ слабою рукою въ учености, которому ни красота слова ни оспрыя выраженїя не извѣстны, и припомѣ

писано во время ночного покоя, при свѣтѣ освѣщающемъ, т. е. одинъ только уголъ, когда обыкновенно всѣ вещи кажутся гораздо въ мрачнѣйшемъ видѣ, нежели при солнечномъ сіяніи, которое представляешь всякую вещь въ точномъ ея видѣ, цвѣтѣ и добротѣ. — Дополнивъ свою ученостію недостатки сего маловажнаго моего разсужденія, или покрывъ оныя свойственнымъ вамъ снихожденіемъ, вы совершенно удовлетворите желанію прудившагося въ ноці и въ покоѣ, есть ли также удостойте и впредь пользоваться вашимъ дружествомъ и позвольте именоваться навсегда таковымъ, каковымъ имѣю честь пребыть.

Милостивые Государи!

Вашъ и пр.

Ханжелюбовъ.

За сдѣланную намъ честь своимъ письмомъ, равно какъ и за видѣніе, которое при ономъ намъ сообщено, Г. Ханжелюбову свидѣтельствуемъ должную нашу признательность и чувствительнѣйшую благодарность; тѣмъ паче, что видѣніе его для многихъ можетъ послужить лѣкарствомъ къ изцѣленію отъ душевнаго недуга, коимъ множество заражено быть можетъ; а при семъ также не оставляемъ припоминать и то, что удо-

вольствіе наше тѣмъ болѣе увеличится, когда Г. Ханженелюбовъ и впредь доставлять намъ будетъ случай благодарить его за шаховыя присылки.

VI.

Г И М Н Ъ

Р е л и г і и.

О Религія! высокая наставница добродѣтели! источникъ ненарушимого спокойствія человѣковъ! совершеннѣйшій даръ небесъ! Дщерь Бога жива! ты также безсмертна, яко виновникъ твоя. Богъ, чиста, яко небожищели и сладка яко вѣчная жизнь блаженныхъ. Религія! ты виновница спасительныхъ и высокихъ въ насъ мыслей, свѣтъ разума нашего и утвержденіе всего нашего блаженства; тобою зиждется благоустройство обществъ и нерушимое благоденствіе оныхъ; тебѣ народъ, сооружая храмы, утверждаетъ свое благополучіе и бываетъ между самими ужаснѣйшими шиграми неколебимъ, яко гора сіонъ. На твоихъ вѣсахъ взвѣсивая добродѣтельный человѣкъ свои дѣянія, достигаетъ высочайшаго блаженства, приближается къ самому источнику онаго и возвышается выше чело-вѣчества! . . .

Но когда тебя душа грѣшника обезображиваетъ, когда безумная ревность прмѣшивается къ священнымъ твоимъ усанамъ, когда врагъ общій человѣковъ, претворяетъ тебя въ чудовище, тогда ты мечъ въ рукѣ неистоваго, жрица кровопролитія и убійства, дочь перваго возмущителя; ты уже не Религія больше; ты тогда такъ мрачна, какъ вѣчная ночь, ужасна яко кровь неповинношюю убіенныхъ; ты тогда являешься на жертвенникахъ соспавленныхъ изъ убитыхъ шюбою смертныхъ, ты тогда хищница страшнаго грома держамаго десницею судіи всѣхъ. — Тогда ты престолъ свой утверждаешь въ мрачныхъ селеніяхъ ада и возносишь выю свою противъ самихъ Боговъ. — О Религія! чадо превѣчнаго Бога, виновница нашего блаженства! спасеніе наше! цепь неразрывно соединяющая насъ съ всемоушнымъ Богомъ! — И такъ ты преобращаешься въ убійцу и проливаешь кровь неповинныхъ; ты пріемлешь въ руки смертоносный жезлъ и поражая онымъ людей, насыщаешь алчность свою потоками крови ихъ? О! да исчезнетъ сія пагубная мысль! . . . Я спрашусь и леденѣю отъ ужаса. . . . когда помышляю о семъ съ глубокимъ вниманіемъ. . . .

Сколы низки и слабы вы въ разумѣніи, вы, которые кровожадность смѣшиваете съ божесшвенною Религіею и истинную вѣру съ не-

нелѣпымъ суевѣріемъ! сколь мало озарены
вы свѣтомъ истинныхъ ея лучей! —

Отверзите очи свои и воззрите на всѣ
прошкшіе и настоящіе вѣки, куда шокмо
разлился истинный свѣтъ Религіи. — Зрите
шамо предсѣдующую ея во храмъ мудрости и
ушверждающую незыблемой престолъ благо-
денствія. — Внемлите: является ли она
когда нибудь, между неложно хранящими ее
кровожаждущею львицею; не является ли она
паче мирною и чадолюбивѣйшею матерію,
хранилищемъ добродѣтелей и немерцающимъ
свѣтомъ нашего разума? —

Религія! виновница всего блаженства,
свѣтъ истинны и источникъ всея неложныя
мудрости, буди воегда предшесствующею миѣ
во всѣхъ моихъ помышленіяхъ и дѣяніяхъ!
Да неуклоняюся никогда стопы моя отъ не-
бснаго швоего свѣта. — Ты одна шокмо
сильна ушвердишь нерушимо мое блаженство
и соединишь меня неразрывнымъ союзомъ съ
всеблагимъ виновникомъ моего бытія.

VII.

ОДА ДУХОВНАЯ,
Изпеченная изъ псалма 147.

Блаженъ ! кто Господа боишся
И по путямъ его идетъ :
Трудомъ своимъ пошъ насладится
И въ благоденствѣ проживетъ.

Какъ маслина плодомъ богата
Красой и нравами жена ,
Въ дому его нѣтъ ссоръ , разврата ;
Но миръ , покой и тишина.

Какъ розы , кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ ;
Его благословенны чада ,
Такъ милы , вокругъ шрапезы съ нимъ.

Такъ счастливъ ! Такъ благополученъ !
И такъ блаженъ пошъ человекъ ,
Кто съ честью , съ правдой неразлученъ ,
И въ божьемъ страхѣ велъ свой вѣкъ.

Благословится отъ Сіона ,
Благая снидутъ вся пому ,
Кто слезъ виновникомъ и сѣнона
Въ сей жизни не былъ никому.

Кто не вредитъ и не обидитъ
И зломъ не воздастъ за зло,
Сыны сыновъ своихъ увидитъ
И всякое себѣ добро ,

Миръ въ жизни сей , и миръ въ дни оны
Въ обители избранныхъ душъ !
Тебѣ безхитросный , незлобный ,
Благочесливый , добрый мужъ ! (*)

VIII.

ДУХОВНАЯ ПѢСНЬ Въ страстную Пятницу.

Спаситель! естлибѣ я , любви исполнясь да-
(ромъ,
За страсть твою возмогъ Тебя благодарить!
О естли бы душа прямымъ пылая жаромъ
Съ благоговѣніемъ могла къ Тебѣ парить
И смерть твою могла достойно возхвалить!

Во

(*) Мы за долгъ себѣ почли чинашелей нашихъ
увѣдомишь , что сія ода есть сочиненіе гром-
каго вновь прославившагося въ подобныхъ со-
чиненіяхъ Творца ; и чрезъ сіе принося ему до-
сподолжную чувствительнѣйшую нашу благо-
дарность симъ свидѣтельствуемъ , что та-
ковыми присылками мы почтемъ себя крайне
ему обязанными.

Воспойте пѣснь ему небесны серафимы;
 Господь Богъ всяческихъ нисходитъ долу къ
 (намъ
 Спаси всѣхъ грѣшниковъ щедротами своими
 Посредство на себя беретъ Владыка самъ,
 Прокляшой восхотѣвъ земли омыши срамъ!

Да сила сатаны и царство сокрушится,
 Едина честь отца, родившаго Его,
 Ходащаемъ о насъ предшаши не стыдися,
 И тяжестъ самъ несешь проклятія сего,
 Которымъ человекъ далекъ былъ отъ него!

Колико горестей, болѣзней ранъ несисныхъ
 Невинно долженъ былъ Спаситель мой перпѣть?
 Вся злоба возспаетъ въ дѣяніяхъ поносныхъ
 Дерзая на Тебя, о Боже, свирепѣть
 Коварный спавишь ковъ, злостъ на Тебя имѣть.

И ты ли надъ собой ругаешься позволяешь
 Толпѣ неистовыхъ и яростныхъ убійцъ
 Ихъ оплеванія, позоръ претерпѣваешь,
 Вся гнусность пагубныхъ и мерзкихъ ихъ
 (десницъ
 Сквернишь Твое лице, касаяся зѣницъ.

Незлobie твое виною нарекають.
 Когда и судія Тебя невиннымъ чшитъ,
 Какъ

Какъ беззаконника злодѣи осуждаютъ ,
Возьми ! возьми его , народъ ему кричитъ
И какъ преступника , распять Тебя велишь

Главу Твою вѣнецъ шерновый уязвляетъ ,
Вѣщаетъ суешно Пилатъ : се человекъ !
Народъ къ поносному шя древу пригвождаетъ
Которо на себѣ на Элеонѣ ты влекъ ,
И шутъ ругаясь онъ царемъ Тебя нарекъ .

Источникъ живоша ! Ты жаждою помишья ,
Оцъ съ желчію Тебѣ дается въ пишіе ?
Нѣтъ жалости ни въ комъ , хоть весь изъязв-
(ленъ зришься .
Чей можешь умъ понять все таинство сѣе ?
Отъ сына ль Богъ отъялъ могущество свое !

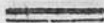

Се Богочеловѣкъ ! о небо ужаснися !
Въ болѣзняхъ Бога сынъ ! паденія спрашися !
О солнце ! мракомъ днесъ кравовымъ облекуся !
Покрой весь шмою міръ , вселенна потрясися !
Разлейся Океанъ ! пучина возмушися !

Уже въ сей часъ глава Спасителя склонилась ,
Ужъ бездыханенъ , мертвъ онъ на крестѣ ви-
(сипъ ;
Ужъ кровію вся плоть невинной обагрилась ,
Такъ Господа Творца рабъ недоспойный чпшитъ !
Скончался праведникъ ! да смертъ шѣмъ умер-
(притъ .

Не

Не за себя днесъ Ты, холодай мой спрадаешъ
Ты спраждешъ за меня; я смерть Тебѣ навлекъ!
Своимъ могущесвомъ Ты адъ весь ужасаешъ,
Ты тайну намъ открылъ сокрытую отъ вѣкъ!
Что будетъ примиренъ со Богомъ человѣкъ!

Сколько беззаконенъ я, сколько грѣшенъ, днесъ
(по вижу,
Сынъ Божій долженъ смерть ужасную вкусить!
О грѣшный человѣкъ! Тебя я ненавижу!
Преступникъ! ты дерзнулъ столько согрѣшить;
Что смерть лишь Господа могла по искупить!

Уже я чувствую мое сколько сердце мерзко!
О Боже! силу дай грѣховну власть смирить!
Чтобъ ограждаясь ей, престалъ я мыслить дер-
зко,
Себя бы я не могъ киченіемъ губить
И Твой святой законъ спрашилсябъ престу-
(пить!

Да все величіе Твое по долгу чтишься,
Да сильный ко грѣху всегда питаю страхъ!
Да слава вся Твоя передо мной явится!
Да волю зрю Твою всегда въ моихъ глазахъ!
Единую хвалу Твою нося въ устахъ!

Закона Твоего, о Боже, я рушилъ!
Сколько часто гнусными пущами я ходилъ!

Не

Невѣрный своего былъ Господа служитель!
И юность я мою злодѣйствами распустилъ,
Священныхъ заповѣдей Твоихъ не сохранилъ!

Гдѣжъ могъ бы я себѣ пощаду получитьи,
Когдабъ смерть за меня Спаситель не вкусилъ;
Когдабъ не восхопѣлъ онъ люшый грѣхъ омыши
И кровь безцѣнную во совѣсть не излилъ,
Ту кровь, которой онъ Адама воскресилъ?

Когда мя люшый врагъ коварствомъ йску-
(шаешь,
Во язвахъ зрю Твоихъ защиту отъ него,
И шумъ восторгъ меня пресладкій поревашъ,
Бѣгу къ Спасителю и въ лонъ я его
Отъ врагъ спасаюсь, зря отца въ немъ своего.

Когда къ Тебѣ, когда молитвы возсылаю,
Услышь, о Боже, мя и въ вѣрѣ ушверди!
Въ пущехъ швоихъ Твоей я помощи желаю;
Не видимо своей спезею мя веди,
И въ сердцѣ Ты моемъ свой храмъ сооруди!

Дажь силу мнѣ сей міръ прелестный низ-
(ложиши,
Да спрашный возмогу сей подвигъ понести!
Тебѣ хочу, Тебѣ единому служити,
Въ Тебѣ спасеніе я чаю обрѣсти,
Не можетъ безъ Тебя ничто меня спасти!

Крестомъ я на врага во брани ополчуся,
Щишъ вѣры прииму и огражду себя,
Господь помощникъ мнѣ! кого я устращуся?
Господь и смерть пріялъ мя грѣшнаго любя,
Яъ смерти не приму, Спасишель, за Тебя?

IX.

ПАСХАЛЬНАЯ ПѢСНЬ

Христосъ Воскресе:

Христосъ воскресъ! мое желаніе свершилось!
Восшалъ изъ мертвыхъ онъ, смерть смертию
(попралъ,
Адъ страшный побѣжденъ и жало пригнулось,
И сущимъ во гробахъ живомъ онъ даровалъ.

Христосъ воскресъ! женамъ шо Ангелъ воз-
(вѣщаетъ.
О чудо дивное, Господь что днесь шворитъ!
Въ преславный день сей Богъ судьбы всѣ со-
(вершаетъ,
И міръ событіе пророчествъ древнихъ зритъ.

Завѣса вскрылася, и таинство явилось,
Которо отъ очей вселенной мракъ скрывалъ;
Померкше солнце днесь намъ паки просвѣтилось
И неприступный свѣтъ повсюду возсіялъ.

Се исполненіе мы зримъ того завѣща ,
 Который съединялъ съ Творцемъ Адама чадъ ,
 Возставленъ паки рай , исполнилось все свѣта :
 Земля , и небеса , и преисподній адъ !

Хриосъ , Спаситель нашъ , о безначально
 (Слово !

Всю обновляетъ пварь сей истинный животъ !
 Да празднуешъ вся пварь воспаніе Христова ,
 Имъ въ двери райскія нынѣ входитъ смерт-
 (ныхъ родъ !

Се искупленія печать , даръ совершенства ,
 Воскресъ Хриосъ , воскресъ , ходатай нашъ
 (живешъ !

Прости крылъ мой духъ къ виновнику блажен-
 (спва ,
 Пари , опряши грѣхъ , пріяши новый свѣтъ !

Богъ образъ свой во мнѣ Христомъ возоб-
 (новляетъ ,

Я весь Его , могу Имъ страсти покорить ;
 Безцѣнной благосшью онъ самъ мнѣ помогаетъ ,
 И чѣмъ за все сіе могу благодарить ?

Не смущишь смертъ меня : . . . Се смерти
 (побѣдитель !

Пусть жизни моя приближится конецъ ;
 Воскресшій будетъ мой опъ гроба воскреситель
 И въ жизни будущей даруетъ мнѣ вѣнецъ !

X.

ПРЕЛОЖЕННЫЯ МОЛИТВЫ

1.

Христосъ воскресъ:

Христосъ воскресъ, изшелъ изъ адовой утробы
 Смерть смертію поправъ
 И сущимъ во гробахъ, разрушивъ всѣ ихъ гробы,
 Живошъ онъ даровалъ.

2.

Ангелъ попіяше:

О Дѣвственная Ты утроба!
 Ко Дѣвѣ Ангелъ возопилъ,
 Возрадуйся: Твой сынъ отъ гроба
 Воскресъ, и мертвыхъ воскресилъ!
 Воскресъ! народы веселишесь,
 Всѣ швари радости явишесь!
 О новый Іерусалимъ!
 Господней славою свѣтися!
 Свѣтися, ты прославленъ Имъ!
 Ликуй Сіонъ и веселися:
 Тыжъ чистая красуйся Дѣво;
 Твое благословенно чрево
 Родило Господа небесъ,
 Возрадуйся! онъ днесь воскресъ!

XI.

ПѢСНЬ ХРИСТІАНЪ.

Не знаетъ суетный мудрецъ
Прямое въ чемъ его блаженство;
Не знаетъ онъ ключа сердецъ,
Онъ зрѣтъ вездѣ несовершенство.

Какъ путникъ шествуетъ смущенъ;
Повязкою закрывши очи,
Хотя день солнцемъ освѣщенъ:
Но минѣ онъ бытъ средъ темной ночи.

Природа съ красою всей
Ему лишь хаосъ представляетъ;
Онъ мракъ нося въ душѣ своей
И днемъ, какъ ночью, заблуждаетъ:

Но мы Христа нося въ сердцахъ
Повсюду ощущаемъ радость,
Съ Христомъ вездѣ, во всѣхъ концахъ
Вкушаемъ истинную сладость.

Пошщимсяжъ, чтобъ во вѣкъ не могъ
Елей горящій утшашься,
Насъ вѣчности въ чертогъ ввелъ Богъ,
Да будемъ *слопомъ* наслаждаться!

XII.

О ХАЛДЕЯХЪ.

Халдеи, Индійцы и Киптайцы не уступаютъ, мнѣ кажется, Египтянамъ въ просвѣщеніи, такъ какъ и въ древности. Мы имѣемъ отличный знакъ древности просвѣщенія ихъ, и сей знакъ есть ихъ календарь, присланный изъ Вавилона Калисеномъ Александру, заключающій въ себѣ Астрономическія наблюденія чрезъ 1903 года; что подходитъ близко къ попопу.

Древніе писатели говорятъ, что во время Халдейскаго Царя, именемъ Ксиксупру было ужасное наводненіе. Сіе наводненіе пошъ ли самый былъ попопъ, который случился во время Ноя, или нѣтъ, неизвѣстно. Слабый нашъ разумъ и по сіе время не могъ еще рѣшить и сей задачи: былъ ли и Ноевъ попопъ всемирный, или только помѣстный; надлежитъ уступить откровенію, чего не постигаетъ разумъ. Извѣстно, что тысяча лѣтъ, или только двѣ, было бы весьма не продолжительное время къ приведенію въ совершенство познаній ихъ о истинной системѣ вселенныя; познаніе великое, до котораго наконецъ достигли Халдеи. Аристархъ Самосскій увѣряетъ насъ, что Халдейскіе мудрецы

дренцы вѣдали уже, сколь невозможно Землѣ занимать центръ Планетнаго міра, что они полагали вѣ срединѣ вселенныя Солнце, и отдавали ему приличное мѣсто, и что они Землю и прочія Планеты признавали обращающимися около своихъ осей.

Успѣхи человѣческаго ума столь медлительны, обманчивость зрѣнія столь продолжительна и порабощеніе принятымъ понятіямъ столь сильно, что невозможно вѣ столь краткое время достигнуть такой высокой степени мудрости, противорѣчащей чувствамъ и пребывающей глубокаго прилѣжанія къ умозрительству. Такимъ-то образомъ Халдеи считали 470000 лѣтъ; сверхъ сего сіе познаніе истинной системы міра было удѣломъ малаго только числа ихъ мудрецовъ. Сей есть жребій всѣхъ великихъ истиннѣ; и Греки, заимствовавшіе отъ нихъ свою астрономію, приняли только общее мнѣніе о системѣ міра, мнѣніе народное.

Четыреюша семь сотъ тысячъ лѣтъ великое число для насъ, едва родившихся: но можемъ быть, очень малое вѣ разсужденіи цѣлаго міра. Я знаю, что мы не можемъ не ужаснуться при семъ лѣточисленіи; оно чрезвычайно: но надлежитъ принять вѣ разсужденіе, какимъ образомъ вѣ двѣ, или около трехъ тысячъ лѣтъ (считая

отъ потопа до Александра) могли достигъ столько зрѣлыхъ познаній. Первая наука человѣческая, кою которой должно было научаться, было попеченіе о своемъ пропитаніи и предумышленіи всѣхъ потребныхъ къ тому средствъ, что тогда гораздо было многотруднѣе для человѣковъ, нежели теперь. Вторая человѣческая наука должна была состоять въ составленіи порядочнаго и исправнаго языка; на что потребно было великое множество вѣковъ. Третья: строеніе жилищъ и домовъ. Четвертая: дѣланіе одѣжды. Потомъ каменнничество, кузнечество, Архитектура и пр. На все сіе потребно столько счастливыхъ случаевъ, столько упражненій, столько вѣковъ, что еще удивляться надобно, какъ могли люди достигъ своей цѣли. — Но какое еще разстояніе отъ сихъ познаній до астрономіи! —

Долгое время Халдеи начерпывали свои примѣчанія и свои законы на камняхъ Іероглифами, которые были, такъ сказать, говорящіе знаки; полезное употребленіе, которое Египтяне узнали спустя уже нѣсколько столѣтій. Искусство предавать мысли свои азбучными знаками, должно было изобрѣшено, гораздо послѣ въ сей части Азіи.

Вѣроятно, что въ то время, когда Халдеи построили города, начали они употреблять азбучные знаки. Можетъ быть

кто нибудь въ семъ усумнился. — Какимъ же образомъ прежде могли они поже изображать, скажутъ мнѣ иные? Такъ, ошвѣчаю я, какъ на примѣрѣ въ деревняхъ крестьяне, незнающіе пишутъ и читаютъ, то дѣлаютъ; они имѣютъ особливые свои знаки, которые у нихъ общіе, и которые для нихъ столько же вразумительны, какъ для насъ буквы.

Вавилонъ чаятельно былъ весьма уже древнимъ, когда еще онъ не былъ великолѣпнымъ и славнымъ городомъ. — Но кто его построилъ? Я не знаю. — Семирамида ли? Нимродъ ли, или Навуходоносоръ? — Въ Азіи никогда не бывало ни Нимрода, ни Семирамиды. Греки, перемѣнявшіе окончанія иностранныхъ именъ, обезобразили всѣ Азіатскія имена, такъ какъ и у насъ многія имена преобразены совсѣмъ въ другія, особливо у простолюдиновъ. Фридерикъ преобразился въ Федора, Гликерія въ Лукерью, и. п. При томъ же исторія о Семирамидѣ совсѣмъ походитъ на восточныя сказки.

Навуходоносоръ, или Набон Ассоръ, чаятельно только укрѣпилъ и украсилъ Вавилонъ и сдѣлалъ изъ него столько великолѣпный городъ. Онъ истинно былъ Монархъ, извѣстный въ Азіи по лѣточисленію носящему его имя. Сіе лѣточисленіе начинается только 1747 годами прежде нашего; и сіе время

еще очень мало въ сравненіи времени потребнаго къ приведенію въ силу столь простран-ныхъ владѣній. Изъ названія Вавилона можно видѣть, что не Навуходонессоръ былъ его основателемъ: но что это градъ *Вила*, или *Бела*. *Бабъ*, или *Вапъ* толкуется по Халдейски *отецъ*. *Виль* или *Бель* по Халдейски *Государь*, или *Господь*; и древніе называли его *Вапиломъ*, или *Бавеломъ*, т. е. *градъ Господень*, *градъ Бога отца*, или какъ другіе толкуютъ, *прата Божія*.

Также и основателемъ города *Нинпатъ*, или *Нинивіи*, не былъ *Нинъ*. Древнія преданія сказываютъ намъ, что Вавилонская, Сирійская или Дамасская, и Ассирійская или Ниневійская Имперіи были три сильныя Монархіи. Мнимая Ассирійская Монархія не существовала еще и во время пророка *Іоны*; и *Фуль*, первый Царь Ассирійскій, царствовалъ уже пятьдесятъ лѣтъ послѣ *Іоны*. При всемъ томъ въ Еврейскихъ книгахъ сказано, что во дни *Іоны* въ *Нинивіи* новорожденныхъ младенцовъ было сто двадцать тысячъ. Уваживъ сіе число, должно полагать всѣхъ жителей по обыкновенному счисленію до пяти миліоновъ, а пять миліоновъ жителей въ одномъ городѣ число чрезмѣрное.

Я признаюсь, что я ничего не понимаю изъ всего того, что говорятъ о Вавилонской

и Ассирійской Монархіяхъ, и скажу только то, что сіе говорятъ намъ Греки. — Многіе ученые, хотѣвшіе пояснить сію мрачность, утверждали, что Ассирія и Халдея были одна Имперія, въ которой царствовали два Государя, имѣвшіе столицы одинъ въ Вавилонѣ, другой въ Нинивѣ.

Въ разсужденіи древности сего народа великимъ правдоподобіемъ кажется мнѣ славный столпъ, воздвигнутый ими для наблюденія свѣтилъ. Историческія изслѣдованія о семъ монументѣ не могли ничего рѣшительнаго о немъ утвердить, кромѣ того, что признали его остаткомъ Вавилонскаго столпа, который люди хотѣли возвысить до неба. Не извѣстно, что еще разумѣется здѣсь чрезъ небо: Луна ли? Венера ли? — Но если сіе говорится не аллегорически: то я не знаю, какъ можно и думать, чтобы люди дошли до такого безумія, чтобы возхотѣли предпринять сію непримѣрную нечеловѣческую, сію явную невозможность. — Вавилонской столпъ всегда будетъ такая нерѣшимость, о которой и воображать должно, кажется, инымъ образомъ.

Но какъ бы то ни было; если мы положимъ, что Навуходоносоръ хотѣлъ на немъ соорудить свою обсерваторію: то должно будетъ признаться, что Халдеи имѣли свои

свои обсерваторіи за чешыре тысячи лѣтъ до насъ, по церковному нашему счисленію, или болѣе исжели за двѣ тысячи чешыреста лѣтъ полѣтчисленію другихъ Европейскихъ народовъ, ш. е. по Римскимъ Хронографамъ. Должно же еще разсудить: сколько вѣковъ пребуешъ медлительностьъ человѣческаго ума къ доспигенію того, чтобы воздвигнуть наукамъ сей монументъ.

Халдеи, а не Египтяне открыли. Зодіакъ; чему служить доказательствомъ: 1) Халдеи были уже просвѣщенный народъ прежде, нежели Египетъ, наводняемый всегда Ниломъ, могъ сдѣлаться обитаемымъ; 2) что знаки Зодіака сходствуютъ больше съ шѣмъ климатомъ, который въ Месопотаміи, нежели съ шѣмъ, который въ Египтѣ. Египтяне не могли дать Эклиптического знака ♋ (овна) Апрѣлю мѣсяцу; потому, что они ороютъ и пахутъ не въ сіе время; они не могли Августу дать знака ♎ (дѣвы) которая изображается съ собранными класами; ибо жатва у нихъ бываетъ не въ семъ мѣсяцѣ. Февраль не могли они изобразить ♒ (водолеями) для того, что въ сіе время рѣдко случается, чтобы въ Египтѣ были дожди, да и почти никогда. Всѣжъ сіи знаки, данные мѣсяцамъ, конечно даны имъ по приличеству времени. 3) Еще и то, что древніе знаки Зодіака, которые и у новѣйшихъ Астро-

Астрономовъ оспались непремѣнными , составляли членъ тайной Религіи Халдеевъ и были подъ управленіемъ двенадцати боговъ , такъ , что каждый изъ нихъ начальствовалъ надъ однимъ изъ сихъ созвѣздій , какъ - то описываетъ Діодоръ Сицилійской во второй книгѣ. Не къ мѣсту почишаю я говорить здѣсь , какіе это были боги правители свѣтилъ , или что такое они были въ прямомъ смыслѣ ; и для того о семъ умолчу. Сія религія древнихъ Халдеевъ (*Савизмъ* ,) состояла въ почитаніи высочайшаго Бога , почитаніи свѣтилъ , и силъ небесныхъ начальствующихъ надъ ними. Когда они молились , тогда обращались къ сѣверному созвѣздію. Сполько - то и самое ихъ богослуженіе соединено было съ Астрономією.

Витрувій (въ IX своей книгѣ) разсуждая о солнечныхъ оппѣнкахъ , о возвышеніи солнца , о долгомъ тѣней , о наклонности лунныхъ косыхъ лучей приводитъ всегда Халдеевъ , а не Египтянъ , почишаемыхъ источникомъ наукъ , такъ что по многимъ причинамъ можно въ заключеніи сказать древнюю Латинскую пословицу :

Tradidit Aegyptis Babylon , Aegyptus Aebivis (*).

XIII.

(*) Т. е. Египтянамъ предано отъ Вавилона , Египетъ предалъ Грекамъ.

О НАУКѢ НАЗЫВАЕМОЙ КАБАЛѢ.

Кабала происходитъ отъ Еврейскаго слова *кабалъ*, *принять*; ибо Іудеи говорятъ, что нѣкоторые мужи, числомъ семьдесятъ два, коимъ удѣлена была частица духа Моисеева, получили отъ Моисея акроаматическое познаніе Божія закона и преподавали оное попомкамъ своимъ не на письмѣ, но изустно, какъ то по свидѣтельству Плутарха дѣлали Друидъ въ Галліи, а Пифагоръ въ Греціи. Почему Платонъ и Эмпедоклъ, когда они правила, или догматы Пифагоровы, бывшія до тѣхъ поръ таинственными (акроаматическими) начали обнародывать въ своихъ сочиненіяхъ, выгнаны были изъ школы; о чемъ пространнѣе видѣть можно у Діогена Лаэртія. Лизидъ въ письмѣ своемъ къ Иппарху укоряетъ его, что онъ въ противность установленію учителя своего Самія издалъ въ свѣтъ разсужденія свои о такихъ вещахъ, которыя должны бы сообщены бытъ не многимъ, и то однимъ только избраннымъ. Онъ и былъ за сіе исключенъ изъ общества, коего священныя таинства обнародовалъ, и за то еще при жизни его, ему, какъ бы уже мертвому, сдѣланъ былъ гробъ. Для сей-то причины Египтяне изобрѣли Иероглифическія буквы, коихъ никто не могъ читать,

читашъ, кромѣ ихъ мудрецовъ; ибо они безразсуднымъ почитали открывать всякому тайности и познаніе божественныхъ вещей переносить къ свѣтскимъ. Платонъ, наученъ будучи отъ нихъ симъ таинствамъ, когда о нѣкоторыхъ писалъ къ Діонисію: то заклиналъ его, чтобы какъ скоро прочтешъ его письмо, изорвалъ и сжегъ, дабы не могло попасться кому либо изъ недостойныхъ. Кабалисты, почитаемые въ числѣ шаковыхъ философовъ, утверждаютъ, что никакая наука, кромѣ кабалы, не можетъ прямо называться философіею, и что искусные въ ней во всѣхъ народахъ были оплечаемы. Отсюда произошли у Ассирійцовъ Халдеи; у Персовъ волхвы, или Маги; у Египтянъ Іерофанты (жрецы); у Индѣйцовъ Брахманы и Гимнософисты; у Галловъ Друиды; у Грековъ мудрецы и философы. Кабалисты науку свою называютъ истинною *Метафизикою*, и *спященнымъ ученіемъ*, которое чудеснымъ нѣкимъ и божественнымъ искусствомъ чрезъ нѣкоторые символы, оставя все земное и опдѣливъ всю матерію, научаетъ извлекать изъ формы форму до тѣхъ поръ, пока дойдено будетъ до такой матеріи, которая есть единой формы и не имѣетъ никакой формы. Говорятъ, что Греки Кивилу (Цибелу,) матеръ боговъ, назвали отъ слова *Кабала*, которая есть мать всѣхъ наукъ. Началомъ и преданіе Кабалистиче-
ской

ской науки приписываютъ Эздрѣ, о которомъ
сказываютъ, что онъ чрезъ сію науку вновь
доставилъ намъ пошерянные священныя кни-
ги; о чемъ умоминается въ IV его книгѣ, (кошо-
рая отъ нѣкоторыхъ почиается апокрифи-
ческою) главѣ 14. сими словами: „ Се азъ
„ пойду, яко же повелѣлъ еси миѣ, и накажу
„ насмѣющія люди; а иже родящся, кто на-
„ учитъ я? Поспавленъ бо естъ вѣкъ во
„ шмѣ, иже обитаютъ въ немъ, безъ свѣ-
„ та. Понеже законъ твой сожженъ естъ,
„ того ради никшоже знаетъ, яже отъ тебе
„ сотворена сушь: или яже начнушя дѣла.
„ Аще бо обрѣдохъ благодашь предъ тобою,
„ послѣди въ мя духъ свѣтъ, да напишу все,
„ еже сотворено бысть въ вѣцѣхъ отъ начала,
„ яже быша въ законѣ твоємъ писана, да
„ возмогутъ человецы обрѣсти спесю, и
„ иже восхомятъ жиити въ послѣднихъ вре-
„ менѣхъ, да живутъ. И оповѣщаю ко миѣ,
„ и рече: — — — азъ возжгу въ сердце
„ твоємъ свѣшильникъ разума, и не угаснешъ,
„ дондеже скончающяся вся, яже начнешь пи-
„ сати. И когда совершиши, нѣкая явствен-
„ но сотвориши; нѣкошорая мудрымъ сокровенно
„ предаси. — — — И бысть егда соверши-
„ шася чепыредесять дней, глагола Вышній, ре-
„ кій: первая, яже писалъ еси, въ явѣ постави, и
„ да чшутъ достойніи и недостойніи; послѣдняя
„ же седмьдесятъ сохрани, да предаси му-
„ дрымъ отъ людей твоихъ. Въ тѣхъ бо естъ ко-
„ рень

„ресь разума, и премудрости источникъ и
 „вѣдѣнія рѣка, — и сошвори хъ шако. „ —

Сію науку, которая предана была Эздрѣ отъ его предковъ, одинъ онъ сохранилъ цѣлу, чисту и невредиму въ сокровищницѣ своего разума. Славный ученый мужъ Іоаннъ Пикъ столько почиталъ ее, что сочинилъ въ похвалу ей особливую рѣчь, въ которой между прочимъ говоритъ, что когда Моисей былъ на Синайской горѣ, то получилъ отъ Бога двойной законъ: *письменный*, который онъ написавъ оставилъ всему Еврейскому народу, и *духовный*, который онъ сохранилъ въ памяти и сообщилъ однимъ только семидесяти премудрымъ, избраннымъ отъ него для соблюденія закона въ тайнѣ, запрещивъ имъ сообщать его, заступающимъ мѣста ихъ, пошомкамъ письменно: но открывали бы преданіемъ изустнымъ, а не иначе; также, что Богъ открылъ Моисею особенно и то, другое скрытое и таинственное. Чтожъ касается до того что было особенное толкованіе закона: въ томъ свидѣтельствуютъ изъ Пророковъ Эзра, изъ Апостоловъ Павелъ, а изъ учителей Оригенъ и Гиларій; о чемъ и приведены выше слова Эздры. Павелъ же говоря о Іудеяхъ сказалъ: *плѣрена имъ словеса Божія*. Сіе мѣсто толкуя Адамантий говоритъ, что *словеса* разумѣется здѣсь не иное, что, какъ то самое,

о чемъ шеперь идетъ у насъ описаніе, ш.
е. что тайнства закона открыты были спар-
рѣйшинамъ Іудейскаго народа. О чемъ такъ
же и Гиларій обѣясня говоритъ, что спѣ
Моисея узаконено было, дабы въ Израильскомъ
народѣ было семьдесятъ учишелей и толков-
никовъ закона : ибо, говоритъ онъ, хоща
Моисей и далъ народу писанный законъ; но
скрышнѣйшее въ законѣ сообщилъ въ тай-
нѣ семидесяти спарцамъ. О которомъ уче-
ніи и самъ Христосъ, Богъ нашъ упоминаетъ
говоря: *на (*) Моисеишъ сѣдалищи сѣдошъ*
книжницы и фарисее: пся убо, елика
аще рекутъ намъ влюсти, соблюдайте
и тпорите. Какъ же до самаго преселенія Ва-
вилонскаго о семъ преданномъ толкованіи не
было писано: то Эздра по возобновленіи Іе-
русалима и Храма Божія сіе тайнственное
изушнее толкованіе написалъ въ книги, да-
бы ежели паче чаянія паки послѣдуетъ плѣ-
неніе и разореніе, сіа наука наконецъ со-
всѣмъ не была ушрачена. Доспавши сіи книги
„ для себя, говоритъ Пикъ, за великую цѣну,
„ и чишая ихъ тщательнo, я не нашелъ въ
„ нихъ ничего противнаго; но все съ Хри-
„ стіанскою вѣрою споль сходно, что посред-
„ ствомъ ихъ можно побѣдитъ Евреевъ, такъ
„ сказашъ собственнымъ ихъ оружіемъ; ибо они
„ никого такъ не уважаютъ, какъ Кабали-
„ стовъ.

(*) Матт. гл. XXIII, ст. 2.

„сповѣ. Такова-то есть Кабала, продолжа-
 „ещѣ Пикѣ; и я, естли не обманываюсь,
 „первый у Лапиновѣ написалъ о ней споль
 „подробно. „ Я намѣренѣ изъ сего Автора
 привести нѣчто къ показанію чудной сей
 науки, взявъ къ сему первое слово священ-
 наго писанія бышя. ш. е. *пѣ началѣ*, по
 Еврейски *bereschith*, (Берешитѣ,) которое
 естли разобрать на слоги Порознь: то вы-
 деть слѣдующая рѣчь: *аб беварь, ре-*
шитт, шіабат, бара, рош, эс, сет
рав, Гиск, Беріе тоб; перемѣнивъ ш. е.
 Оавѣ и Теѣѣ, что весьма часто дѣлають Ев-
 реи; и естли сіи слова перевести на Россійской
 языкѣ, то выйдетъ: *отецѣ, пѣ сынѣ, и чрезѣ*
сына, начало, и конецѣ, или покой, со-
тпорилѣ, главу, огонь, великаго, чело-
пѣка, благимѣ, запѣтомѣ. Есть и другой
 способѣ кабалистическаго толкованія; ибо
 можно иногда и чрезѣ однѣ буквы какого
 либо слова объяснить цѣлыя реченія подѣ ни-
 ми доразумѣваемые. На пр. Іудейской народѣ
 у псаломника говоритѣ: *мнози постави*
на мя. Кпожѣ сіи *мнози*, которое слово
 на Еврейскомѣ *рацим*, видѣнь можно изъ
 изслѣдующаго разобранія: *Р.* значитѣ Рим-
 ляне, *А.* Аравійцы; *В.* Вавилоняне, *І.*
 Іонійцы или Греки, *М.* Мидяне. Сей каба-
 листической способѣ разбираень слова употре-
 била Сивилла говоря обѣ Адамѣ, то естѣ:

Отъ Бога сотворенъ четверописьменный Адамъ,
 Который первый былъ созданъ и который
 (своимъ
 Именемъ означаетъ въшры чешырехъ странъ
 (свѣша.

Ибо въ имени его первая буква. А бу-
 дешъ на шомъ языкѣ, на которомъ Сивил-
 ла говорила, ш. е. на Греческомъ, значить
 Ἀνατολήν, т. е. *Востокъ*; вторая Δ. зна-
 чить будешъ Δύσις ш. е. *Западъ*, третья Α.
 Ἀρκτος ш. е. *Сѣверъ*, четвертая μεσημβρίαν
Югъ. Киприанъ же, Августинъ и Беди дума-
 ютъ, что при созданіи перваго человека
 Богъ взялъ земли изъ всѣхъ четырехъ странъ
 свѣша, и взявъ только начальныя буквы ихъ
 именъ, нарекъ его Адамомъ. Наконецъ Св.
 Иеронимъ примѣчаетъ, что въ Еврейской аз-
 букѣ каждая буква можешъ означать цѣлое
 реченіе, и иѣкоторыя изъ нихъ раздѣливъ,
 а иѣкоторыя присоединивъ, извлекъ опшуду
 сія таинственныя мысли: *Алеф Бео, Ги-*
мель, Далео, значить: *ученіе дому*
исполненіе таблицъ, т. е. ученіе церкви,
 которая есть домъ Божій, находится въ
 полномъ изобиліи божественныхъ книгъ. *Ге,*
Ваи Заин, Ио значить *та и сія*
жизнь, то есть, изъ Св. писанія познается
 Христосъ, который есть жизнь вѣрующихъ,
 и опшуда происходитъ вѣчная жизнь. *Тео,*
Юд значить *благое начало*, то есть: Богъ,
 который есть высочайшее благо и первѣйшее
 на-

начало. *Каф*, *Ламед* значитъ *рука сердца*, то есть: къ вѣрѣ, коя обихаетъ въ сердцѣ, должно присоединять благія дѣйствія, коихъ изображеніе есть рука. *Мем*, *Нун*, *Самехъ* значитъ *изъ оныхъ пѣчное пособіе*: то есть изъ оныхъ божесвенныхъ книгъ можно почерпнуть то, что вѣчно способствовать можешь къ нашему блаженству, *Аинъ*, *фи*, *Цади*, значитъ: *источникъ устъ правды*, то есть: что уста Божіи говорятъ въ книгахъ закона и что книги оныя суть источникъ правды, изъ котораго происходятъ всѣ добродѣтели. *Коф*, *Реш*, *Шин* *Оап*, значитъ: *наименованіе главы знака зубовъ*, то есть, что посредствомъ зубовъ раздѣльно произносимъ голосъ, и въ сихъ знакахъ и фигурахъ писанія доходимъ до главы всѣхъ, Христа, чрезъ котораго призываемся мы въ царство небесное. Подобно сему и пророкъ Даниилъ учинилъ, когда вдохновеніемъ Божіимъ нарекъ наименованіе прехъ сихъ словъ *Мани*, *Океел*, *фарес* (*) ш. е. „измѣрено, изпѣшено и раздѣлено под-
„разумѣвая сіи слова: *измѣри* Богъ цар-
„ство швое и скончае; *постанися* пѣ
„*мѣрильхъ* и обрѣшися лишаемо; *раздѣли-*
„*ся царство твое и дадеся* *Мидомъ* и
„*Персомъ*., Довольно сего, я думаю, къ

Ж 3

по.

(*) Даниил. V. 25. 26. 27.

познанію, что Кабала есть двойная: 1.) *Священная*, и 2.) *Непозволенная*. Священная та, которая чрезъ толкованія, какъ-то уже сказано, объясняетъ сокрытыя таинства въ священномъ писаніи. Объ ней Сиксѣ и также Пикѣ, мужи ученѣйшіе утвердительно говорятъ, что она весьма нужна къ объясненію священнаго писанія: но сколь мало осуждаютъ они тѣхъ, которые благоразумно, пристойно и неизлишне употребляютъ сію науку: сколько напротивъ того опорочиваютъ суетность тѣхъ, кои заботливо съ бесполезнымъ и пустымъ рвеніемъ стараются употребить ее на всякомъ мѣстѣ. — Непозволенная Кабала есть какое-то Еврейское преданіе, о которомъ Іудеи говорятъ, что будто оно отъ Моисея перешло къ семидесяти толковникамъ, а отъ сихъ къ инымъ. Она объясняетъ какое-то десятословіе о таинственныхъ Божіихъ именахъ и скрытыхъ въ нихъ силахъ, кои нѣкоторыми употребляются къ повелѣванію діаволами, и очарованію; причемъ говорятъ, что самъ Спаситель нашъ помощію сего искусства шворилъ чудеса. Но и сія кабала раздѣляется также на два рода: одну изъ нихъ Евреи называютъ *де Меркапа*, которая заключаетъ въ себѣ умозрѣнія о высочайшихъ Божіихъ и Ангельскихъ совершенствахъ, о именахъ освященныхъ, какъ уже о семъ сказано, и о знаменіяхъ. Она, по словамъ ихъ,

еснѣ

есть какъ бы нѣкая символическая Богословія, въ коей буквы, числа, знаки, черты, углы, linee, точки, ударенія словъ содержатъ въ себѣ глубочайшія таинства. Другая называется *де Брассили* и также *космологія*, показывающая силы небесныхъ и земныхъ вещей и изъясняющая таинства Закона Физическими причинами, что почти похоже, что и натуральная Магія, въ коей всѣхъ смертныхъ искусствѣ былъ, сказываютъ они, Соломонъ; и пошому премудрость его, вліянную отъ Бога, Талмудисты называютъ *кабалистикою*. Противникижъ сея науки говорятъ, что первой родъ сихъ Кабалистовъ упражняется въ произведеніи вымышленныхъ чудесъ и въ притворныхъ добродѣтеляхъ, относя оныя къ Священному писанію и Богомудрію (Θεοσοφίи); а другой въ томъ, что чрезъ *Metastasin*, или *Antistechon*, или другое какое преложеніе, превращаютъ слова Священнаго писанія. Ипакъ одни учатъ чудеснымъ умозрительствамъ, а другія чудеснымъ дѣйствіямъ. Далѣе говорятъ они, что сіи умозрительства Кабалистовъ весьма часто перемѣняются въ гнусныя и безобразныя аллегоріи, и все сіе дѣлаютъ они не для чего другаго, какъ для одной корысти, какъ-то звѣздочесы, рукогадатели и другіе гадавательные мудрецы. Почему, говорятъ, и не можно назвать ихъ Кабалистами, а лучше сказать съ Эніемъ:

„Суевѣрные предсказатели и безспыд-
 „ные пустословы, или лѣнивцы, или безум-
 „цы, угнѣпаемые нищетою, не зная сами
 „спези, хощящѣ другимѣ показывать путь;
 „ошѣ тѣхѣ, коимѣ сулящѣ сокровища, про-
 „сятѣ одной драхмы. „Надѣ сими-то еди-
 ноземцами своими нѣкто изѣ Евреевѣ, име-
 немѣ Левѣ, насмѣхаясь называетѣ ихѣ пре-
 мудрѣйшими изѣ Іудеевѣ, говоря, что онѣ
 не можешѣ понять: какимѣ чудеснымѣ обра-
 зомѣ могли они узнать, что нижній міръ
 погибнешѣ по прошествіи седмой тысячи; а
 вышій по исеченіи сорокдевятого тыся-
 щелѣтія. Другіе уподобляющѣ ихѣ шой соба-
 кѣ, о которой говоритѣ Езопѣ, что она по-
 гнавшись по зависти за шѣнью, упустила
 кусокѣ хлѣба, кошорый во рпу держала; ибо
 и они, гоняясь всегда за шѣнью Божествен-
 ныхѣ словѣ, оставляющѣ хлѣбѣ жизни вѣч-
 ной, и пинаясь пустыми и ребяческими глу-
 посшіями, теряющѣ глаголѣ основательной
 испинны.

Упомянувѣ здѣсь о Езопѣ не худо раз-
 смотрѣвшѣ, не зналъ ли и онѣ Кабалы. Прав-
 да, что онѣ изѣ числа самихѣ древнѣйшихѣ
 писателей и почитается за такога, кошорый
 жилѣ гораздо прежде войны Троянской вѣ то
 время, когда жилѣ и Орфей: однакожѣ Евреи
 счишающѣ, что Кабала древнѣе и самага Юпи-
 терова воцаренія. — Мы знаемѣ, что Езопѣ

увидѣвъ на надгробномъ камнѣ изсѣченныя сіи начальныя Греческія буквы: А. В. Г. О. Е. Θ. Х. договорился съ господиномъ своимъ исполковавъ оныя, съ шѣмъ, что естли онъ точно узнаетъ, получить свободу, изъяснилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: *отощедъ четыре шага ници и найдешь сокровище злата*, которое Ксанѣ и въ самомъ дѣлѣ нашелъ: но сыскавъ, не хотѣлъ успокоить въ данномъ словѣ, чтобы опустить его на волю; тогда Езопъ, будучи одаренъ великою проницательностію разума, употребилъ въ свою пользу хитрость и не нарушая порядка тѣхже буквъ сказалъ, что шолкъ сихъ начальныхъ буквъ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, и что онъ донесетъ о семъ Византійскому Государю, для котораго сокровище сіе сокрыто въ землѣ; ибо надпись значить:

***СТДАЙ ЦАРЮ ДІОНИСИЮ НАЙ-
ДЕННОЕ СОКРОВИЩЕ ЗЛАТА.***

Причемъ Ксанѣ испугавшись, возьми, сказалъ, половину, и молчи. — Тогда сказалъ ему Езопъ, не ты мнѣ даешь сей удѣлъ: но шолкъ, кто сокрылъ сіе сокровище; ибо сими буквами говоритъ онъ:

Вынушіе подите и раздѣлите между собою найденное сокровище.

Можетъ быть сіи исполкованія Езопъ читалъ въ лунѣ; ибо Кабалисты утверждаютъ,

юшѣ, что вся сила небесныхѣ созвѣздій и понятій изображается луною тѣнью, отбрасываемою на земныя тѣла. Сказываютъ, что Кабалисты могутъ дѣлать такія зеркала, помощію которыхъ любящіеся, или друзья, разлученные другъ съ другомъ, чрезъ посредство отбрасываемой луною тѣни могутъ сообщать въ отдаленнѣйшемъ разстояніи написанныя ими слова. — Но есть ли что либо изъ сего справедливаго, сіе развѣ одинъ Кабалистъ знаетъ можетъ; мыжѣ не могли утверждать, не можемъ за вѣрное и отрицать, того что всегда пребудетъ неизвѣстною тайною.

XIV.

О ПРИЧИНѢ ЗАБЛУЖДЕНІЙ, ИЛИ СМѢ- ШЕНІИ ПОНЯТІЙ.

Нѣтъ ни одного смершнаго, который бы разсматривая мысли другихъ и дѣянія, не находилъ чего нибудь въ нихъ не-
лѣпаго и непристойнаго. Каждый легко примѣчаетъ пороки ближняго и строго обвиняетъ подверженныхъ онымъ; не разсуждая ни мало о томъ, что мысли и поступки его самого, гораздо можетъ быть превышають гнусностию своею всѣхъ прочихъ; хотя онъ никогда сего не усматриваетъ въ себѣ, и увѣ-
ришь

ришь его въ томъ весьма трудно. — Началомъ сего *непѣдѣнія* о самомъ себѣ многіе поспавляютъ *самолюбіе*: но не лзя спастись: чшобы одно самолюбіе было сего источникомъ, когда и самые разумнѣйшіе люди, никогда неосновывающіеся на собственномъ мнѣніи, не рѣдко подвержены бывають сему пороку; да еще тѣмъ удивительнѣе, чшо иногда истиннѣ, сколько бы она ни была сама по себѣ ясна, весьма упорно прошивоборспвуютъ. — Многіе также поспавляютъ причиною сего гнуснаго порока *поспитаніе* и *предразсужденіе*; и жопя сіе заключеніе весьма близко подходитъ къ истиннѣ, но желающей узнать почную причину сего недоспашка, долженъ разсмотрѣть со всѣхъ споронъ гораздо испытнѣе. Не безъ довольныхъ причинъ иногда мы поспавляемъ виною порока сего *поспитаніе*, называя вещь самую всеобщимъ именемъ *предразсудокъ*; но когда *безуміе* сіе открывається и между просвѣщенными людьми: шо не должно ли происходишь опѣ какихъ либо важнѣйшихъ началъ? — Данное нами имя пороку сему *безуміе* не должно кажется ни въ комъ произвѣсти худыхъ какихъ либо впечатлѣній, когда оно всѣмъ тѣмъ свойственно, коихъ слова несогласны съ здравымъ разсудкомъ. Припомъ имя глупаго сполько нынѣ спало обыкновенно, чшо почти всякъ, кшо шолько не располагаетъ мыслей и дѣяній своихъ по общимъ правиламъ,

не можетъ избѣгнуть онаго. Его приписываютъ не только тѣмъ, которые поработены страстями, но часто и тѣмъ самимъ, которыхъ душа не возмущаема никакими пожеланіями. Правда, имя сіе всему роду человѣческому ненавистно: однако должно признаваться, что оно весьма не многимъ несвойственно. Припомъ употребленіе слова сего здѣсь должно быть тѣмъ извинительнѣе, что и сей самый недостатокъ въ человѣкѣ отъ тогоже начала происходитъ, отъ котораго и вышепомянутыя непристойныя дѣйствія. И когда вообще всѣ почти люди подвержены сему пороку; то и не бесполезно кажется почаще припоминать названіе его, дабы симъ образомъ могло родиться въ насъ большее къ нему омерзѣніе. —

Есть понятія, которыя имѣютъ между собою природное нѣкоторое сходство. Для сихъ понятій нужно изощреніе разума, чтобы можно было сохранять ихъ въ непремѣнномъ между собою согласіи, вліяніемъ имъ отъ самой природы. Но кромѣ сихъ есть и такіе, которые соединяются въ умѣ случайно, или по одному обыкновенію, не имѣя никакого сходства: и сіи понятія между которыми нѣтъ никакого сходства, мерѣдко соединяются столь тѣсно въ умѣ, что опдѣлать трудно одно отъ другаго. Онѣ всегда одно за другимъ слѣдуютъ, и не открываются иначе, какъ

сово-

зовокупно; и хотя случается иногда ихъ болѣе двухъ, но всѣ онѣ представляются соединенными. А поелику состояніе людей многообразно: то и спеченіе шаковыхъ понятій различную получаетъ силу. — Обыкновенія и упражненія не рѣдко устроиваютъ разумъ къ извѣстному роду мыслей, волю къ извѣстнымъ опредѣленіямъ, а шло къ движеніямъ: но во всемъ семъ дѣйствуетъ не иное что, какъ непрерывное продолженіе движенія жизненныхъ духовъ, кои однажды приведены будучи въ движеніе, непрерывно сохраняютъ печеніе свое и всегда представляются имъ одни виды вещей. Сей способъ мыслей можно сравнить съ произведеніемъ понятій въ умѣ; и хотя онѣ, спастись можешь, не шотъ самой, однако посредствомъ его совершенно почти можно примѣнить какъ наблюдается и между ними непрерывное печеніе, какъ они одно за другимъ послѣдуютъ? — Музыкантъ часто упражнявшійся въ зашверживаніи какого нибудь минуета, какъ скоро представитъ въ умѣ начало его; то вдругъ и безъ малѣйшаго умонапряженія весь прежній способъ представляется въ умѣ его, и кажется ему какъ бы онѣ шотъ же оныхъ играетъ на самомъ инструментѣ, и пальцы его хотя онѣ ими и не двигаетъ, какъ бы точно дѣйствуютъ на ономъ. Сіи движенія жизненныхъ духовъ причиною ли понятій, подобно какъ порядочнаго онаго передвиганія

паль-

пальцевъ; сего изслѣдовать теперь мы не намѣрены; хотя и одинъ вышепредставленный примѣръ силенъ нѣкопрымъ образомъ убѣдишь въ вѣроятности сего. Черезъ сіе мы хотимъ только представишь въ чемъ состоятъ разумный навыкъ, и какъ соединяющся между собою понятія? — Всякъ, кто только вникнешъ и размотришь прилѣжно свои собственные и другихъ нравы, не будетъ нимало сомнѣваться, что симъ образомъ въ душѣ каждого почти совокупляющся понятія. Можно думать, что отсюда — то рождаются и всѣ почти примѣчаемыя нами между людьми *Симпатіи* и *Антипатіи*, которыя по силѣ и дѣйствіямъ своимъ весьма удобно почестъся могутъ природными: почему и называющся они *натуральными*: хотя начало ихъ не другое какое, какъ случайное нѣкопое и нечаянное спеченіе двухъ понятій, кои спекшись вмѣстѣ, отъ чрезмѣрнаго имъ послабленія столь неразрывно соединяющся въ умѣ, какъ будто бы составляли одно какое понятіе. Мы не говоримъ здѣсь вообще о всѣхъ Антипатіяхъ, но только о нѣкоторыхъ; ибо безъ сомнѣнія многія почестъ, можно совсѣмъ природными, рожденными вмѣстѣ съ шѣломъ, хотя и изъ сихъ большая часть происходитъ отъ соединенія понятій при самомъ началѣ неиспытно наблюдаемыхъ, а не рѣдко одною игрою воображенія впечатлѣнныхъ въ умѣ. —

Человѣкъ совершеннаго возраста получивши болѣзни отъ излишняго употребленія меду не только не можешь представить его въ умѣ своемъ; но даже самое воспоминаніе о немъ весьма омерзительно для него. Ибо онъ вдругъ при семъ случаѣ не можешь не представить себѣ и причины болѣзни своея. Но сіе самое сешлибѣ случилось ему отъ неумѣреннаго употребленія меду въ младенчествѣ; и онъ находясь въ болѣзни не зналъ бы причины тому; то безсумнѣнія почиталъ бы въ себѣ отвращеніе природнымъ къ меду. Здѣсь упомянули мы крашко объ *Антипатіи* и *Симпатіи* не для того, чтобы показать между природными изъ нихъ и искусанными обстоятельное раздѣленіе: но желая единственно припомнить родителямъ и тѣмъ, которымъ поручена должностъ воспитанія дѣтей, дабы они всевозможно спарились въ младенчествѣ отдѣлишь отъ смѣшенія въ умѣ ихъ всѣ несходственные понятія. Ибо въ сихъ молодыхъ лѣтахъ всѣ еще встрѣчающіяся предметы глубоко впечатлѣваются въ умѣ, помня при томъ и то, что хотя всѣ и самыя опаснѣйшія тѣлесныя болѣзни могутъ излечены быть умными людьми; но въ излеченіи слабостей душевныхъ и страстей весьма часто не успѣваютъ и самыя ученѣйшіе; да и никто почти отъ всего того, чѣмъ зараженъ бываетъ разумъ излечить не можетъ. —

Спеченіе несходственныхъ понятій бываетъ столь сильно, что при соединеніи ихъ прилѣжно должно беречься, чтобъ когда либо случайно въ дѣйствіяхъ нашихъ какъ нравственныхъ такъ и естественныхъ, въ доводахъ, или въ самихъ понятіяхъ не ошдались отъ пуши истинны. — Понятія о привидѣніяхъ, которыя свойственны паче тѣмъ, нежели свѣту, естли негодною служанкою, или другимъ кѣмъ отъ частаго вперенія соединены бывающъ въ умѣ младенцевъ: то безъ сумнѣнія они всегда въ немъ остаются; и тѣма, производившая въ немъ страхъ съ младенчества, и въ самой старости бываетъ для него ужасною. — Обиженный кѣмъ либо, представляя часто въ мысляхъ своихъ человека, причинившаго ему обиду, также и вредъ самой; сіи два понятія такъ соединяетъ между собою, что изъ нихъ обѣихъ сославляетъ почти одно, и о человекѣ томъ никогда не можетъ помыслишь не представивъ вмѣстѣ и обиды, причиненной ему отъ него; такимъ образомъ изъ маловажныхъ причинъ происшедшія несогласія не рѣдко чрезъ весьма долгое время не истребляются изъ памяти. — Естли кто воспоминаетъ о домѣ, въ которомъ, или онъ самъ находился въ опасной болѣзни, или окончалъ въ немъ жизнь свою пріятель его: то хотя понятія о домѣ томъ и самой болѣзни по естеству своему не имѣющъ между собою никакой связи; одна-

ко по причинѣ случившагося въ домѣ томъ
 сильнаго впечатлѣнія въ умѣ его; какъ поль-
 ко представивъ онъ себѣ о домѣ томъ, по-
 вдругъ и самая болѣзнь оная приходитъ
 ему на память; и понятія того и другаго
 такъ неразрывно соединяюща, что почти
 невозможно раздѣлить одно отъ другаго. —
 Пока понятія въ насъ такимъ образомъ бы-
 ваютъ соединяемы, до тѣхъ поръ разумъ
 нашъ безсиленъ бываетъ дѣйствовать по
 сходственнымъ между собою понятіямъ, и
 понятія никакъ не могутъ дѣйствовать по
 началамъ своей природы. Сіе по причине,
 что нѣкоторыя спраши бываютъ такія, коихъ
 стремленіе умѣритъ въ себѣ немогутъ и са-
 мые строгіе послѣдователи правиламъ благо-
 разумія, и которыя не иначе исчезаютъ,
 какъ въ продолженіи времени. Смерть дия-
 ши, котораго мать горячо любила какъ един-
 ственное свое утѣшеніе, производитъ въ ней
 столь сильную печаль, что она лишившись
 сына почитаетъ себя лишленною и всѣхъ
 удовольствій въ жизни; и хотябы кто же-
 лая умѣритъ ея скорбь, употреблялъ на
 то всѣ возможные средства, но всѣ они бу-
 дутъ для нея весьма слабы къ ободренію
 духа ея, и не иное что, какъ одна дол-
 говременность возвратитъ ей чувствованіе
 прежняго увеселенія, и опдалитъ отъ нея
 понятія великаго онаго вреда, который

порый ощущаетъ она при воспоминаніи своего сына. Почему и неудивительно, что многіе по причинѣ неразрывнаго соединенія въ умѣ своемъ шаковыхъ понятій состарѣваются въ степеніи и грусти удручаемы до конца жизни своей печалію. — Извѣстно объ одномъ человѣкѣ помѣшавшемся въ умѣ, который отъ весьма грубаго лекарства въ сей болѣзни получилъ великую пользу, и по выздоровленіи помня величайшее сіе благодареніе врача, благодарилъ его за лекарство чрезъ весьма долгое время: но напослѣдокъ приведши на память несстерпимыя прежнія мученія, ни лекарства онаго, которое онъ прежде всѣмъ одобрялъ, ни врача самаго не могъ предъ собою перенести. — Часто молодые люди воображая, что всѣхъ школьныхъ наказаній причиною книги, два понятія сіи шакъ соединяютъ въ умѣ, что опасаясь книгъ какъ бы наказаній напослѣдокъ и посмотришь на нихъ не могутъ безъ досады, хотя бы всякой здравомыслящій увѣрялъ ихъ, что книги могутъ приносить имъ величайшее удовольствіе. — Такъ же многіе никакъ не могутъ заниматься въ одной комнатѣ учеными дѣлами. — Нерѣдко изъ частой и весьма годной къ пищю посуды многіе для того не пьютъ, что случайныя нѣкоторыя понятія произвели въ нихъ омерзеніе къ имъ; — Не всякой ли можешь примѣнить, что мно-

многіе вѣ присущствіи кого либо превосходнаго предѣ ними для того робѣютъ, что онѣ вѣ нѣкоторыхъ случаяхъ оказалъ себя преимущественнѣйшимъ? Почему понятія о его достоинствѣ и о немъ самомъ столь неразрывно вѣ умѣ ихъ соединяются, что однажды соединившись никогда не могутъ одно отъ другаго отдѣлиться. — Подобныхъ сему примѣровъ много бы можно было представить, но оставивъ всѣ прочіе собственному каждому размышленію, предложимъ здѣсь одинъ только весьма достопамятный случай. — Нѣкоторый молодой непослѣдній танцовщикъ обучаясь искусству сему вѣ комнашѣ, вѣ которой находился старый шкафъ, понятіе о шкафѣ съ своими шагами такъ соединилъ вѣ умѣ, что не только вѣ той комнашѣ гдѣ находился шкафъ не могъ плясать не оподвигнувъ его, но съ робостію нѣкоторою плясалъ и вѣ другихъ мѣстахъ. Можетъ быть кому нибудь покажется это баснословнымъ, но сей опытъ подтвержденъ разумнымъ и весьма достовернымъ мужемъ, который самъ сему свидѣтель да и немного можетъ быть изъ любознательныхъ сыщется съ которыми бы не могло случиться не менѣе чуднаго. — Всѣ почти навыки и недосатки, почитаемые нами за природные, по большей части происходятъ отъ сихъ началъ, и получающъ свою силу отъ тѣснаго соединенія несходственныхъ понятій.

Естьли *на пр.* чрезъ возпитаніе или чрезъ прилѣжное размышленіе, понятіе о веществѣ соединено будешъ съ понятіемъ всѣхъ прочихъ существъ: то какія мнѣнія, какіе споры могутъ родиться между такими людьми, о прямодуховныхъ существахъ? также едва спашься можешъ, чтобы шопѣ не выводилъ послѣ о Богѣ нелѣпыхъ мнѣній, который въ младенчествѣ понятіе о высочайшемъ существѣ имѣлъ какъ о нѣкоторомъ образѣ. — Нѣшъ сумнѣнія, что изъ такового несходственнаго и нелѣпаго соединенія понятій родящся всѣ секты и прошивныя мнѣнія въ Философіи и Религіи: ибо невѣроятнѣе какимъ бы образомъ могло спашься, что бы люди сихъ многоразличныхъ сектъ прошивоборсствовали шой истиннѣйшій которая иногда сама по себѣ явственна? правда корыстолюбіе весьма сильно можешъ дѣйствовать въ сердцахъ людей; но все еще не таково, чтобы имѣ прельстившись шолікое множество людей упорно и нарочно прошивоборсствовали явной истиннѣйшій. Не лзя вѣришъ чтобы шолікое число людей предъ всѣми признавали шю прямою истинною, что почитающъ истиннымъ по одному притворству. Почему необходимо должно бышъ такому, которое бы умъ ихъ шакъ ослабляло что онѣ не въ состояніи бываетъ различитъ истинну отъ лжи. — Естьли изслѣдуемъ прилѣжно для чего нѣкоторые мужи испытно спарающіе-

щіея послѣдовать истиннѣ, заблуждаются въ такихъ вещахъ, которыя свойственны однимъ безумнымъ; но безъ сумнѣнія узнаемъ, что во всемъ семъ дѣйствующѣ понятія не по природной между собою сходственности въ умѣ соединенныя, но по нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ, которыя или восприимчивое, или обыкновеніе, или наконецъ наставленія семуже блужденію подверженныхъ, въ умѣ ихъ такъ неразрывно соединили, что они составляютъ какъ бы одно понятіе. Сіе самое причиною того, что многіе весьма неосновательныя и нелѣпыя изреченія почитаютъ учеными, и глупыя нѣкоторыхъ противорѣчія принимаютъ за истинныя доказательства. Отсюда то рождаются самыя большія заблужденія всѣмъ почти общія. Хотя заблужденія сіи весьма опасны, ибо подверженные имъ совсѣмъ почти не могутъ различать истинны отъ лжи. Да и какъ можно примѣнить заблужденіе свое, если разсуждая о двухъ вещахъ совсѣмъ между собою раздѣльныхъ, будемъ почитать ихъ по причинѣ смѣшенія понятій нашихъ совокупленными, хотя онѣ по своей природѣ совсѣмъ не таковы? Въ таковомъ положеніи понятій нашихъ всѣ предметы будутъ представляться въ умѣ нашемъ какъ будто всѣ они занимаютъ одно и тоже мѣсто; и мы чрезъ все это время, пока вещи будутъ представляться въ видѣ смѣшенныхъ понятій,

пій, никакъ не въ состояніи будемъ предоберечь себя отъ погрѣшностей и при томъ подвергаясь блужденіямъ и принимая ложь, увѣрены будемъ о себѣ, какъ о вѣрившихъ защитникахъ истины. — И такъ безъ сумнѣнія можно заключить, что смѣшеніе двухъ противныхъ между собою понятій, представляющихся въ умѣ нашемъ за одно, должно быть главною причиною всѣхъ заблужденій, и плодомъ самихъ неслѣпыхъ умствованій.

XV.

СОГЛАСІЕ ВЪ ТВОРЕНІИ.

Великое положеніе притягательной силы исполковало намъ въ тѣлесномъ мірѣ тысячи явленій, открыло связь, которая людей и камни въ землѣ и всю систему міра связуетъ въ его средоточіи.

Что въ веществѣ есть притяжаніе, то самое въ духахъ есть любовь, или симпатія. Она привязываетъ человѣка къ себѣ самому, къ человѣку, къ звѣрю, къ цвѣтамъ, духамъ и къ Богу.

Притяжаніе есть ключъ природы, любовь есть ключъ въ нравственности, къ закону, къ святилищу Бога!

Опымите припятительную силу природы: то солнце и планеты и всё вещества и всё стихии вдруг разрушаются; опымите любовь у духа то какая останется у него сила!

Какое веселіе для него останется, и какая возможность едѣлаться блаженным!

Припятительная сила источникъ всякой дѣятельности въ природѣ; любовь источникъ всякой дѣятельности духовъ!

Вѣчное согласіе въ твореніи! я преклоняюсь предъ тобою!

Еслили солнца могли чувствовать свою дѣятельность, то какое было бы для нихъ блаженство! духамъ дано то чувствовать, что привлекаетъ нынѣ ихъ любовь, какое для нихъ блаженство!

Малый шагъ отъ вещества къ духу; дѣйствовать и не чувствовать; малый но безконечное различіе блаженства.

Еслили бы дано было солнцамъ припятивать новыя системы міровъ, и радоваться о новой своей дѣятельности, какое бы для нихъ блаженство! духамъ то дано; единственной источникъ ихъ неограниченнаго благоденствія!

Припятишь и быть припятируему единственная есть причина всѣхъ движеній въ веществе;

ствѣ; припять и бысть припгаему единственное основаніе всѣхъ дѣйствій въ системѣ духовъ!

Вѣчное согласіе въ швореніи! я повергаюсь предъ тобою!

Кто правитъ припгательными силами природы, и уклоняетъ въ ея теченіи духъ?

Кто правитъ дѣятельностью любви? Духъ.

Дѣйствовать и не чувствовать, дѣлаетъ вещество невольникомъ; дѣйствовать и чувствовать, дѣлаетъ духъ господиномъ.

Малой степень въ швореніи, но безконечное различіе силы!

Христе! учитель любви, я преклоняюсь предъ тобою.

Еслилибъ не дѣйствовала припгательная сила вещества, то магнитъ былъ бы безсильной камень, и солнце, можетъ быть, Хаосъ. Еслили бы не дѣйствовала любовь, то Ангелы были бы дѣволы.

Вѣчное согласіе въ швореніи! я преклоняюсь предъ тобою!

Законъ припгательной силы не былъ самопроизволенъ: иначе чтобы могло привязывать миліоны частей къ единой. Законъ любви не самопроизволенъ, иначе чтобы привязывало миліоны духовъ къ одному, и одно къ Богу?

Хри-

Христе! учитель любви я преклоняюсь предъ тобою!

Если бы преспала дѣйствовать притягательная сила, то должно было бы вновь произвести оную; если бы уничтожилась любовь, то духъ Божій долженъ бы былъ опять его вдохнуть.

Христе, учитель нашего обща! я преклоняюсь предъ тобою! Вѣчное согласіе въ твореніи, въ нравоученіи и законѣ! я повергаюсь предъ тобою.

XVI.

ДУША ПО СМЕРТИ.

Желательно можетъ быть кому нибудь узнать мнѣніе о состояніи благочестивой души послѣ телесной смерти. Но о семъ весьма трудно сказать, что нибудь рѣшительное. При томъ довольно извѣстно, что собственное христіанамъ опредѣленное блаженство начинается первѣе съ воскресенія. Какъ бы блаженна душа непосредственно послѣ смерти ни была, но совсѣмъ тѣмъ, было бы сіе блаженство жизнь куколъ въ разсужденіи жизни бабочки, — единой сонъ и дреманіе въ разсужденіи бдѣнія и жизни по воскресеніи. — Никакая совершенная жизнь не мо-

жешѢ нигдѢ имѢшѢ мѢста безѢ совершенства тѢла. Не взирая на сѣ, и сѣ уже сонная жизнь для успшихѢ во ХристѢ, то ешѢ, вѢ вѢрѢ и вѢ любви, можешѢ бытѢ сладка паче всѢхѢ представлений и исполнена восторговѢ. Крайнѣ лучи славы Христовой, могушѢ, можешѢ бытѢ, проникнушѢ чрезѢ тонкой покровѢ, кошой вѢрояшно, что при воскресеніи еще упоиченѢ будетѢ, и душу напоитѢ радостію, вѢ сравненіи сѢ кошой, всѢ самыя невиннѢйшія и блаженнѢйшія увеселенія земныя сущѢ шокмо горкостѢ.

Предвѣщанія и предчувствія о воскресеніи могушѢ проникашѢ крошко-дремляющую душу сими лучами солнца духовѢ, и преложитѢ вѢ рай и вѢ такія мѢста и такія общества, кошыя уже сами по себѢ сущѢ небо.

МожешѢ спашься нѢкошыя ранѢ поспѣютѢ кѢ воскресенію; изѢ сего можешѢ бытѢ многіе исключены, подобно какѢ лунашики исключаются изѢ спящихѢ. МожешѢ бытѢ исключены изѢ сея долгошы и Моисей, и Илія, и СтефанѢ, и разбойникѢ, и АвраамѢ и ЛазарѢ и ПавелѢ.

Между тѢмѢ признашѢя должно, что вѢ разсужденіи сего сошоянія всегда будемѢ мы не болѢ свѣдуци и не совѢмѢ несклонны полагашѢ нѢкошой родѢ чищенія, чрезѢ

чрезъ вліяніе духа и просвѣщенное человѣчество Христово, многимъ душамъ не совсѣмъ еще созрѣлымъ къ свободному созерцанію Бога, и сколько будешь шаковыхъ? — хощя бы онѣ, по меньшей мѣрѣ въ день Господа были блаженны.

XVII.

ПРАВИЛА МУДРАГО.

Помни, что ничто не учинишь тебя счастливымъ, какъ шокмо спокойствіе совѣспи, и что къ швоему благополучію ничего не недоспаетъ, кромѣ тебя самага.

Не обманывайся пустымъ звукомъ премудроспи. — Будь разуменъ, и ошважься приспущишь къ познанію самага себя.

Ты съ удивленіемъ взираешь на чудеса земли, однако во кругъ тебя иѣшъ ничего болѣе тебя.

Похвально чипашъ книгу міра; — шествуй далѣе, и проицай глубже въ швое существо.

Тотъ мудръ, кто живетъ единшвенно для Бога, кто спараешся о снисканіи мудроспи, и ею будучи просвѣщенъ, мыслишь, и исправляемъ оною, живетъ.

Онѣ послѣдуетъ разуму: но то, чего въ немѣ не доспаетъ, дополняетъ въ его духѣ божественный свѣтлѣйшій лучъ, дабы побѣдиль върою тиранство заблужденія, и доказанную ложь порока, копорыя онѣ защищаетъ.

Онѣ знаетъ себя и Бога, его слово ему вразумительно. — Такимъ образомъ никакой Сократъ и Платонъ не знали Бога.

Испышуй сокровенныя таинства сердца твоего силою разума: высочайшая наука для челоѣка познашь себя самаго.

Страхъ Божіи есть единая премудрость, а свобода состоить въ избираніи оной.

Животныя слѣдуютъ врожденнымъ побужденіямъ, а челоѣкъ свѣту души.

Что имѣетъ собственнаго? Духъ. Для чего онѣ призванъ на землю? — Для добродѣтели. — Какая ея награда? Какая слава? — Быть вѣчно подобнымъ Богу.

Блаженъ тотъ, котораго благопріятствующая судьба охраняетъ отъ славы и счастья!

Тотъ свободенъ отъ ига затрудненій, который все то презираетъ, что міръ превозноситъ; онѣ употребляетъ душевныя и тѣлесныя силы, яко оружія сокровенной премудрости.

Коль трудно сражаешься съ собственнымъ своимъ сердцемъ, прошивишься желаніямъ и укрощаешь свои страсти!

Конечно, Л. Б. сіе спойшъ великаго труда, однако служишъ къ твоему благополучію и спокойствію. — Сіе есть единственное средство, а ты опъ онаго опираешься.

Когда должность твоя предписана самимъ Богомъ, то какъ можешь ты ее позабывать? Онъ соразмѣрилъ ее по твоимъ силамъ. Для чего ты малодушествуешь? Развѣ *Богъ тиранъ*, чшобы требовалъ опъ тебя больше, нежели сколько ты можешь ему воздать?

Ослабленный человекъ, исполненъ будучи злымъ остроуміемъ, убѣгаетъ того, что можешь сдѣлать его довольнымъ, и что долженъ онъ снискивать. — Во мракъ находишъ онъ блескъ, а слѣпопсствуешь при свѣтѣ. — Раскрашиваетъ лжи свои, и убѣгаетъ свѣта истинны.

Высочайшее добро мудрыхъ, которое все превосходитъ, есть стремленіе къ размышленію и испытанію, духъ ихъ удовлетворяющему.

Прилѣжность, награждающая щедро размышленія о истинѣ, можешь доставить имъ вящее блаженство, нежели слава и богатство.

Не прельщаетъ ихъ никакое корыстолюбіе. Для чего? Потому что единственныи ихъ предметъ есть пещись о пользѣ ближняго, и о испытаніи натуры.

Пусть земля и міръ, (такъ мудрый можетъ произносить,) пусть все строеніе земли разрушится подо мною, однако есть Богъ; его всесильная десница меня сохранитъ.

Если ты все то, что премудрость предписываетъ, исполнишь; если твоя ревность сравняется твоей должности: тогда послѣдуешь награда; — и хотя весь міръ, не соизвѣстивъ твоимъ достоинствамъ въ оной наградѣ препятствовать тебѣ будетъ, однако ты вѣчно оною изобиловать будешь, — изъ тебя произтечетъ источникъ жизни.

Хотя колеблетъ тебя вольнодумецъ и ищетъ тебя вольный духъ: но напрасно мыслишь онъ дерзновенно, что Бога нѣтъ, о дерзостныя мысли! самое чувство пропитаннаго сему, и языкъ, которымъ дерзаетъ онъ произносить сіе, обличаетъ его дерзость. — Какъ ослѣпляешь онъ себя симъ предразсужденіемъ!

Х Почитай священное писаніе за истинну, въ немъ сокрыто то, что можешь составить на земли твое блаженство, и что также доставишь тебѣ оное и на небеси.

Не взирай на шѣхъ, кои ругаются священнымъ писаніемъ; ученіе, которое они поносятъ, пребудетъ вѣчно божественнымъ.

XVIII.

ПРАВИЛА ЖИЗНИ.

Всѣмъ сердцемъ и всею душою своею люби и почитай высочайшее существо сошворившее, сохраняющее и управляющее всею вселенною, въ которой и ты включаешься.

Храни чистоту и непорочность души своей, старайся всемерно сохранить ее не презирая и шѣлесныя чистоты яко знаменованія неподлаго духа.

Не буди никому зломыслящимъ, или злошворящимъ.

Удержи языкъ свой отъ зла, и не унывай, когда другіе несправедливо злословятъ тебя: естли же они по достоинству тебя поносятъ: то старайся исправить себя, буди честенъ, презирай клеветы людскія, яко подлость душъ злобныхъ.

Не буди многорѣчивъ, но молчи больше; многорѣчіе всегда влечетъ за собою раскаяніе, а молчаніе никогда.

Не унывай въ несчастіи: но оградившись крѣпкою надеждою на Бога буди спокоенъ и благодари за все провидѣніе его.

Исправ-

Исправляй со всевозможнымъ раченіемъ должность свою, въ которой судьба тебѣ бытъ опредѣлила и ты предъ очами всѣхъ будешь казаться честнымъ.

Убѣгай праздности, яко источника всѣхъ пороковъ, она погубила человѣчество.

Разбирай строго людей усердствующихъ тебѣ; искренно усердствующихъ почитай и люби чистосердечно, но и пріиспывующихъ тебѣ одною наружностію остави безъ всякаго огорченія.

Желай всякому блаженства, но не со всякимъ дружись. Ты счастливъ будешь, естли сыщешь хотя одного друга, отъ котораго бы ты могъ научиться доброму и который бы точно былъ искренній твой другъ.

Не всякому открывай свои тайности; но паче всевозможно спарайся испытать того, кому хочешь ты открыть что нибудь, можешь ли онъ хранить порученную ему отъ тебя тайну.

Берегись имѣть другомъ своимъ человѣка привыкшаго безъ всякаго чувствованія въ самомалѣйшихъ случаяхъ клясться именемъ Бога, или другими страшными клятвами, и самъ никогда такимъ образомъ не клянись.

Убѣгай дружбы того, который порочитъ благодѣтелей своихъ и спарайся самъ о нихъ хорошо мыслить и говорить.

Бере-

Берегись людей чрезмѣрно унижающихся предъ другими. Часто сію личину смиренія употребляющъ для обману другихъ и ко вреду ближняго.

Строго разбирай людей являющихъ себя набожными. Не рѣдко подъ видомъ святости кроется беззаконіе, могущее удобно развратить непорочные нравы.

Не буди любопышенъ, и берегись чело-
вѣка вывѣдывающаго тайности другихъ, какъ коварнаго и зломыслящаго ближнему.

Берегись чело-
вѣка влюбленнаго въ себя;
Онъ никогда не будетъ ни желать ни дѣлать тебѣ добра.

Ласкающаго тебѣ не приличнымъ разум-
ному чело-
вѣку образомъ убѣгай, какъ смер-
тоносной язвы души твоей.

ХІХ.

О Д А.

Л ю б о п ѣ.

Еще вокругъ Солнцевъ не вращались
Въ превыспреннихъ сферахъ шары;
Еще въ Хаосѣ сокрывались.
Висящіе сіи міры,
Какъ ты, Любопѣ, законъ пріяла
И ихъ зачало оживляла,

Часть IV.

И

Бывъ

Бывъ жизнию въ ихъ сѣменахъ.
 Могущество твоей державы
 Для Творческой великой славы
 И въ сихъ примѣшно временахъ.

Изъ бездны вышедши ужасной
 Соборъ Эфирныхъ сихъ свѣшилъ
 Былъ пакибъ кучей безобразной,
 Когдабъ Любовь лишилась силъ
 И взявши стрѣлы отъ *Вулкана*
 Не поражала сильно *Пана*.
Вулканъ столь много ихъ куешъ,
 Чшо Купидонъ всю пварь пронзаешъ
 Когда онъ быстро прелешаетъ
 Великій свѣшъ и малый свѣшъ.

Міры законъ свой соблюдаютъ
 Въ пространной оной высотѣ,
 Вертясь вокругъ солнцевъ, побуждаютъ
 Чудиться стройной красотѣ.
Любопь ихъ водитъ хороводомъ,
Любопь ихъ стройнымъ правитъ ходомъ,
 Тамъ въ седми-шестную свирѣль
 Рогатый вѣчно *Панъ* играешъ;
Любопь Планетну воспѣваетъ
 Онъ чрезъ свою согласну шрѣль.

Въ себѣ натура заключаетъ
 И мужескій и женскій полъ;
 Любопѣ всеобща созидаетъ
 Въ вещахъ дву-родныхъ свой престолъ.
 Свились гдѣ виноградны лозы,
 Гдѣ двѣ сплелись другъ съ дружкой розы,
 Гдѣ пшички выюшъ гнѣздо тесной,
 Гдѣ опрокъ нѣжну мать цѣлуешъ,
 Любопѣ всемірна показываетъ
 Возженный тамо факелъ свой.

Любопѣ! ты царствуешь повсюду
 И зиждешь дивны красоты;
 Ты движешь каждую вещь внутрь-уду,
 Ты Симпатической чешы
 Младяя руки соплетаешь,
 И въ ихъ улыбкахъ обитаешь;
 Ты прелестъ на грудяхъ драгихъ
 Для паспуховъ приготавлиаешь,
 Ты въ нѣжныхъ звукахъ вылетаешь
 Изъ сладостныхъ свирѣлокъ ихъ.

Коль сладко зрѣшь тебя душою
 Сіяющихъ душъ въ пишинѣ?
 Электризованны тобою
 Едину точку зряшъ онѣ.
 Здѣсь каждый шагъ ихъ музыкаленъ;
 Измѣренъ, спроенъ, пихъ и хваленъ;

При розовой зарѣ ихъ хорѣ
 Умѣшку Ангельску являетъ;
 Съ лучей *полдневныхъ* собираетъ
 Довольну снѣдь ихъ орлій взорѣ.

Но древній змій обвившись мракомъ
 Когда ползетъ изъ бездны той,
 Гдѣ *ненависть* съ угрюмымъ зракомъ
 Престолъ печальный строишь свой,
 Гдѣ врагъ сей съ нею пребываетъ
 И въ жупелахъ ее рыгаетъ:
 Тогда идетъ онъ тихо въ міръ
 И рушитъ всѣхъ вещей союзы;
 Онъ рветъ друзей, супруговъ узы,
 Отъземлетъ свѣтъ, и шмитъ ээирѣ.

Всѣ тучи, бури, громы, волны
 Тифоны суть, что въ міръ онъ шлетъ;
 Мы также тучь и громовъ полны
 И сихъ Тифоновъ онъ ведетъ.
 Онъ въ насъ и въ видиму природу
 Пускаетъ грозну непогоду;
 Издревле бо противъ небесъ
 Зѣвъ адскій ненавистью дышетъ;
 Онъ вихрь пускивъ, весь міръ колышетъ
 И въ насъ творишь стихій превѣсъ.

Но кто въ семъ случаѣ устроишь
 Въ природѣ миръ, покой, любовь?
 Кто въ человѣкѣ успокоитъ
 Кишащу адской злошью кровь?

И тамъ и здѣсь спѣтъ управляетъ,
Лишь чуть лучъ солнца воссіяетъ,
Туманъ отъ свѣта ошженетъ,
Любовь въпаритъ надъ облаками,
И въ полѣ купно съ паспухами
Возпляшетъ, въ хороводъ поидетъ.

Какъ Солнце сердцемъ свѣтоноснымъ
Среди обширной тверди есть :
Такъ сердце солнцемъ живоноснымъ
Въ тебѣ, *Малмиръ*, возможно счестъ ;
Оно въ тебѣ лишь умъ дрилось,
То въ чисто солнце прешворилось,
Оно даруетъ миръ въ крови ;
Оно бо дѣйстви всѣхъ пружина,
Оно согласія причина,
Рубиновый престолъ *Люви*.

Любовь, воды дщерь первобытной !
Доколѣ твоя престолъ споймъ,
Среди вещей природы скрытной,
Дополъ все твоей огнь живимъ ;
Ты двухъ въ едино составляешь,
И въ средоточіе сливаешь.
Когда ты въ полной чистотѣ,
Тогда, любовь, повсѣхъ пребуди
Живымъ бальзамомъ нашей груди,
Тебѣ престолъ готовъ въ чещѣ.

Невинность ли міръ оставляетъ
И свергнувъ бренье свое
Ко Херувимамъ предешаетъ?
Я мню, и шамъ ты для нее
Сладчайша изъ наградъ награда
И послѣ горестей отрада.

Любовь, исчезнешь ли тогда,
Когда бы смерть меня скосила?
Ахъ нѣтъ — твоя магическая сила
Во мнѣ пребудетъ навсегда.

С. М. Н. Б. Б. Р. В.

XX,

О Д А

З л о б а.

Составъ несущій смертоносный
Между шрамой вѣсь шипитъ
Издревле змѣй ко смертнымъ злостный
Гордяся смертію бѣжитъ.
Блестящей броней потрясая
То хвостъ, то голову згибая
Свой спрашный всюду мететъ взглядъ,
Являясь бытъ въ ужасномъ гнѣвѣ
Въ устахъ и во слоистомъ чревѣ
Содержитъ вредный пварямъ ядъ.

Ловца на упренней аврорѣ
 Ишедшаго къ ловившѣ въ лугѣ
 Сей вредный змій узрѣвши вскорѣ
 Къ нему спремился съ смертию вдругѣ.
 Своими свѣшлыми буграми
 Несясь какъ легкими крылами
 Ловцу преограждаетъ путь.
 Трегранно жало выпускаетъ
 И ядомъ вреднымъ напояетъ;
 Направивъ поражаетъ въ грудь.

Успѣхи равны получаютъ
 Которы чрезъ едину лестъ
 Приобрѣсти себѣ желаютъ
 Богатство, знамениту честь;
 Тремящую повсюду славу
 Себѣ присвоивъ не поправу
 Лишаютъ ближняго всего;
 О чемъ нисколько не мяшуща,
 Лишь только завсегда пекутся
 Конецъ достигнуть своего.

Иной узрѣвъ завистнымъ взглядомъ
 Что ближній приобрѣлъ Трофей,
 Подвигся подстрекаемъ адомъ
 Со всею злостію своею,
 Подъ видомъ истинной пріязни
 Ему гошовишъ бѣдства, казни

И что еще всего любѣй;
 Забывши совѣсть, стыдъ, и муки
 Къ убившему простираешь руки
 Сей въ видѣ дружества злодѣй!

Иной рѣ лицѣ улыбкой нѣжной
 Другихъ жelaешь обмануть,
 Что взоръ сей съ крошесію смѣжной
 И что его невинна грудь,
 Что всѣ движенья тѣлесны:
 Правдивы, искренни, нелѣсны;
 Но въ сердцѣ злѣба присѣдишь.
 Сей страшенъ смертнымъ, сей есть злобенъ,
 Сей адскимъ фуріямъ подобенъ,
 Сей бѣдствомъ всякому грозенъ!

Иной къ устамъ прижавши персты
 Смѣхъ кажетъ съ злобой по поламъ
 Но мысли ужъ давно опверсты
 Къ напастямъ, ближняго бѣдамъ,
 Не чувствуя зазрѣнья, сраму
 Другому роетъ бѣдства яму,
 Въ котору прежде самъ падетъ.
 Злодѣй, ликуя въ сей напастѣ
 Для укрощенья гнѣвной части
 Воище защитника зоветъ!

О дщерь, чудовищемъ рожденна,
 На пагубу въ простраинный свѣтъ,
 Иль адомъ всѣмъ произведенна
 Для соплешенья многихъ бѣдъ!

Тя Фуріи млекомъ пшали
И парки строга наставляли.
Послѣдъ вашъ своимъ спонамъ.
Что можетъ бытьъ люшѣ злобы?
Она изъ тартарской упробы.
Изшла напасши строишь намъ.

Зри извергъ: се вокругъ тѣя спонуть
Лишенные всего побой.
Въ крови, въ печали горькой понуть
Нарушенъ сладкой ихъ покой.
Тобою счастья лишены,
Тобой золь въ бездну погружены
Возносятъ вопль свой къ небесамъ.
Слезамі орося ланишы
Всѣ просятъ Вышняго защиты:
„Пошли всевышній помощь намъ!“

Пускай сей извергъ части строгой
Гонящей избѣжитъ теперь,
Пускай живетъ во славѣ многой
И къ счастью оптерзетъ дверь:
Но Вышній мстящій злымъ рукою
Къ блаженству смертныхъ и покою
Ошъ злобныхъ сихъ очистишь свѣшъ,
Смирися сихъ чудовищъ выя
Съ стыдомъ въ разбѣлины земныя
Ихъ слава, злоба, честь падешъ.

Очисти сердце, умъ и мысли
 И краткосць всѣхъ твоихъ временъ
 О смертный человекъ исчисли!
 Твои дни цвѣтъ, и шло шлѣнь.
 Чрезъ ближняго напаси многи
 Ко счастью не ищи дороги;
 Доволенъ жребіемъ своимъ,
 Проси Зиждителя вселенной,
 Успѣхъ да будешь вождельникой
 Благимъ намѣреньямъ твоимъ.

XXI.

Ночное размышленіе.

Уже въ проснувшемся другомъ земномъ пол-
 (шарѣ
 Свѣсило пламенно ночныхъ мракъ гонитъ
 (тучь;
 А мы изъ за лѣсовъ едва въ сгущенномъ парѣ
 Зримъ умирающій его вечерній лучъ.

Какая густота подѣмлется сѣдая
 Къ горящимъ небесамъ съ простывшихъ сихъ
 (полей!
 Смотри: почти вездѣ простерлась мгла густая
 И атмосфера вся одной покрыва ей!

Какъ

Какъ разспилается она вездѣ? уже ли
Ненастье будетъ вѣ ночь? взгляни сюда Гирсамъ,
Какія искорки сквозъ тѣму возпламенѣли?
Знай, что великія тѣла сверкають шамъ.

Чудись какъ вѣ воздухъ вращаются спокойно
Громады онія, велики какъ земля.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ изшелъ изъ Боже-
(скихъ рукъ спройно,
Сии шары текутъ чрезъ синія поля.

Какъ шарики вѣ крови (мы зримъ по вѣ
(маломъ мірѣ)
Чрезъ жилы ушлыя, не падая бѣгутъ:
Такъ круги свѣшлые вѣ обширномъ семъ эирѣ
По жиламъ нѣкимъ не падая текутъ.

Магнитныи оси ихъ суть вѣчно нерушима;
А міра механизмъ всегда пребудетъ твердъ
И силы естества во вѣкъ не изшощимы,
Понеже самъ Творецъ есть вѣчно милосердъ.

Когдажъ возхождетъ онъ: исчезнетъ все ко-
(нечно;
Но прощидѣніе, но прапота претитъ
Благому исчезать; а милосердье вѣчно
Могуществу его вѣсѣ правильный творитъ:
Но

Но что же значитъ то, что вѣкогда потонетъ
Земля во пламени, и каждая вещь тогда
 Отъ ярости огня курясь въ дыму воззоветъ, —
 И мы, — и мы съ себя плѣнь свергнемъ
 (навсегда?)

Что то, когда *луна*, которой лучъ заемной
 По пускомъ сводъ въ ночь безоблачну сколь-
 (зитъ,
 Зря гибель странную своей сосѣдки черной,
 Сама начнетъ багрѣть, и дымъ густой явишь?

Почто покроетъ мракъ прекрасное *спѣтило*
 Въ то время самое, когда съ небесъ оно
 Въ міръ спраждающій свой блескъ златой бы
 (низпустило
 Иль *тѣло* каждое погибнуши должно?

Гирсамъ! ужель ты мнишь, что міръ такъ
 (исчезаетъ?
 Не мни — то дѣйствуетъ *Зиждителя* любовь,
 Что грубый съ міра плѣнь симъ средствомъ
 (онъ свергаетъ.
 Міръ *фениксъ* есть. — Тогда онъ возро-
 (дится вновь.

Но вѣдай, что единъ есть кругъ ни кѣмъ
 (не зримый,
 Который выше всѣхъ явленій сихъ ночныхъ,
 Который въ вѣкъ и вѣкъ пребудетъ нерушимый,
 Который вѣчно новъ безъ прерожденій сихъ.

Тамъ сый Господь блаженъ среди лучей
 (духовныхъ
 Съ блаженной пѣрою — блаженъ тамъ каж-
 (дый духъ,
 На крылахъ пѣры сихъ достигши мѣстъ
 (верховныхъ;
 И шомъ блаженъ, кто въ сей грядетъ вели-
 (кій кругъ.

XXII.

А К Р О С Т И Х Ъ

На день псерадотснаго рожденія Его Вы-
 сочестпа, Государя и Великаго Князя
 КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

27 Апрѣля.

Къ надеждѣ вѣчнаго покоя
 Отрадѣ сладкой всѣхъ сердецъ
 Нашура Россамъ благо строя
 Со счастьемъ златѣ сплела вѣнецъ.
 Твой домъ, о ПЕТРЪ, днесъ умножаетъ,
 А

А Россамъ радости ліешъ,
 На свѣтѣ младенца вновь являетъ,
 Тебѣ, о Россѣ, Царя даетъ
 И шлетъ втораго КОНСТАНТИНА
 На свѣтѣ изводитъ ПАВЛУ сына.

При плескахъ радостныхъ Россіи
 Агарь поверженна лежитъ;
 Владѣшеть сильный всей Асіи
 Лице спудомъ покрыто зришъ.
 О! дни златыя намъ настали!
 Великій КОНСТАНТИНЪ воскресъ
 И Россы купно вопіяли,
 Что даръ сей посланъ отъ небесъ.

П. Икософъ.

XXIII.

С Т И Х И.

На сей же день рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя.

КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

Сочинены въ 1782 году.

Пермесскій жаръ вліяйше музы
 Мою настройше лиру днесъ,
 Да спранъ познаюшъ вся союзы
 Воспой соборъ парнасскій пѣснь,
 Вы росску радость возвѣстите
 Во всѣ концы хвалою гремите!

О день блаженный для Россіи;
 Въ который КОНСТАНТИНЪ рожденъ,
 Гдѣ радость ПАВЛА и МАРИИ,
 Народъ надеждой укрѣпленъ:
 Что КОНСТАНТИНЪ сразитъ прошивныхъ
 Взгремитъ мужей надъ славой дивныхъ.

Науки цвѣсть повсюду станутъ
 Герой явится онъ въ полкахъ,
 Враги предъ нимъ падутъ, увянутъ,
 Когда пошлетъ онъ къ нимъ свой страхъ;
 Онъ подданныхъ, опцемъ явишся
 Ему свѣтъ цѣлой удивишся.

Но слышу гласъ Опца вселенной
 Сквозь твердь ко долу онъ зоветъ:
 „Россіи мной благословенной
 „Во вѣки счастье не минетъ,
 „Да въ чадахъ чадъ ЕКАТЕРИНЪ
 „Доброты будутъ съ ней едины!

XXIV.

С Т И Х И.

Россійскому спокойствію.

Сочинены Сентября 22 дня 1784 года.

1.

Стеклу подобіемъ сравнилась
Валовъ пространства быстрина
Морей угрюмость усмирилась
И стала бездна несстрашна,

2.

Спокойно флотъ по ней спремится
И легкіе струи дѣлитъ,
Свирѣпыхъ буръ онъ не спрашится
Съ богатствомъ въ дальній край спѣшитъ.

3.

Борей окованный спрадаетъ
Подъ тягостью ужасныхъ горъ,
Трясется въ ярости стенаетъ,
Не смѣя свой явити взоръ,

4.

Кровавы очи потупляетъ
Отъ свѣшлыхъ пишины лучей
И о себѣ сіе вѣщаетъ :
Исчезла власти мочь моей

5.

„Мнѣ не гдѣ больше простирати
 „Обширнось хладѣ носящихъ крилъ,
 „Не можаю мнѣ морей терзати
 „Моихъ ослабла крѣпость силъ

6.

„Смиранный Росской Героиней
 „Не смѣю больше взорѣ возвестъ
 „На ту страну, гдѣ сей богиней
 „Покой мнѣ вредный началъ цѣлствъ

7.

„Вездѣ хвала о ней несется
 „Отъ ней его весь черплетъ міръ,
 „Играя нынѣ мнѣ смѣется
 „Презрѣнный мною споль зефиръ.

8.

„Не въ силахъ узѣ я разтерзати
 „О еслибѣ могъ то учинишь!
 „Ябѣ горы началъ разверзати
 „И міръ пошщилеябѣ возмутишь.

9.

„Поднявъ со дна валы ужасны
 „Я узыбѣ грома разрѣшилъ
 „Поля обильны и прекрасны
 „Во степи страшны превратилъ.

10.

„Воздвигшись съ Марсомъ въ страшной рати
 „Привелъ бы ихъ предѣлы въ страхъ
 „Попщилсябъ мечъ его отъяши
 „Что у Минервы днесъ въ рукахъ ,

11.

„И признаками что спокойства
 „Гражданъ Россійскихъ веселитъ „
 Сіе любитель неустройства
 И врагъ спокойствія гласитъ.

12.

Но блескъ веселья превышаетъ.
 Прошедши мраки страшныхъ бѣдъ ,
 Богатство Флора рассыпаетъ
 Исчезъ военной бури слѣдъ.

13.

Подъ кровомъ днесъ ЕКАТЕРИНЫ
 Ликують грады и луга
 Отъ бурь избавлены, пучины
 Не ударяютъ въ берега.

14.

Творецъ земли небесна свода
 И всѣхъ блеснящихъ въ немъ свѣтилъ.
 Сіе для Роскаго народа
 Съ начала міра положилъ :

15.

Чтобъ тѣмъ вознестъ ЕКАТЕРИНУ
Превыше всѣхъ владыкъ земныхъ
Счастливу Россамъ давъ судьбину
И токъ обильный дней златыхъ :

16.

Но естли завистию пылая
Дерзнетъ кто спастъ прошиву насъ
Спокрамъ услышитъ въздыхая
Гремящей славы Росской гласъ.

17.

Представъ, представъ, о муза, нынѣ
Какъ горделивый Опшоманъ
Завидя счастливой судьбинѣ
Восталъ прошивъ полночныхъ снранъ.

18.

Но что за звукъ мой слухъ колеблетъ?
Сверкаютъ молніи въ тѣни,
Всѣ чувства сердца страхъ отъземлетъ
Я зрю прошедшей бури дни.

19.

Тамъ черный дымъ всю землю кроетъ
Сквозь мракъ Перунъ кидаетъ взоръ
Отъ ярыхъ громовъ воздухъ воетъ,
Сердца Фракійскихъ спонутъ горъ;

20.

Не пакиль Ахиллесъ межъ Грековъ
Троянъ кичливыхъ родъ разитъ,
Или Зевесъ межъ челоѣковъ
Тиганшовъ въ ярости казнишь?

21.

Се вдругъ згущенный дымъ развился
 Разсыпался свирѣпый врагъ
 И въ славу Россѣ съ мечемъ явился
 На древнихъ Греческихъ берегахъ;

22.

Сей врагъ мгновенно усмирися
 Исчезъ его нестройный строй,
 Покой священный водворися
 ЕКАТЕРИНИНОЙ рукой,

23.

Тобой, Великая Богиня,
 Тобой въ покой мы живемъ
 ВЕЛИКАЯ ЕКАТЕРИНА,
 Тобой во славу мы цвѣтемъ!

24.

Когда тронъ Россій освѣтился
 Твоихъ сіяніемъ добротъ:
 Тогда обильный токъ пролился
 Побѣдъ, покоя и щедротъ.

25.

Отецъ вѣковъ и Царь Царящихъ
 Создатель неба и земли,
 Творецъ міровъ мірамъ свѣщающихъ!
 Россіяи нынѣ гласъ внемли:

26.

„Твоей рукой да сохранимся
 „Отъ бурь, отъ волнъ и непогодъ
 „Жизнь, здравіе да укрѣпимся
 „И слава Россовъ въ родъ и родъ!

XXV.

О Д А

Вѣчностъ.

Сочинена 6 Августа 1784 года.

О ты, что въ мысляхъ заблужденныхъ
И въ суедахъ проводишь вѣкъ!
Спраспей отвергнись развращенныхъ
Отвергнись ты, о человѣкъ!
Твой вѣкъ какъ воды, протекаетъ!
И каждый мигъ тебѣ вѣщаетъ,
Что къ вѣчности ты ближе спалъ;
Кто знаетъ какъ сей часъ минется,
Что шепъ послѣдній остается,
Иль ты его уже скончалъ?

Какъ съ шумомъ внизъ рѣка спремится
Ярсь берега холмисты рветъ
Волна во слѣдъ волнъ кашится
И спрашно съ пѣною реветъ,
Со спономъ въ бреги ударяетъ,
Древа нагбенны исторгаетъ
Неся въ пуши своемъ крушитъ:
Но се къ предѣлу достигаетъ,
Спруи во Океанъ вливаетъ (*)
И въ нихъ себя тогда смиритъ.

(*) Всѣ источники имѣютъ Океанъ извѣстнымъ предѣломъ.

Подобно наша жизнь шакъ длится
 И къ вѣчности всякъ часъ течетъ,
 Исчезнешъ все и прекратится
 Какъ Парка жизни нить прерветъ,
 Завѣсу вѣчности откроетъ
 И въ мракъ семъ своемъ сокроетъ
 Подобно какъ земля нашъ прахъ;
 Но чтоoliko мя смущаетъ
 И въ жилахъ кровь останавлиетъ!
 Объемлетъ сердце смертный страхъ.

Трепещутъ члены и бледнѣютъ!
 Зрю духомъ страшные часы,
 Уша слабѣютъ и нѣмѣютъ. . . .
 И воздымаются власы:
 Очамъ моимъ открылась вѣчность,
 Ужасна смертнымъ безконечность
 Всевышній! подкрѣпи мой духъ!
 Мой разумъ страхъ одолеваетъ
 И мракъ въ пущи останавлиетъ. . . .
 Ужасный шумъ колеблетъ слухъ!

Завѣса мрачная открылась. . . .
 Объялъ меня сугубый страхъ!
 Мнѣ бездна вѣчности явилась
 Въ смущенныхъ страхомъ очесахъ!
 Тамъ вихри мрачныя крушатся,
 Забвенья воды шамъ стремятся

Временъ колоссный слышенъ шумъ!
 Тамъ годы узами скрѣпленны
 Чредой къ печеню нареченны
 Не въ силахъ изъяснить мой умъ. . . .

О вы, что щиптесъ поспигаши
 Обширность высочайшихъ звѣздъ
 Вездѣ спремилесъ разпознати
 Предѣлы неизвѣстныхъ мѣстъ,
 Что знаете луны печеню,
 Эфира и небесъ твореню,
 Вы дайше вѣчностъ миѣ объять,
 О ней подробно возвѣстите
 Ученьемъ мракъ мой просвѣтите,
 Чшобъ могъ мой умъ ее понять.

Но тщетно всѣ они шудятся
 Познать премудрости небесъ;
 Тщешой ихъ мысли обращающъ
 Потупяетъ острый лучъ очесъ,
 Пусшь могутъ въ свѣтѣ все познати;
 Того не могутъ въ вѣкъ понять,
 Что есть всѣхъ истинная цѣль?
 Не вѣдающъ того ученя,
 Что есть конецъ всего печеня
 Преграда суетамъ и дверь?

Колю смертныхъ умъ не постигаешь
 Куда ихъ быстрый вѣкъ течетъ,
 О чемъ всегда напоминаешь
 Сама природа, самый свѣтъ:
 Не щедно ли они шудятся,
 Что зная натуры тайность шцаются,
 Изъ мрака шцаются въ мракъ входить,
 Межъ тѣмъ пустыми какъ мечшами
 Колеблются и суешаи,
 Теченья ихъ превращаются нищъ.

Пройдешь вся смершнаго забава,
 Вся суешность его минешь
 Исчезнешъ гордость вся и слава,
 Лишь парка дни его пожнешъ;
 Онъ въ бездну духомъ преселился
 И шамъ съ подобными сравнился;
 Хотя счастливъ былъ, или убогъ,
 Хотя славенъ былъ, или неславенъ,
 Онъ шамъ со всѣми будетъ равенъ
 Лишь за добро вездасъ всѣмъ Богъ.

Сергей Тучковъ! (*)

XXVI.

(*) Сочиненія помѣщенные здѣсь подъ No XXII. XXIV. XXV и нѣкоторыя другія сообщены намъ отъ сего Благороднаго Сочинителя, за который тѣмъ паче почитаемъ себя обязанными ему благодарностию, что при отличныхъ достоинствахъ своихъ онъ есть и весьма значнаго рода.

XXVI.

Г И М Н Ъ.

Богиня любви.

Первобытная прамашь
 Бывшихъ, сущихъ и грядущихъ !
 О прекрасная Богиня,
 Изъ утробы водъ рожденна !
 Все на свѣтѣ проращаешь,
 Огнь съ водой соединяешь,
 Все связуешь и питаешь,
 Мать наша и Богиня !
 Магнитизмъ ты всей природы,
 Магнитизмъ ты человека,
 Магнитизмъ духовъ ты вышнихъ !
 Магнитическою силой
 Житроспью своей науки
 Вещь ты къ вещи привлекая,
 Чашь къ чашницѣ прилбляя,
 Такъ міры ты производишь ;
 И огнемъ своимъ тончайшимъ
 Электрической той искры,
 Ты живишь, что породила !
 Всюду власть твоя простерта
 Отъ малѣйшихъ пещинки
 До всего, что есть въ природѣ :
 Отъ пылинки до растѣній,
 Отъ растѣній до животныхъ,
 Отъ животныхъ къ человеку,
 И что выше человека !

О любовь! мать земвородныхъ!
О любовь! Царица наша!
Сниди съ тѣхъ круговъ эфирныхъ,
Гдѣ во славѣ обитаешь,
Сниди съ небеси на землю
И явися человѣкамъ!
Дай младенцу шо искусство
Чтобъ воспитъшь тебя достойно,
Чтобъ перо изобразило
Силу, дѣйствія и образъ,
Кои мы въ тебѣ находимъ;
Дай, чтобъ смершнй о безсмершнй
Могъ вѣщать, и не обидѣть!
— Се швой образъ зрю въ восторгѣ
Зрю тебя я испупленный,
Се глава швая вѣчанна
Изъ цвѣшовъ вѣнцемъ сплешенныхъ
И украшена луною!
На лицѣ швоемъ природа,
На груди швоей богатство
Въ персяхъ всей испочникъ жизни!
Раковина въ сей десницѣ
Знакъ породы изъявляешъ;
Лицо передъ очами,
Держимо другой рукою
Знаменуетъ шо откуда
Все начало воспріяло.
Звѣзды сущъ швое убранство,
Зодіакъ препоясуетъ
Марсъ свирѣпый укрощенный
Сына швоего стрѣлами

И твоею красною,
 Побѣжденный въ знакъ Трофеевъ
 Лавръ подноситъ и оливы. —
 Ты прославлена Богиня.
 Ты украшена предивно!
 Свѣшлый зракъ твой восхищаетъ,
 Твой приходъ въ восторгъ приводитъ,
 Твой приходъ познавъ первашы,
 Вдохновенны теплою,
 Кою всюду простираешь,
 Радостно тебя встрѣчаютъ,
 Радостно онѣ ликують.
 Сами боги предъ тобою
 Огнь курений возжигаютъ
 Олимпіамъ тебѣ приносятъ,
 На олтарь твой возлагаютъ,
 Ты державствуешь надъ ними!

XXVII.

П И С Ь М О

Къ другу моему....

Ты себя несправедливо считаешь несчастливѣмъ любезной другъ! Тотъ токмо несчастливъ, который содрогается при перемѣнѣ участи, и не имѣетъ силы переместить перпѣливо гоненія оной. Простительно человеческой слабости оказать иѣкоторое чув-

спивованіе. Пролить нѣсколько слезъ. Но потерять разсудокъ или опчаяваться: сіе показываешь состояніе такой души, которая не находитъ никакого облегченія ни въ себѣ самой ни въ своей добродѣтели.

Обыкновенно мы для того унываемъ болѣе въ несчастіи, чѣмъ слишкомъ увѣрены были о грядущемъ благополучіи, не помышляя, чѣмъ щастіе непостоянно и коловратно. Блаженство нѣсколькихъ минушъ насъ такъ ослѣпило, что непредвидѣнная шого переменна насъ сокрушаетъ. Пользующійся съ умѣренностію благосклонною судьбою имѣетъ довольно силы перенести ее жестокость.

Несчастіе имѣетъ великое дѣйствіе надъ затвѣрдѣлыми сердцами. Находящіеся безпрестанно въ благополучіи рѣдко бывають не невѣжи. Онѣ не имѣетъ духа благосклонности. Онѣ не знаютъ науки располагать жизнь свою ближе къ блаженству, къ которому провидѣніе его ниспослало. Онѣ не знаютъ какъ обходиться съ членами общества. Неимѣетъ соболѣзнованія о не счастіи себѣ подобныхъ. Виды его недалеки. Онѣ гордъ, жестокъ и ежели упадаетъ, то паденіе его крушитъ и дѣлаетъ совершенно несчастливымъ.

Несчастіе припамятываетъ намъ всѣ вины, содѣланныя въ благополучіи. Перемена
ка

на участіи научаетъ насъ наукѣ, которой бы мы иначе выучишься не могли. Съ тѣхъ поръ мы не вѣруемъ слѣпо фортунѣ и не боимся перемѣнъ ея; по тому что мы о ней размышляли и предвидѣли ее. Вотъ уже половина побѣды нашей. Мы вооружились противъ непріятеля, укрѣпились со всѣхъ сторонъ и готовы принять его, сыскавъ средства къ оборонѣ. Мы возчувствовали сами сколь тяжело несчастіе; Узнали права, которыя имѣетъ несчастный. Онъ можетъ требовать отъ другихъ не помощи, такъ сожалѣнія: не заступленія, такъ утѣшенія. Сердце наше смягчается, и побуждаясь чувствительностію, за долгіе спавишъ то дѣлашъ для людей, что и они для насъ дѣлали. Смогъ-римъ съ сожалѣніемъ на слезы несчастныхъ, и стараемся помочь имъ въ чемъ можемъ. Врожденная чувствительность спановишъ въ насъ сильнѣе и мы ей слѣдуя изыскиваемъ всѣ способы къ вспомошествованію несчастнымъ. Сograждане наши насъ любяшъ, и чувствуя благодѣянія наши бываюшъ друзьями, на соболѣзнованіе и помощь которыхъ мы можемъ надѣяться въ собственномъ нашемъ несчастіи.

Вотъ выгоды, получаемые нами въ перемѣнѣ счастья, заставляющія сносить насъ терпеливѣе участь нашу. Великое утѣшеніе въ печали, видѣть людей раздѣляющихъ оную.

оную. Слезы ліющіяся отъ сожалѣнія, могутъ почесться лекарствомъ уменьшающимъ боль ранъ нашихъ. Видъ пронутыхъ друзей нашимъ состояніемъ и текущія ихъ слезы весьма много утѣшаютъ, даже и въ такое время, когда они намъ и помочь не въ состояніи.

Беликія находящіяся добродѣтели, которыя совсѣмъ сокрыты отъ любимцевъ Фортуны; добродѣтели достойныя быть приобрѣтенными, посредствомъ выгодъ всего свѣта, всѣхъ радостей, и всѣхъ удовольствій. Рѣдко случается чѣмъ воспитанный въ нѣдрѣ благополучія достойно заслуживалъ имя человека. Оно поршишь всѣхъ своихъ воспитанниковъ, простирая на нихъ все свои благодѣянія и не опказывая ни въ чемъ ихъ желаніямъ. Ты знаешь ихъ желанія! Они безконечны и приобыкли быть всѣмъ удовольствованы, не терпящъ прошивленія. Они влекутъ все по силѣ, что имъ прошивилося: подобно ручью, которому множество воды споспѣшествуетъ къ быспрѣйшему теченію. Божескія и человѣческія законы не сильны удержатъ ихъ. Приобыкшій все получаютъ пожеланію; неумѣренъ въ прихотяхъ, неперпѣливъ и раздраженъ прошиву всего того, что прошивилося его мнимому благополучію: шасливецъ, исполняетъ безъ замѣдленія все преступленія, толькобы достигнуть ему къ концу своего желанія.

данія. Собственная корысть есть цѣль его. Онъ мнитъ, что все его, что все для него сдѣлано, что сотворены всѣ звѣри къ его увеселенію, что всему онъ повелитель. Онъ даетъ безъ чувствительности, получаетъ безъ благодарности; имѣетъ тысячу льстецовъ не имѣя ни одного друга; онъ почтенъ, но не любимъ; не имѣя достоинствъ, считаетъ себя знашимъ по тому, что счастливъ. Кромѣ себя, онъ все въ ничто вмѣняетъ. Онъ не имѣетъ со всѣмъ тѣхъ добродѣтелей, чрезъ копорыя могъ бы онъ быть въ своемъ благополучіи счастливъ, и любимъ въ знашности. Приобыкши къ лѣнности, къ покою; дѣлать добро ему кажется весьма трудно. Онъ не знаетъ другаго удовольствія, кромѣ чувственнаго. Въ немъ однимъ почищаетъ онъ свое блаженство, и употребляетъ всѣ способы для достиженія его одного. Осчастлививъ онъ съ такимъ же хладнокровіемъ бѣднаго человѣка могущаго служить къ его пользѣ, съ какимъ шамъ погубитъ счастливаго противящагося его возвышенію. Онъ даетъ то правой рукой, что лѣвой пыжцаетъ, и сохраняетъ жизнь льстеца съ такой же нечувствительностью, какъ погубляетъ друга. Онъ напоитъ жаждущаго человѣка изъ своего сосуда, чтобъ снова наполнить его кровію вдовъ и сиротъ.

Человѣкъ сей, котораго я тебѣ описалъ точной *Верріонъ*. Съ самаго младенчества сво-

своего не зналъ онъ, что есть несчастіе. Пріятельствующая фортуна осыпала его всѣми благами, здоровьемъ, сокровищами, знаменностью, честью, роскошью и всѣмъ тѣмъ, что невѣжда обожаетъ; но онъ ничего не пріобрѣлъ, что почитаетъ разумной. При всемъ своемъ счастіи никогда не содѣлывалъ онъ добрыхъ дѣяній. Награждаетъ недостойныхъ, раздѣляющихъ съ нимъ его роскошь всѣмъ тѣмъ, что собираетъ съ стѣнящихъ крестьянъ, обрабатывающихъ его земли. Онъ не знаетъ нужды человѣчески, не чувствуя ихъ никогда; даетъ безъ удовольствія и разоряетъ безъ угрызенія совѣсти. Имѣетъ друзей. — Но что я говорю — Друзей! къ чему прицѣпять имя сіе! онъ имѣетъ недостойныхъ льстецовъ, для удовлетворенія желанія.

Вотъ союзъ его дружества. Да и можетъ ли Верріонъ имѣть чувствительность, и раздѣлять оную съ нелепными друзьями? Нѣтъ, онъ за все почитаетъ корысть, и къ дружеству неспособенъ. Гордясь выгодами, которыя онъ имѣетъ предъ другими, онъ никого кромѣ себя не почитаетъ, и знакомится съ тѣми только, въ комъ онъ имѣетъ нужду. Имѣетъ звѣрской нравъ: бѣшенъ, по тому что всѣ его желанія исполняются, по тому, что фортуна всѣмъ его доводитъ и удалила отъ него всѣ заботы и всѣ горести: подобно неукротимому коню, конторой не вдалъ еще ни узды ни шпоръ.

Сколь перемѣнился бы горделивецъ, ежелибы какое несчастіе его обременило и принудило его къ размышленію! непрерывное счастье поршило часто и непорочныя души тѣхъ, копорые въ умѣренномъ состояніи были чувствительны, вѣрны и благосклонны. Гордосць замѣнила ласку, прибышокъ дружбу, нечувствительность соболѣзнованіе. Кто былъ величественнѣе Царя малой Македоніи: но потомъ чѣмъ онъ здѣлался будучи владѣтелемъ свѣта? Всѣ старанія о воспитаніи (*) его и успѣхъ оныхъ, не былиль уничтожены непрерывнымъ счастьемъ? Александръ, чѣмъ болѣе просиравалъ свои побѣды, тѣмъ меньшимъ становился; онъ былъ примѣрный государь малой области: но покорилъ весь свѣтъ, сталъ презрительный Монархъ. Счастье столь много уже его надѣлало, что наконецъ не чѣмъ уже было его дарить: онъ сихъ - то выгодъ человекъ проливающий слезы по погибели враговъ своихъ, сталъ пирантъ умерщвляющій друзей; вѣрный и чувствительный другъ Эфесціоновъ перемѣнился въ гордеца, копорой считалъ себя богомъ; порядочный и презвый солдатъ, здѣлался, пьяницею, шашемъ и сластолюбомъ. Сколько бы природа ни вложила въ сердце добрыхъ разположеній, сколько бы воспитаніе ни про-

Часть IV.

К

свѣ-

(*) Припомните шупъ Аристотеля, учителя Александра Великаго.

свѣтило : но непремѣняемое счастье все уничтожаетъ , прерываетъ и разоряетъ.

Ежели почитаемъ мы добродѣтель , по уважимъ и знакомящее насъ съ нею несчастье. Я самъ испыталъ оное и о томъ крушился ; теперь знаю сколь трудно его переносить и соболѣзную о несчастныхъ. Я гордился въ благополучіи и думалъ прожить не имѣя ни въ комъ нужды ; но несчастье открыло мнѣ глаза , спасло меня и вывело изъ заблужденія. Теперь знаю , что и я могу терпѣть горести и имѣть въ каждомъ нужду. Схожу съ высоты спѣдаясь прежней гордости. Многочисленные удары участи сдѣлали сердце мое чувствительнымъ и обходительнымъ , человеколюбивымъ отъ сожалѣнія къ другимъ ; будучи другъ людямъ я начинаю дѣлать добро ; чувствую удовольствіе и радость , когда кому помогаю въ нуждѣ. Гордость моя отдаляла прежде отъ меня всѣхъ моихъ прежнихъ друзей , а окружающіе меня почитали , но не открывали сердца. Нынѣ вижу повсюду друзей , привязанныхъ ко мнѣ благодарностію , почтеніемъ и любовью. Безъ переменъ счастья я можешь быть никогда бы не чувствовалъ сего удовольствія , рождающагося отъ дружбы и почтенія другихъ.

Мы имѣемъ множество примѣровъ величества духа несчастныхъ людей , которые
съ

ѣѢ терпѣливостію сносили бѣдствіе свое и не огорчилась. Да сохранимъ память сихъ великихъ людей, оставившихъ попомощву шаковые примѣры!

Я съ чувствительностію и почтеніемъ слышу о вашемъ несчастіи и терпѣніи, сносимомъ за честность! Сердце мое перзаеся и я проливая слезы, дивлюсь терпѣнію вашему. „Хотя сей часъ вели меня казнишь смертію, какою пы за благо разсудишь: не щади съдыхъ власовъ моихъ; пролей кровь: не нѣтъ, не объявлю я Марія врагомъ, — Марія спасаго Римъ и всю Италію! „ — Ошвѣчалъ Вола озлобленному Силлѣ, который хотѣлъ его принудить, чтобы онъ осудилъ врага своего.

Влекутъ Фокіона разслабленнаго, и не въ состояніи держаться на ногахъ спарика къ смерти; спарика, который невиною осьмидесятилѣтнею жизнью приобрѣлъ себѣ имя добродѣтельнаго. Народъ спекается; иные жалуютъ о старости его; иные о славѣ. Одинъ изъ недоспойныхъ враговъ его, плюетъ ему въ лицо; сей спарецъ, сей почтенной спарикъ обращаясь къ судѣ за нимъ слѣдующему говоритъ: „Велите впредь сему человеку бытъ повѣжливей.“

Можетъ ли имѣть такіа добродѣтели, человекъ упоенной роскошью? Чѣмъ имѣть подобную твердость, должно претерпѣть великія несчастія, должно для сего обогатить душу свою великими добродѣтелями, позабыть всѣ прибышки; утѣшаться единою добродѣтелью и чинить ее первымъ предметомъ.

Утвержденный ею Сократъ, зрѣлъ приближеніе смерти своей съ величешвомъ духа, которое всѣми вѣками почитаемо будетъ. Вся жизнь его была точное сраженіе съ участью, которую онъ всегда одолѣвалъ. Онъ съ твердостью противу стоялъ тринадцати пиррамъ; но величайшая побѣда была его кончина. Ему приносятъ вѣсть, что Аѳиняне приговорили его къ смерти. „И они давно приговорены къ тому же ошъ напурь. „ Ошвѣчалъ онъ. Супруга его соболѣзнуешь для чего невинно его осудили. Безразсудная! Сіе-то точно было утѣшеніе, на которомъ основано было терпѣніе сего Героя. „Развѣ ты хочешь, чѣмъ я былъ приговоренъ по справедливости? „ сказалъ онъ; выпилъ ядъ: и скончавшись заспавилъ свѣтъ себя оплакивать.

Славная кончина! Когда великой человекъ умираетъ: то и по смерти бываетъ великъ.

Не подумай другъ мой, что только шѣ, которыхъ я тебѣ наименовалъ, представляющъ потомству великіе примѣры добродѣтели. Не исчезла еще сія великая, сія почтенная добродѣтель: но не въ знаменности, или покоѣ искашь ее должно. Ищи ее въ преужасныхъ буряхъ: ищи ее въ гоненіяхъ, гибеляхъ, въ жестокой ненависти, гдѣ всѣ спрашки безпредѣльны, всѣ права недѣйствительны, гдѣ единое насильство подаеши законы. Тамъ-то находишься она; тамъ-то искашь ее должно, сію почтенную, сію непоколебимую добродѣтель: подобно Ангелу Одиссееву, который былъ тихъ и спокоенъ по среди сраженія, отъ котораго земля сгнела.

Таковыя времена произвели нѣкоего Монпроза. Съ шюжъ храбростію, съ которой защищалъ онъ своего государя, наполняя ужасомъ и удивленіемъ все войско противниковъ, съ помощію нѣсколькихъ невооруженныхъ солдатъ, съ шюжъ храбростію онъ переносилъ всю жестокость, каковою можетъ только опягчить судьба смертнаго. Безчеловѣчные враги его выдумываютъ разныя ему мучительства, позволяли еще ему обняти дѣшей въ послѣдній разъ, не для того, чтобы доставили ему родительское утѣшеніе; но чтобы въ мученіе перемѣнили опеченіе и ѣжностъ.

Тщешно! самыя сіи обѣщанія не въ силѣ
испребихъ спокойствія великой души его.
Очи не наполняются слезами слабости: голосъ
его не произноситъ жалобъ на несправедливость
враговъ своихъ. Ему читающіе приговоръ;
онъ долженъ быть повѣщенъ и умереть споль
посыдно. Три часа висѣлъ на висѣлицѣ,
чтобъ быть зрѣлищемъ врагамъ своимъ: по-
томъ отрубя голову, повѣситъ ее передъ
темницей: руки и ноги послашь въ четыре
города его государства, а тѣло погребши съ
преступниками. Жестокой приговоръ! но не
для Монпроза. Онъ сожалѣлъ о несчастномъ
и обманутомъ народѣ. „Я считаю честнѣе
„, вѣщаетъ онъ, что голова моя висѣть бу-
„, детъ у темницы, нежелибъ она лежала
„, въ спальнѣ вашего Короля; а о томъ, что
„, руки мои и ноги пошлются въ четыре го-
„, рода, споль мало беспокоюсь, что я же-
„, лалъ бы имѣть еще сполькожъ рукъ и ногъ,
„, чтобъ во всѣ города Христіянскіе можно
„, было розослать, дабы они видѣли за что
„, я умеръ.

Таковыя души достойны удивленія на-
шего и подражанія. Ихъ величество духа,
не боязнь, но мужество; не гордость, но спо-
койствіе; не запальчивость, но терпѣніе, осно-
ванное направилахъ и испытанное не-
счастіями. Оно не на презрительной гордо-
сти основано, но на добродѣтели. Души сіи
при-

прилѣпляются къ небу и оставляютъ подъ ногами землю. Ахъ другъ мой! шакковыя примѣры показывающъ: какую силу имѣетъ надъ собою человекъ, и съ какимъ духомъ онъ произведенъ на свѣтъ! Благословляй несчастіе могущее привести тебя къ сему достоинству и старайся употреблять его на то, къ чему провидѣніе тебѣ его низпослало.

Д. Р.

XXVIII.

НРАВСТВЕННОЕ УДОВОЛЬСТВІЕ,

Чей слышу гласъ, дѣлающій мнѣ одобреніе во внутренности моей, когда я учиню доброе дѣло? Одобреніе, возбуждающее во мнѣ чистое, несказанное, никогда ненасыщаемое удовольствіе! Гласъ Всемогущаго то; Всемогущаго, желающаго видѣть человека, совершеннѣйшее твореніе свое, добродѣтельнымъ, себѣ подобнымъ.

О любезная Эмилія, скажи мнѣ, кто далъ тебѣ ключъ къ сердцамъ всѣхъ людей? Отъ чего происходитъ то, что каждой въ обращеніи съ тобою находитъ себя лучшимъ, чрезъ обращеніе съ тобою останется лучшимъ? Кто подаетъ тебѣ доволныя силы къ забвенію слабости, бо-

лѣзней своего тѣла, себя самой, чтобъ помышлять о благѣ другихъ, чтобъ означать всѣ шаги свои угодными, честными, благородными дѣлами? Не дѣйствія ли сіе твоей благородной, чистой, Ангеламъ подобной души?

Властолюбцы, честолюбцы, сластолюбцы! насыщайте свои побужденія, и скажите, ощущаетель вы пріятное удовольствіе, блистающее изъ всего сосава Эмилии? Правда, естество мало производитъ Эмилию! Кто имѣетъ, какъ она, столько нѣжныхъ, живыхъ правильныхъ чувствованій? Но, о смертные! каждой изъ васъ да исполняетъ должности своего званія, и каждой заслужитъ нектаръ самодовольствія, внутренняго спокойствія душъ. Исполненіе должностей есть основаніе всѣхъ добродѣтелей, и всякаго истиннаго благополучія.

Сколько счастливъ честный мужъ въ обѣщаніяхъ возлюбленной супруги! Для него біется въ прелестной груди благороднѣйшее сердце. Сердце, составленное изъ одной чувствительности. Ея прелестнѣйшіе глаза, сладкорѣчивыя уста, съ усмѣшкою ему являютъ внутреннюю нѣжность и чувствительность. — Я разсмотрю супруга почитѣ. Онъ меньше горячъ, нежели прежде; сердце его лучше; его радости возвышены, и прискорбія улажены.

денъ. Вотъ что производитъ любовь, что производитъ пріятная супруга. Предметъ чистыхъ его побужденій есть купно и ревностный, проищательный, скромный его другъ. Окрестъ его невинныя добрыя творенія, многообразнымъ дѣлающія его бытіе. Въ дѣтяхъ онъ любитъ мать, въ матери дѣшей, и отъ часу дѣлается благополучіе, чѣмъ горячѣе онъ любитъ. Дни его, будучи чужды ярыхъ страстей и страшнаго хладнокровія, пропекаютъ въ сладчайшемъ веселіи. Маленькія творенія, спановящіяся людьми, бывающіе попомъ подпорою дѣшъ его.

Тамъ вижу я волнующагося, заблуждающаго юношу, и совсѣмъ чувствениаго человека. Погибельная смѣсь презрѣнія и любви наполняетъ душу ихъ попеременно радостію и скукою. Сегодняшній день у нихъ для завтрака потерянъ. Наступаетъ старость, чувству молчаніе, разслабленное тѣло требуетъ прирѣнія, сердце желаетъ быть нагрѣваемо, и теперь живутъ они въ печальномъ уединеніи, не слышатъ никогда сладкаго имени отца, и щещно призывающъ назадъ потерянные часы.

Да и въ вышшихъ состояніяхъ добродѣтель и благополучіе неразлучны. Посмотри на *пеликаго челоѣка*, когда онъ въ сраженіи,

женіи, при возмущеніяхъ, въ рѣшительныхъ минутахъ, однимъ зрѣніемъ, одною дѣятельностію занимается. Когда онъ единымъ взоромъ видитъ опасность и предохранительное средство; предохранительное средство видитъ, купно и принимаетъ, когда его рѣшимость влечетъ за собою, какъ орудія, сомнящіяся, колеблющіяся обыкновенныя души. Какое божественное удовольствіе воздымаетъ тогда геройскую грудь! Сравни лучъ сіяющій изъ бодраго взора его съ пасмурнымъ, хитрымъ видомъ *Кромпелевымъ*, съ снѣденными яростию чертами *Катилены*. Равно тверды души злодѣевъ и Героевъ: но храбрость оныхъ есть бѣшенство, ихъ благоразуміе коварство, радость ихъ адская радость, внутреннимъ безпокойствомъ разрушаемая радость, радость напоенная желчію ненависти къ человѣческому роду и самому себѣ.

Какимижъ красками описать сихъ, надменное самодовольствіе *Регула* спѣшащаго къ чести своего опечесства на несомнѣныя мученія? Какъ описать сіе пріятное равнодушіе *Эпиктето*, которое отъ часу тверже, не склоняется къ малодушію ни отъ оковъ, ни отъ болѣзней? Какъ описать сіе нѣжное и вмѣстѣ твердое чувствованіе друга *Пилада*, желательнаго опваживающаго жизнь свою за другаго себя? То небесная была радость, порожденіе Боговъ, что одушевляло сихъ героевъ

въ добродѣтели, въ ихъ дѣлахъ! О вы *Тимуры*, вы *Кулыханы* прошенныхъ и будущихъ временъ, почто вы навлекаете столько рачительно на себя проклятіе просвѣщеннаго человѣчества? Доспавлялиль вамъ когдалибо ваши кровавые, незаслуженные лавры, ваши на опустошеніяхъ воздвигнутые, отъ невѣжества почитаемые памятники шаковыя во-скипипельныя минушы? —

О добродѣтель! О веселіе мудраго! Тебя отрекаешься хотя порочный, но щещно спарается онъ оглушить себя. Могущественный гласъ твой всегда говоритъ во внутренности его сѣрдца, и дѣлается перзающимъ его попрекомъ. Среди самыхъ его веселій, въ шуму свѣша, на одрѣ болѣзни, въ бессонныхъ ночахъ, да и во снѣ говоритъ гласъ твой равнослышно доброму въ награду, злому въ наказаніе. Не всегда продолжается опяньблосъ чувствъ; не всегда разсѣянїя возможны! И какой же взоръ, какое чувствованіе, бытъ принуждену видѣть себя, и себя ненавидѣть!

О добродѣтель! и пакъ вѣчный и первоначальный источникъ всякаго блага соединилъ съ тобою, неразрушаемымъ узломъ естество человѣческое, соединилъ съ тобою сладкимъ узломъ *нрапстпенное удопольтпїе*; и горе тому, который спарается разорвать сей узелъ!

XXIX.

ВОСТОЧНЫЯ ЭКЛОГИ.

I.

*Зрѣлище представляетъ долину подлѣ
Багдада утромъ.*

Послѣдуйте, о Персидскія дѣвы, пѣ-
снямъ своего пѣснотворца, и внемлите, какъ
проводятъ пастухи златые дни свои! Не
всѣ шѣ, коихъ рука счастья подкрѣпляетъ
при дворахъ богатствомъ, не всѣ и шѣ,
коихъ любезны луга, счастливы! Да вѣ-
ришь сердце ваше истиннѣ, мной возвѣщае-
мой: гдѣ только обитаетъ добродѣтель,
тамъ творитъ она благополучіе.

Такъ воспѣвалъ Селимъ, вдохновенный
святою истинною; и не желалъ совсѣмъ сла-
вы, кромѣ доставляемой истинною. Мудръ
про себя, онъ наставлялъ своими многоче-
сленными пѣснями пастушковъ, или показы-
валъ пастухамъ искашь прочнѣйшаго счастья,
которое даруетъ не лѣсъ, не рѣки; но добро-
дѣтельное сердце.

Сколь скоро появлялося лучистое утро,
блестя и рдѣясь, подобно молодой невѣстѣ,
въ восточной гордости своей, и влюбленные
воздухи играли по долинамъ, надували каж-
дой

дой цвѣтокъ, и развѣвали свои сладости; сиживалъ онъ при вѣющихъ струяхъ Тигра, и воспѣвалъ красотъ и юности сіе полезное ученіе.

О вы, Персидскія красавицы, вѣщалъ онъ, вамъ принадлежатъ настоящія мои пѣсни; вамъ конечно онъ понравится! На всей обитаемой землѣ не найдется лучшихъ дѣвицъ украшенныхъ малымъ искусствомъ, какъ вы; Утро, васъ осіявающее, низпускаетъ для васъ каждой золотой лучъ, льстящій глазамъ вашимъ; для васъ изсыпаятъ сіи цвѣты сладчайшіе свои запахи; и вы возбуждаете любовь ощущаемую и самыми Царями. Но сіи благословенія, сколь ни прелестны они, не почиайте вы за высочайшія, которыя небо дать можетъ красотѣ! Та, которая полагается на одинъ слабый лучъ красоты, гордится драгоцѣнностью видимыми въ Бальзорскомъ жемчугѣ, когда онъ извлекается изъ глубины, поверхность его кажется блестящею; но внутри онъ шепетъ, поелику не пѣетъ лучей солнечныхъ. Такова красота, таковы прелести, которыми гордились, когда не вспомоществуетъ имъ разумъ, или ославляетъ ихъ добродѣтель. Слишкомъ льстящій себѣ полъ! Тщесно вѣрятъ ваши, сердца что любовь ослабитъ пашуха, воспламеня его мгновенно, тщесно надѣетесь вы достать любовника про-

проступкомъ, какъ горностаева кожа краснѣлся пятнами. Тоя, которая щипится владѣть нерушимо, да будетъ главнѣйшимъ попеченіемъ каждая пріятнѣйшая добродѣшель, украшающая красавицъ; каждая нѣжная страсть восхищающая мужчину, оную примѣчающаго, всѣ любезныя совершенства женской души.

Благополучны тѣ дни, когда царствовала мудрость, и пастухи искали ее на шихихъ лугахъ. Она заключалась съ безсмертною испинною въ священныхъ лѣсахъ, и дщери благословили свою любовь.

О поспѣшите, прѣкрасныя дѣвическія добродѣтели! Изыдише! Золотой миръ и изобиліе ведетъ васъ своимъ пушемъ! Для васъ мгновенно разцвѣшуютъ на семъ берегу балсамическіе кусты, которыхъ не превзойдутъ ни Индѣйскіе ни Аравійскіе.

Сии драгіе бѣглецы, которые для нашихъ полей потеряны были, возвращаясь опять по повѣленію судьбы.

О ты, котораго мысли чисты, какъ свѣшлые лучи, приди и наставь ихъ; любезное *благонравіе*! Здѣсь на нашемъ сельскомъ позорищѣ разбей свой шатеръ; и пашушки примутъ тебя Царицею себѣ. Да
прі-

пріидетъ еѣ побою *цѣломудріе*, мудрая, не-
довѣрчивая дѣва, всего спрашающаяся, и ни
на кого не полагающаяся, по крайней мѣрѣ
на мужчину. — И нагорная серна не боиш-
ся больше скората сокола смертельнаго своего
врага, — сердце ея хладно, подобно цвѣ-
тамъ піющимъ росу; шелковое покрывало
сокрываетъ ее отъ всѣхъ взоровъ. Нѣтъ
никакихъ звѣрскихъ пожеланій въ швоей сви-
тѣ; но вѣрность, которой сердце на одного
устремлено. Крошкое смиреніе, съ потуплен-
ными своими глазами, и дружественное со-
спраданіе исполнено нѣжныхъ воздыханій;
и наконецъ да пріидетъ любовь! Оными доб-
родѣтелями содѣлайте сердца свои благород-
ными. Онѣя-то должны руководство-
вать въ любви.

Тако пѣлъ паспухъ; и древнія повѣстїи
сказываютъ, что красавицы Багдашскіе под-
тверждали пѣснь его. Къ радости луговъ доб-
родѣтели пришли вкупѣ на нихъ; паспухи
любили, и Селимъ благословлялъ свою пѣснь.

ЭКЛОГА ВТОРАЯ.

Гассанъ, или погонщикъ верблюдовъ.

*Зрѣлище представляетъ степь, въ
полудни.*

Посматривая помяну шелъ погонщикъ
Гассанъ съ своими верблюдами по безпредѣль-
ной степи. За спиною у него висѣла кружка съ

воду; и легкой карманъ его содержалъ умѣренной запасъ. Въ рукъ своей держалъ онъ опахало изъ расписанныхъ перьевъ, дабы защищать свое лицо отъ раскаленного песку. Палющее солнце достигло полудни, — ни одной травинки по близости не находилось. Живописныя съ трудомъ продолжали пыльной свой путь. Вѣтры свистѣли шибко, и зрѣлище было ужасно. Возбужденъ опчаянною суешю, воздохнулъ устрашенный человекъ при разѣ; при разѣ ударилъ въ свою грудь, и началъ говорить тако: „мраченъ былъ часъ, „несчастенъ потъ день, „ногда я въ первой „разѣ оставилъ Ширазскія стѣны? „

Ахъ! тогда я мало помышлялъ о бунтующемъ вѣтрѣ, о жадѣ, или снѣдающемъ голодѣ здѣсь мною прешерпѣваемомъ! разсуди, Гассанъ, чѣмъ жажда укротитъ безпрерывную свою ярость, когда истощится сія крушка? Скоро сей карманъ опдаситъ весь свой драгоценной запасъ; что тогда оснанешся, кромѣ слезъ и голоду?

О вы, нѣмые соповарищи трудовъ моихъ! вы принимающіе во всѣхъ прискорбностяхъ моихъ больше моего участія, здѣсь, гдѣ никакой журчащій источникъ не кашитъ, или ихомъ обросшіе кладези не прохлаждаютъ воздуха, щедро вы надѣетесь обрѣсти здѣсь уладительную зелень доставляемую щастливѣй-

вѣйшими землями и зеленѣющими долинами. Только утесы и безобразный песокъ здѣсь находился, и непрестанно воюшѣ упомленные смертоносные вѣтры. „Мраченъ былъ часъ, несчастенъ шолъ день, когда я въ первый разъ оставилъ Ширазкія степны! „

Будь проклято злато и серебро, возбуждающія слабыхъ людей слѣдовать за долгопящими торгами. Бѣлолилейный миръ превосходитъ въ блистаніи серебряныя кучи, и жизнь драгоцѣннѣе золотыхъ рудъ: и однакожъ деньги приманиваютъ насъ чрезъ темноцвѣтныя степи къ каждому торжищу, и каждому богатому городу. Весьма часто путешествуемъ мы и землею и моремъ; но награждать ли только они насъ? Ахъ! для чего пагуба сдѣлалась столь прелестною, или прельстившійся человекъ столь легко обманывается? Для чего не примѣчаемъ мы, когда глупо удаляемся пріятнаго гласа безмятежія, или радостныхъ пѣсней? Или для чего почитаемъ мы цвѣшущія спороны холмовъ, журчаніе ручьевъ, и великолѣпіе долины, для чего почитаемъ мы сіе меньше пріятнымъ зрѣлищемъ, нежели голую степь, когда она ведетъ насъ къ золоту. „Мраченъ былъ часъ, несчастенъ шолъ день, когда я въ первый разъ оставилъ Ширазскія степны! „

О! покиньте меня, вы ужасны! — Когда я совсѣмъ безчувственъ иду, долженствуя представлять себѣ безчисленные позорища горести: что, еслили я встрѣчусь со львомъ въ его ярости? — Я вижу его слѣды часто на пескѣ изображенные; и часто, когда уклоняющійся свѣтъ дня уступаетъ свое блѣдное царство шуманной ночи, рыкаетъ онъ, возбуждаемый голодомъ, и шоще волки и хищные шигры сопровождаютъ его. Предъ ними съ крикомъ направляетъ смерть шаги ихъ, останавливаетъ дикій ревъ и ведетъ ихъ къ добычѣ. „Мраченъ былъ часъ, несчастенъ шолъ день, когда я въ первый разъ оставилъ Ширазскія степи! „

Да и нахожусь я какое успокоеніе, какъ приползетъ въ сей смертоносной часъ къ моему мѣсту шихая змѣя, или индѣ напыщенный драконъ обовлетъ меня чешуйнымъ хвостомъ своимъ, и возбудитъ горящую раню къ ужасу. Трикратно блаженны тѣ, мудрые, довольные бѣдныяки, которые свободны отъ пожеланій золота, и сихъ смертныхъ спраховъ! Они не отваживаются въ степи, и не знаютъ никакой грусти, миръ царствуетъ въ жизни ихъ, разуму управляющую душою. „Мраченъ былъ часъ, несчастенъ шолъ день, когда я въ первый разъ оставилъ Ширазскія степи! „

Несчастный юноша! Ибо, снискавшая твою любовь, нѣжная Цара будетъ больше жалка!... Какъ билось мое сердце! Сколько ощущало оно силу дѣвы, какъ она проливая спѣшащія слезы, сказала мнѣ: прощай, юноша, котораго слезы не могли удержать, котораго молило разрывающееся сердце Цары: Но куда ты ни пойдешь, да будетъ каждая буря столь слаба и неощущительна, какъ сіи презрѣнные побою вздохи! Да прейдешь ты счастливое степи, и да не претерпишь никакихъ опасностей, никакихъ огорченій; не плачь, лживый юноша, шакъ, какъ я. О! еслибѣ я благополучно возвратился къ красавицѣ, и съ поцѣлуемъ ей сказалъ: ты не должна больше плакать! О! когдабы сердце мое научилось не ощущать своихъ прискорбій, когда позовушъ его обратно гласъ мудрости и Царины слезы.

Такъ говорилъ онъ, и призывалъ небо, благословить день шокъ, когда онъ вслушавшись опять въ Ширазскія стѣны.

ЭКЛОГА ТРЕТЬЯ

Абра, или Султанша Грузинская.

Зрѣлище представляетъ лѣсъ, въ вечеру.

На лугахъ Грузинскихъ, гдѣ возвышающіяся башни Тифлисскія, въ далекомъ пространствѣ

вдоль зеленой равнины, посребряющей росѣ
вечерней блестящія своды деревъ и тонко
высокимъ лѣсамъ отбрасывающимъ должай-
шую тѣнь; шамъ, гдѣ весело гуляшь въ ку-
старникахъ, или ощущаешь запахъ пшеницы
при уклоняющемся днѣ, шамъ воспѣвала по-
среди красотъ мирныхъ Цагасскихъ рощей
Эмира льстящія суеши любви.

Нѣжная пѣснь ея началась Аброю, кото-
рая молодость свою проводила на лугахъ съ
своими спадами. „Въ одно утро вышла она,
для проведенія сихъ охотныхъ спадъ, гдѣ
возвышаются лилби на влажномъ лугу. За
ранѣе считала она медлящія часы, до
поздней поры, но при тихомъ вечерѣ соби-
рала она въ кучу спада. Во глубинѣ лѣса
прикрыта ушаевающими тѣнями, плела она
разновидный вѣнокъ изъ душистыхъ цвѣт-
ковъ, брала пятаюсѣрья гвоздики, (*) и благо-
уханные желтые нарциссы, голубые коло-
желчики, распушіе при мшистыхъ берегахъ,
да и пышная роза, сладчайшій пускающая
запахъ здѣсь находилась; прекрасной голов-
ной уборъ украшалъ уже ея голову.„

Симъ

(*) Сии цвѣтшы находятся шочно, и во множе-
ствѣ, въ нѣкоторыхъ Провинціяхъ Персид-
скихъ.

„Симъ ушромъ случилось, что великій Аббасъ водимый любовію, заблудился на охотѣ; между голосами въ долинѣ слышалъ онъ ея пѣніе, и спалъ искалъ ее въ долинахъ и оппадающихъ лѣсахъ вездѣ. Наконецъ нашелъ онъ деревенскую дѣвушку и спалъ ласкался къ ней. Она знала Монарха, и повиновалась изъ боязни. „ О! естлибы каждый юноша пронутъ былъ подобно царящему Аббасу, и каждая Грузинская дѣва любима была подобно Абрѣ. „ Съ начала Царь любовникъ взялъ ее съ поля, и остался только пасушій ея посохъ и бляющія спада. Часто обращала она въ пуши своемъ глаза назадъ, и прощалась съ пасушымъ посохомъ и бляющими спадами. Прейди къ другимъ зрѣлищамъ, прекрасная, счастливая дѣвица! къ драгоцѣннѣйшимъ зрѣлищамъ злашаго высочества и любви! Шестувуй, оставъ простую свирѣль и пасушескую пѣснь. Забавляйся любовью и владычествуй съ Аббасомъ! „ О! естлибы каждый юноша пронутъ былъ подобно царящему Аббасу, и каждая Грузинская дѣва любима была подобно Абрѣ! „

„Но и среди придворнаго блеска она горѣла еще любовью къ прохладному источнику. Еще не преставало сердце ея прилѣплено быть съ пасушескою невинностію къ веселой долинѣ и цвѣтному лугу; и какъ скоро весна убирала поля новыми цвѣтами, дыша-

ла нѣжнымъ воздухомъ своимъ, и приводила благоухающіе часы; всегда посѣщала она лѣсныя зрѣлища, часто высокіе холмы и зеленые лѣса. Подруги ея собирались вокругъ нее, знашною свитою! Каждая несла сельской посохъ въ рукѣ своей. Онѣ воспѣвали безѣскусственную пѣснь о спадахъ; веселіемъ ошдавалась гора и лѣсъ. „О! естѣлибы каждый юноша пронутъ былъ, подобно царящему Аббасу, и каждая Грузинская дѣва любима была, подобно Абрѣ! „

„Часто покидалъ царствующій любовникъ заботы и шягосши Государственныя, и слѣдовалъ красавицѣ; часто ушпранялся онѣ въ тѣни и подѣ низкую крышку поселянина, или посѣщалъ долину, гдѣ въ первый разѣ воспламенилось его сердце. Подобно пастуху, надѣвалъ онѣ бѣлой балахонѣ, и не мыслилъ больше о вѣнцахъ и многодѣльныхъ дворахъ. „О! естѣлибы каждый юноша пронутъ былъ, „подобно царящему Аббасу, и каждая Грузинская дѣва любима была, подобно Абрѣ! „

„Счастлива была жизнь провождаемая царствующимъ Аббасомъ. Сладка была любовь его, и ложе его невинно. Пускай величаются дѣвицы высокой породы богатствомъ, пресподушная пастушка любилъ сполькоже хорошо, какъ и онѣ. Да славятся владычествующіе на блестящемъ Персидскомъ престолѣ лю-

любовью, только любовью благороднѣйшею, или подобно Аббасу, къ знаменитѣйшей чести любовника, миршова вѣки да вплетушѣ въ корону воина.»,

О счастливые дни! говорили дѣвицы окрестѣ ея, о! прошекайте, прошекайте исполненны благословенія! „О естлибы каждый, юноша пронушѣ былѣ, подобно царящему, Аббасу, и каждая Грузинская дѣва любима была, подобно Абрѣ!„

ЭКЛОГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Агибѣ и Секандербѣ, или вѣглецы.

Зрѣлище представляетъ Черкасскую гору въ полночь.

Въ прекрасной то Черкаси, гдѣ къ любви склонный каждый пасухѣ былѣ счастливѣ, и каждая дѣвица правила. Въ оной тихій часѣ, когда царствуетъ величественная полночь, и никто кромѣ преступниковѣ не посѣщаетъ темнѣющихъ полей; когда мѣсяцѣ повѣся свою лампаду, и блистая по безоблачному небу камишя: тогда шекли унылые по росѣ два друга пасуха, куда вела ихѣ безпредѣльная боязнь и опчаянная суеша. Скоро оставили они по себѣ, ускоряя

бѣгѣ свой, окрестѣ себя далеко опустошенныя поля, и долины исчезли. По взлобку горы бѣжали они, пока упомянутый и ослабшій Селекандерѣ началъ говорить.

Селекандерѣ.

О! постой, Агибѣ, ноги мои отказывающіяся далѣе стечь къ спасенію жизни моей, другѣ сердца моего, о! обратишь и посмотри, изчисли печальный нашѣ путь, весь сей длинный путь! Во первыхъ посмотри опять на ту пространную равнину, и тѣ обширныя лѣса, копорые мы давно съ трудомѣ протекли; тѣ круныя косогоры, копорыхѣ опасною спезею мы шли, и наконецѣ навислую сторону сей превысокой горы.

Агибѣ.

Сколь ты ни слабѣ: однакожѣ долженѣ, несчастный, испытывать трудности бѣгства, или гораздо горчайшее злополучіе. Еще бѣгущу миѣ, спрѣляетѣ Ташаринѣ позадь меня; и вопли и мольбы ошягощаютѣ плачевный воздухѣ. Съ сердцемѣ исполненнымѣ ярости, и неся погубель въ своей рукѣ, онѣ пошлетѣ наши жашвы и опустошаетѣ землю нашу. Оныя цитронныя кустарики, куда мы сперва изѣ боязни зашли, должны прелестное украшеніе свое предшавить жару завоешателя. Далекѣ бѣгушѣ, подобно намѣ,

па-

пастухи въ глубокомъ опчаяніи, и оставляютъ волноносныя спада свои въ руки свирѣпѣющихъ.

С е к а н д е р ъ.

Несчастливая спрана, которая сокровища прельщаютъ мечъ, тщетно и неслышимо взываемъ мы къ Персидскому своему Государю! Тщетно молишь ты его, безпомощно, припши тебѣ на помощь, защитишь пастуха и охранишь пастушку! Далеко отъ нея въ безмысленной праздности увеселяется онъ мечтами любви и радости. Погруженна среди прекрасныхъ Султаншъ, въ праздныхъ услажденіяхъ, не возбуждаетъ его никакая война, и никакой страхъ не беспокоитъ его....

А г н ѣ в ъ.

И однакожъ часто сіи зеленые пригорки во время палящаго лѣшняго зноя доспавляли прохладное убѣжище сему Монарху. Сколь прелестенъ для глазъ Цабранскихъ цвѣтущихъ дѣвѣ, сколь тщетно онъ былъ любимъ нѣкогда дѣвицами и пастухами! Теперь не будешь больше рѣзвиться дѣвицы на берегахъ Саргиса, или въ Ирванскихъ тѣнистыхъ лѣсахъ; не дышатъ больше на Тиркискихъ горахъ прохладные воздуха, и сладкіе запахи въ цвѣтущей Алійской долинѣ не заключаются. Прекрасныя зрѣлища, но ахъ! не облечены

больше миромъ, когда покой манилъ и изобиліе ублажало. Теперь не блещутъ больше бѣлые пастушескіе шалаши, не блещутъ больше прелестные плоды благословеннаго года. Не увѣнчивается больше пальмовое древо бѣлоснѣжными цвѣтами! Но погибель распространяетъ теперь окрестъ печальный огонь.

С е к а н д р ъ.

Тщешно хвалятся Черкасіа изобиліемъ лѣсовъ къ строенію годныхъ, которые при томъ всегда славны были по причинѣ чистой и счастливой любви. Тщешно хвалятся она красою своихъ красавицъ; голубыми ихъ помными глазами, и златоподобными волосами! Сіи глаза должны въ слезахъ вспоминать безплодную грусть свою; сіи власы вышерешитъ свирѣлая рука Ташарина!

А г и б ъ.

О! вы, Грузинскіе пастухи, съ состраданіемъ познающіе издали погибель Черкасіа и опустошеніе отъ войны, готовьте себѣ оружіе тяжелѣ своихъ посоховъ, дабы защитить свои жашвы, и оборонить своихъ красавицъ. Турокъ и Ташаринъ имѣютъ равныя намѣренія, они привыкли къ разоренію и суровы въ погубленіи. Дикъ, какъ и земля его, воспитанный въ опеческихъ щеляхъ, прельщаемый пожеланіемъ или

или водимый злобою, выходитъ на разбой подлый Арапъ, и означаетъ часто путь свой кровію и опустошающимъ огнемъ. Но никакой врагъ сполько не жестокъ, какъ Ташаринъ, остервенившійся въ смерти, и воспитанный среди жалкихъ позорищъ.

Изрекъ онъ!... какъ вдругъ въ долину крикъ сталъ слышенъ, громъ, и огонь появился ближе. Устрашенные пастухи, бросились опять росистою ночью въ дальнѣйшій бѣгъ по освѣщаемому мѣсячнымъ свѣтомъ холму.

XXX.

К Л А Д Б И Щ Е.

Елегія Греепа.

Вечерній звонъ (*) возвѣщаетъ уже смертный часъ склоняющагося дня. Ревущіе спада лѣниво бредутъ по полямъ, и земледѣлецъ поспѣшно шествуя по утомляющему пуши въ спокойную жизнь, оставля-
етъ

(*) Колоколъ, въ который со времени Вильгельма побѣдителя обыкновенно по вечерамъ въ 8 часовъ звонятъ, для напоминанія, чщобъ всякъ скрывалъ огонь и гасилъ свѣчи.

етѢ свѣтѢ для непрозрачной темноты и для меня. Теперь блѣднѣетѢ предѢ глазами освѣщенное селеніе, и во всей АтмосферѢ царствуетѢ торжествующая тишина; кромѢ только того мѣста, гдѢ глухозвучащій жукѢ направляетѢ медлительный свой полетѢ и гдѢ томное жужжаніе усыпляетѢ стада; или гдѢ унылая и пасмурная сова изѢ одной плетшемѢ обросшей башни при блѣдномѢ сіяніи луны произноситѢ свои жалобы на мимоходящихѢ близѢ священнаго ея обиталища, и на обезпокоивающихѢ ее въ древнемѢ и уединенномѢ ея царствѢ. ТамѢ, подѢ онымѢ полсшокорымѢ вязомѢ, подѢ тѣнію сей высокой ивы, гдѢ дернѢ въ разныхѢ волновидныхѢ кучахѢ поднимается, покоится въ тѣсныхѢ могилахѢ исплѣвающій прахѢ предковѢ сего селенія, спящихѢ здѣсь вѣки. Прохладный воздухѢ благоуханнаго утра, тихопоющая на соломянной кровлѢ ласпочка, громкозвучающая труба пѣтуха, и окрестѢ опдающійся звонѢ рога, не возбудитѢ ихѢ болѣе изѢ подземныхѢ одровѢ. Для нихѢ больше не будетѢ горѣть пламенѣющій очагѢ, и проворная домостроительница не будетѢ заниматься вечерними заботами. ИхѢ чада не будутѢ больше косноязычно спрашивать возвращенія своего родителя, и не будутѢ ласкаться около него обнимая его колѣни для полученія завиднаго лобызанія. Жатва многократно подвергалась ихѢ серпу, и ихѢ боро-

ны

ны часто раздробляли твердыя бразды земныя. Съ коликою бодростію понуждали они коней своихъ на нивы! Какъ преклонялись лѣса подъ сильными ихъ ударами! Чесполюбіе! не насмѣхайся надъ полезною ихъ работою, надъ низкими ихъ утѣхами, и надъ незнапною ихъ судьбою; да и ты, счастливецъ, не взирай съ насмѣшническою улыбкою на крашкія и простыя мученія бѣдности.

Слава Геральдики, великолѣпіе власти и все то, что красота, все то, что богатство нѣкогда доставляло, ожидающъ одинакимъ образомъ неизбежнаго часа. Спези честей ведущъ только ко гробу. И вы, вы надменные гордостію, не поспавляйте имъ въ порокъ того, когда память не воздвигнула надъ ихъ гробницами никакихъ профеевъ, въ которыхъ по долгимъ ходамъ и высѣченнымъ сводамъ шумящій хоръ возвышаетъ гласы похвалъ. Можетъ ли урна описанная повѣспованіями, или живо изваянный испуканъ воззвать парящій духъ въ свое жилище? Можетъ ли гласъ честей прельсшишь безмолвный прахъ, или ласкательство пронуть оглохшее и оледѣнѣвшее ухо? Можетъ быть на семъ отвращительномъ мѣстѣ погребено сердце, изобильно пламенѣвшее нѣкогда небеснымъ огнемъ, и руки, которыя могли бы править Скипетромъ царства, или могли бы въ живыхъ лирахъ возбуж-

буждать восхищеніе. Но познаніе не опни-
мало никогда отъ глазъ ихъ великой книги,
лишенной хищенія временъ. Хладный не-
достатокъ воздерживалъ благородное ихъ
рвеніе, и отъ него леденѣла волнующаяся рѣ-
ка души ихъ. Многіе драгоцѣнные камни,
исполненные чистѣйшихъ и блистательнѣй-
шихъ лучей, заключающіяся въ нѣдрахъ
мрачныхъ и непроницаемыхъ пещеръ Окіана;
многіе прекрасные цвѣты произрасшая цвѣ-
пущъ никѣмъ невидимы, и изливають свои
пріятности въ просторномъ воздухѣ. Мо-
жетъ быть покоится здѣсь сельской Гам-
федъ, прошивустоявшій неустрашимою грудью
малымъ Тираниамъ, безгласный и непро-
славленный Мильшонъ, славный, но повин-
ный въ крови своего опечесства, Кромвель.
Жребій ихъ воспрещалъ имъ управлять кли-
ками шумящихъ сенаторовъ, презирать угро-
зы болѣзней и гибели, изливать изобиліе
на смѣющееся Государство и судьбу онаго
читая въ глазъ народа. Жребій ихъ не
только заключалъ въ предѣлахъ ихъ добро-
дѣтели, но ограничивалъ и самые ихъ поро-
ки. Онъ воспящалъ имъ кровопролитіемъ
восходить на троны, и заключать предъ
сочеловѣками врага милосердія, сокрывая
борющееся терзаніе истины, свѣдомой толь-
ко одному ихъ сердцу, поташать искру благо-
роднаго стыда, или опягощать олтарь шор-
жественнымъ куреніемъ роскоши и славолубія,

возженный пламенемъ музъ. Простыя ихъ желанія, чужды всякаго раздора подлой черни, научали ихъ никогда не заблуждаться; далеко въ прохладной и уединенной юдоли жизни они шествовали поспоянно по безшумной стезѣ. — Однако, дабы не уклонялся прохожій, не возрѣвъ и на сіи кости, умоляетъ здѣсь неразлучно при нихъ находящійся, поставленной удобосокрушаемый монументъ, украшенный нескладными приемами и неискусными изображеніями, пребуя не великой дани, — глубокаго воздыханія. Ихъ имя, ихъ лѣта, сложенные не ученою музою служатъ вмѣсто славы и элегіи; и муза начертавъ на гробницѣ ихъ нѣкопорый священный стихъ научаетъ сельскаго нравоучителя умирать. Ибо, кто повергнетъ сіе пріятное исполненное скорбію существо въ добычу нѣмага забвенія? Кто оставляя знойные предѣлы веселаго дня не возведетъ на нихъ унылаго и медлительнаго взора. Разлучающаяся душа надѣется на нѣжнѣе и чувствительное сердце, и померкающій глазъ пребуетъ нѣсколькихъ нѣжныхъ слезъ. Даже и изъ самаго гроба взываетъ гласъ природы, даже и въ нашемъ прахѣ не погасаетъ свойственный оной огонь. Ты служащій памятію непроставленныхъ усопшихъ, рассказываешь простую ихъ исторію въ сихъ спрочахъ: если когда либо сродный духъ, сопровождаемый уединеннымъ размышленіемъ, спроситъ о тво-

ей

ей судьбинѣ, по сѣдинами покрытый пастухъ скажетъ такъ: я часто зрѣлъ его, при восхожденіи утренняя зари, скорыми шагами опрыскающего росу, и на возвышенныхъ поляхъ вспрѣчающаго солнце. Тамъ при подшвѣ онаго помагающаго бука, сплетающаго глубоко пресварѣлые свои гордые коренья, онъ бывало успокоивается не имѣя никакихъ желаній, и пристально смотритъ на ручей, вблизи протекающій съ журчаніемъ! близъ онаго малаго лѣса, какъ бы съ презрѣніемъ теперь смѣющагося, онъ бывало ходитъ разговаривая съ прошивоборющимися своими мечтаніями. Иногда бывалъ онъ смущенъ и исполненъ скорбію, подобно оставленному, или раздираемъ заботами, или печаленъ по причинѣ несчастной и безнадёжной любви. Въ одно утро щетно я искалъ его глазами на обыкновенномъ его холмѣ, на пасвѣ и подъ любимымъ его деревомъ; въ другое не было его ни при ручьѣ, ни въ равнинѣ, ниже въ лѣсу. А въ слѣдующее увидѣли мы его несомато посредѣ воспѣвающихъ погребальныя пѣсни, и въ печальномъ провожденіи медлительно по пущи къ церкви. Приди и прочи, умѣющій читать, на камнѣ подъ онымъ пожилымъ шерновымъ кустомъ высѣченную надпись:

Здѣсь въ нѣдрахъ земли покоится глава юноши неизвѣстнаго счастья и славы.

Всякое прекрасное искусство усмѣхалось при его рожденіи, и злодумчивость присвоила его себѣ. Великъ онѣ былѣ въ своихъ благодѣяніяхъ, и имѣлѣ откровенную душу; споль же великую награду послало ему небо: онѣ далѣ бѣдности (все, что ни имѣлѣ:) слезу; небо даровало ему (все то, чего онѣ желалѣ) друга. Болѣе не старайся открывать его заслугѣ, или его слабостей изѣ достопочтеннаго ихѣ жилища: (гдѣ онѣ равнымѣ образомѣ покоишя въ шрепещущей надеждѣ:) изѣ нѣдрѣ его отца и его Бога извлекашѣ не щися.

XXXI.

САМОУБИВСТВО.

Ты намѣреваешься прекратить жизнь свою? Но я хочу прежде знашѣ началѣ ли ты оную? Развѣ ты поставленѣ на землѣ сей ни къ чему непредозначенѣ будучи Творцемѣ? развѣ небеса не наложили на тебя званія для отправленія въ жизни сей? — Ешьяли ты исполнилѣ свою должность прежде вечера, то иди и покойся остальное время. Но посмотримѣ на твою работу. Какой отвѣтъ уготовалѣ ты предѣ всевышнимѣ судією, который пошребуетѣ у тебя отчета о твоемѣ времени. Несчастный! предшавѣ

Часть IV.

М

миѣ

миѢ хопя одного праведника, копорый бы могѢ похвалиться, чшо онѢ довольно жилѢ, дабы научишьсѢ опѢ него какѢ проводить жизнь, чшобы оставить еѢ безболѢзненно.

Ты исчисляешь несчастія челоѡческіѧ и подшверждаешь, чшо жизнь есть зло. Но скажи миѢ можѢ ли ты все проникнуть и долженѢ ли ты смѢшивать сущее по своей природѢ зло съ шѢмѢ, копорое по случаю только шакowymѢ бываетѢ. ДѢяшетьная нравшвенная жизнь имѢетѢ величайшее впечатеніе во все наше бытіе. Жизнь есть зло для злаго счастливца получающаго во всемѢ удачу; но для злополучнаго честнаго челоѡка она есть добро.

Ты скучаешь жизнию и говоришь, что она для тебя зло. — Рано или поздно ты будешь обрадованѢ и скажешь, что жизнь есть добро. Будь увѢренѢ безѢ всѢхѢ дальнихѢ умшвованій, что негодование сіе зависить опѢ одного худаго расположенія души швоеѧ. Исправь шокмо развращенныѧ свои склонности и ты увидишь чшо жизнь есть добро а не зло.

Неговори, что жизнь есть для тебя зло, поелику опѢ тебя одного зависить здѢлать еѢ добромѢ: неговори также чшо тебѢ уже можно умереть; ибо желательноль тебѢ вы-

ГОВО-

говоришь, что тебѣ позволено уже небыть человекомъ, что ты власпенъ отпасть отъ виновника своего бытія и сдѣлать суециымъ свой конецъ.

Симоубійство есть смерть насильственная и постыдная. Она должна почтена быть нагласнѣю учиненною всему роду человеческому. Прежде нежели оставишь оной ты обязанъ отдать должное ему. Но я ничемъ не обязанъ. Я не полезенъ свѣту... О скорый философъ! или ты позабылъ что ни одного шагу неможешь сдѣлать невстрѣтаясь съ должностію и что всякой человекъ полезенъ можетъ быть человечеству и пошому одному что онъ существуетъ.

Безумный! еслили хотя малѣйшее чувство добродѣтели оспалось въ сердцѣ твоёмъ, да научишь оно тебя любить жизнь свою. Всякой разъ какъ скоро покусишься посягнуть на оную, говори самъ съ собою: сдѣлаю я еще хотя одно хорошее дѣло прежде нежели умру. Пошомъ ищи бѣднаго пребующаго вспомошествованія, несчастнаго утѣшенія, угнѣтаемаго защищенія. Еслили сіе размышленіе удержишь тебя сего дни, то оно удержишь тебя и завтре, и чрезъ всю жизнь твою; еслили же оно тебя непрогаешь, то ты точно злый человекъ, и одни пороки твои побуждаютъ тебя посягать на жизнь свою.

 XXXII.

 У Е Д И Н Е Н І Е.

Щасливѣ шомѣ смертный, который довольствуясь дыханіемъ природнаго своего воздуха, ограничиваетъ всѣ свои желанія и попеченія нѣсколькими десятинами земли, доставшейся ему по наслѣдію отъ предковъ. Кого стада свои снабжаютъ молокомъ, поля хлѣбомъ, а овцы и бараны одеждою. Кому деревья во время лѣта служатъ своею тѣнію а зимой нагрѣваютъ хижину. Кпо непричастенъ будучи никакимъ безпокойствамъ, имѣетъ здоровое тѣло, соединенное съ покойною душою и безъ страха взираетъ на скоропреходящія свои лѣта, дни часы и минуты. Блаженъ, говорю, шомъ, кому разсужденіе и наука, соединенныя съ спокойствіемъ и умѣренными трудами, а особливо невинность, доставляютъ во время ночи пріятной и ни чѣмъ непрерываемый сонъ. Ахъ ешьлибъ и я жилъ также ни кѣмъ не знаемъ, ешьлибы умеръ ни кѣмъ не оплакиваемъ и ешьлибъ наконецъ послѣ моей смерти, ни одинъ камень, покрывающій прахъ мой не имѣлъ на себѣ сей гордой надписи: *Здѣсь лежитъ такой то, и проч.*

XXXIII.

С О Н Ъ.

Предъ нѣсколькими днями я легъ спать съ шѣми важными мыслями, какія всегда имѣлъ о выгодахъ суевѣрія, и въ оныхъ наконецъ я заснулъ. Представленія родившіяся во мнѣ при семъ случаѣ, были не что иное, какъ игра воображенія. Превнѣ виды являлись мнѣ во сновидѣніи, и я имѣлъ родъ нѣкотораго видѣнія, которое сообщу теперь моимъ читателямъ.

Показалось мнѣ, что я недолго еще спалъ, какъ былъ мгновенно разбуженъ юношею, котораго прекрасное лице и свѣтлая одежда поражала глаза мои. Я смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и впалъ бы можетъ быть и въ ужасъ, естлибъ не предупредилъ того человѣколюбивый и привлекающій его видъ. Не бояся, говорилъ онъ, я твой Ангелъ Хранитель, вѣдаю твои мысли, занимавшія тебя симъ вечеромъ, и я возбудилъ тебя, для показанія суевѣрія въ истинномъ его образѣ. Слѣдуй за мною и не унывай.

Сіе привѣтствіе произвело во мнѣ тихую радость, вмѣсто того, чтобъ мнѣ сму-

питься. Я всталъ, и мнѣ показалось, какъ будто бы я въ шуге минушу одѣшъ былъ. Но еще болѣе: я нашелся съ нимъ въ прозрачномъ облакѣ, и прежде нежели могъ одуматься, очутился съ нимъ уже на одномъ полѣ.

Весьма густой шуманъ покрывалъ средину онаго, и около его со всѣхъ сторонъ стояло великое множество людей всякаго званія и обоего пола. Глаза мои пошчасъ устремились на сіе позорище, и я почувствовалъ въ себѣ сильное желаніе узнать о томъ гораздо лучше.

Густой шуманъ здѣсь пубою зримый, рекъ вшорично Ангелъ мой хранишель, естъ обиталище Бога суевѣрія, и толпы шѣснящіяся вокругъ его, сунъ его служители и почитатели. Устремилъ только вниманіе свое на ихъ движенія, продолжалъ онъ; по пы узришь всѣ слѣдствія, сопровождающія сего оболъстителя чловѣковъ повергающихся съ величайшею опрометчивостію въ сѣши его, еколь они иногда ни явны.

Сіе увѣдомленіе умножило мое примѣчаніе, и я старался разсмотрѣть сію толпу нѣсколько яснѣе. Я примѣтилъ вскорѣ кучу людей поклонявшихся до земли предъ туманомъ. Широкія шляпы покрывали почти всѣ ихъ

ихъ лица, они смотрѣли въ землю, и великое молчаніе господствовало во всей толпѣ сей. Но не успѣвъ еще я совершенно разсмотреть народъ сей, какъ поднявъ одинъ медлительно свою руку, попомъ голову и въ минушу овладѣло имъ бѣшенство приведшее его въ себя. Въ ономъ хвалился онъ вдохновеніемъ своего Бога, и произнесъ множество темныхъ рѣчей, которыя отъ другихъ принадлежавшихъ къ его роду принимаемы были шѣмъ съ большимъ молчаніемъ и набожностью, чѣмъ менѣе оныя понимали. Въ другомъ мѣстѣ воздвигнуто было позорище блиставшее отъ свѣчей и украшеній. Главныя лица на ономъ были весьма великолѣпно одѣшны, и въ безпрѣшанномъ движеніи. Они призывали вокругъ стоящихъ слѣдовать Богу во мракѣ, котораго посланниками себя именovali, и котораго по ихъ сказкамъ весьма близко знали. Они прославляли дары отъ него полученные, и приказывали своимъ слушателямъ его именемъ покупать ихъ у себя за нѣкоторую цѣну. Сіи дары состояли по большей части въ бумажкахъ и мершвыхъ костяхъ, и хотя предстоящіе великую тягость чувствовали отъ того въ своихъ дѣлахъ, однакожъ отчасу больше покупали по волѣ своего Божества, и въ удовольствіе его служителей, для полученія выгодъ имъ припомъ обѣщанныхъ. Не подалеку отъ сего позорища видѣнь былъ

кровавый ходъ. Я видѣлъ довольное число людей скинувшихъ съ себя все плащье, и терзающихъ себя въ куски желѣзными бичами. Они рвали цѣлыя часши шѣла, и приносили ихъ въ жертву мрачному богу, представляя оному свои услуги съ дикимъ воплемъ. Другая куча людей лежала вокругъ ихъ на земли, и поклонялась симъ святымъ людямъ, копорыя споль были благодарны за сіе почипаніе, что удѣляли имъ нѣскольکو ошъ излишнихъ своихъ достоинствъ. Въ другомъ мѣстѣ сидѣла толпа смотрѣвшая на шуманъ съ воздыханіемъ, страхомъ и шрепешомъ. Она была худо одѣта, и ужасъ ея подобенъ былъ ужасу чувствуемому предъ хиранномъ. Сіи несчастные казалось весьма суешились въ разсужденіи положенія своего, думая, что богъ ихъ былъ оскорбляемъ каждымъ ихъ движеніемъ. Они безпокоили совѣсть свою тысячью ошъ себя выдуманныхъ законовъ, и имѣли между собою нѣкоторый родъ учителей, копорые спарались ошъ часу увеличивать страхъ ихъ, и изображали имъ божесшво ихъ споль жестокимъ и свирѣпымъ, что сіи бѣдняки ежеминутно ждали изъ шумана громоваго удара. Сколь ни сухощавы, шощи и голодни большая часть изъ нихъ казались, споль жирны и шучны были ихъ учителя. Чѣмъ больше они видѣли умножающимся страхъ въ своихъ слушателяхъ, шѣмъ ревностнѣе про-

по-

повѣдывали имъ о мрачномъ оприцаніи отъ свѣта. Сіи поученія столько наполнены были угрозами, что усращенные люди бросали отъ себя все, что еще у нихъ отъ малыхъ пожитковъ оставалось, и сіе все возвѣстившелями гнѣва было собираемо съ набожноспію, Во всей толпѣ сей не видно было ничего, кромѣ трепетанія, и не слышно, кромѣ жалобъ. Одна часть изъ нихъ отказывалась отъ свѣта, другая призывала мрачное Божество мрачнѣйшими словами, но всѣ почитали себя несчастными рабами, а другихъ людей несмысленными и проклятыми. Къ сей шла другая куча занимавшаяся предвѣщаніями, которыя она почитала изліяніемъ, и признакомъ своего божества. Многіе изъ нихъ находились полководцами оныхъ, которые съ великою извѣстностію объясняли вышье сабакъ, полѣсовъ, свистъ вѣтра, и мяуканье кошекъ, чрезъ что Богъ ихъ возвѣщалъ имъ судьбу ихъ. Они находили въ каждомъ случаѣ значеніе; Богъ ихъ то былъ червякомъ, нечаянно говоришь могущимъ, то вздыхающимъ привидѣніемъ, иногда скрыпѣніемъ двери, а часто и шѣпью на стѣнѣ. Въ сей кучѣ я увидѣлъ особливо множество спарухъ, и мнѣ показалось, что одну изъ нихъ я совершенно знаю.

Во время сего внимательнаго примѣчанія на столь различные предметы, увидѣлъ я

я встающій съ востока ясною свѣтѣ. Какъ я въ весьма прозрачномъ своемъ облакѣ далеко видѣлъ, то примѣшилъ въ свѣтѣ семъ различныхъ людей, коихъ однакожъ немогъ порядочно различать. При ихъ приближеніи, Ангелъ мой хранитель оставившій меня по сіе время въ моихъ размышленіяхъ, началъ со мною опяшь говорить.

Воззри, рекъ онъ, на величественное зрѣлище едваль когда представлявшееся человѣкамъ. Пріятная дѣва, во средѣніе намъ грядущая, и являющая въ очакъ своихъ благочестіе и посоянство, есть *вѣра*. Одѣяніе ея несравненной бѣлизны, для изображенія чистоты ея, и златый поясъ, копорымъ препоясано тѣло ея, являетъ неколебимость ея. Она несетъ подъ рукою своею книгу содержащую въ себѣ наставленіе, ведущее человѣковъ къ познанію высочайшаго существа, и въ десницѣ держитъ масляную вѣсѣ, да возвѣспитъ міръ и безмятежіе. Одесную ея шествуетъ *разумъ*, мужественный, привлекательный и миловидный спутникъ. Одежда его лазоревая, да явився его сошествіе съ небеси, и размѣръ въ рукѣ его поучаетъ, что онъ все испытуетъ подробно. Ошуюю ея видна истинна во образѣ жены съ веселыми чертами, и пронизательнымъ взоромъ. Одежда ея подобна свѣту солнечному, и не можетъ бытъ описана;

а въ рукѣ своей содержитъ она листъ съ числами, во знаменіе справедливости ея. Свита ея суть добродѣтели и познанія.

Сіе великолѣпное зрѣлище возбудило во мнѣ радостнѣйшія чувствованія, между тѣмъ какъ сіе соборище приближалось къ различнымъ полпамъ людей и шуману. Едва вѣра съ своими спутниками находилась въ такомъ отдаленіи, что присутствующіе могли выразумѣть ее, какъ возвысила гласъ свой, стольже любезной, сколь и проникающей: „Народы, возгласила она, доколѣ, „пребываетъ вамъ въ заблужденіи и преда- „вашся мрачности? Что держитъ васъ „при безсильномъ божествѣ, престопою вы- „мышленномъ, корыстолюбіемъ и злобою „пишаемомъ, и силою суевѣрія подкрѣплен- „момъ! Высочайшее существо есть свѣтъ, „премудрость и благость. Почто вы ищете „оного въ шуманѣ, и въ своихъ предраз- „судкахъ? Какъ вы хотите обрѣсти его, „вопрошая объ немъ у нихъ? Воззрите „онъ являетъ себя вамъ въ своихъ шво- „реніяхъ, вы можете обозрѣть всемогущее „сство его, его премудрость и любовь въ „великомъ и маломъ? Онъ хочетъ быть „вами знаемъ и почишемъ, и поручилъ „мнѣ и спутникамъ моимъ, вести васъ къ „нему. Слѣдуйте намъ, любезнѣйшіе чело- „вѣки, научитесь отъ насъ, что Богъ, су- „ще-

„щесиво разумное и истинное, потребуеѣ
 „служенія разумнаго и истиннаго. Онѣ не
 „есть властелинѣ дѣлающій благороднѣй-
 „шія шворенія свои неразумными невольни-
 „ками, онѣ зовешѣ васѣ кѣ величайшихѣ
 „подвигамѣ, онѣ хочетѣ, да подражаете
 „ему. Не воображеніе, не самоизбранное
 „служеніе, не рабской страхѣ возбуж-
 „даетѣ его благоволеніе. *Разумѣ* и *истин-*
 „*на* долженствуюшѣ поучаетѣ васѣ, и го-
 „шовите кѣ познанію шого, коего я вамѣ
 „проповѣдую.

При сихѣ послѣднихѣ словахѣ изшла
 молнія изѣ очей *истинны*, проникнувшая
 всю страну. Густая мгла исчезла, и по-
 показала ворону содержащуюся до сихѣ порѣ
 вѣ семѣ мрачномѣ жилищѣ, и удалившуюся
 мгновенно отѣ глазѣ нашихѣ.

Вѣра преславшая на минути вѣщаетѣ,
 хотѣла продолжатѣ, и я готовился уже вни-
 матѣ ей, какѣ вѣшерѣ сильно свирѣпшовав-
 шій вѣ сію ночь мгновенно отворилѣ дверь
 горницы моей. Сей шумѣ пробудилѣ меня,
 и я потерялѣ то сновидѣніе, которое охот-
 но желалѣ бы видѣшѣ предѣ собою далѣе.

XXXIV.

ДЛЯ ДѢТЕЙ

РАЗГОВОРЪ
ОТЦА СЪ СЫНОМЪ

О щедрости

Сынъ Посмотрише, бапюшка, на дворѣ стоишъ слѣпой. Ахъ! какъ онъ мнѣ жалокъ.

Отецъ На! дай ему денежку.

Сынъ. Да съ нимъ еще одинъ кривой.

Отецъ. Такъ вотъ другая денежка.

Сынъ. Ахъ бапюшка! слѣпой ужъ такъ спаръ, что на силу бѣдной паскается.

Отецъ. Такъ прикажи его проводить.

Сынъ. Здѣлайше милость, бапюшка, прибавьте имъ еще. Мнѣ, право, жалко видѣшь двухъ человѣкъ съ однимъ глазомъ.

Отецъ. Коли хочешь, такъ дай имъ изъ своихъ денегъ.

Сынъ. Извольше, — я побѣгу за ними, мнѣ въ нихъ нужды нѣтъ; вы мнѣ жалуете все нужное. На что же эшимъ деньгамъ лежать у меня напрасно.

Отецъ. Говори, мой другъ, разсудительнѣе, смотри на будущее; ты не знаешь еще что съ тобою будетъ.

Сынъ. Какъ это бапюшка?

Отецъ. Не здѣлайся мошомъ.

Сынъ.

Сын. Почему вы такъ думаете?

Отец. Кто такъ мало уважаетъ деньги, тотъ ихъ пренебрегаетъ и дѣлается мотомъ.

Сын. Нѣтъ, нѣтъ, башюшка, я ихъ не пренебрегаю.

Отец. А тыжъ говоришь, что онѣ напрасно у тебя лежатъ.

Сын. Я думаю, что онѣ бесполезны и не приносятъ человѣку никакого удовольствія, если лежатъ по пустому тогда, когда бы можно ими услужить другому и самому воспользоваться; а въ рукахъ слѣпого, я думаю, онѣ не будутъ бесполезны, или не надобны.

Отец. Однакожъ ты не всѣ отдашь?

Сын. Не всѣ, а только два пятака.

Отец. Только?

Сын. Только, башюшка; а это вѣдь не много. Мой учитель сказывалъ мнѣ, что давая что нибудь должно всегда говорить: *мало*, а получая что нибудь: *много*.

Отец. Радуюсь, что ты помнишь такія учителя твоего замѣчанія, они будутъ тебѣ полезны.

Сын. Такъ чтожъ, башюшка, сколько мнѣ дать.

Отец. Два пятака?

Сын. Два. Но послушайте, башюшка, вотъ что говоритъ слѣпой.

Отец. Что?

Сын.

Сын. Говоритъ, что половину всего, что онъ получитъ, долженъ онъ отдашь провожающему своему, который хотѣлъ было его оставить, и онъ принужденъ былъ обѣщаться сверхъ того, прибавлять ему всякую недѣлю по грошу. Башюшка! подрядите криваго, чтобъ онъ провожалъ слѣпаго черезъ цѣлой годъ.

Отец. Ну договорись съ нимъ ты.

Сын. Хорошо извольте, ахъ! башюшка, какъ эшошъ бѣдный будетъ радъ. *уходитъ.*

Отец. Не лзя опнимать отъ дышаши такого благороднаго ушѣшенія, когда бы только его щедрость не имѣла для негоже самаго печальныхъ слѣдствій. Ахъ! какъ скоро нѣжныя сердца умягчаются. — Но онъ довольно спрогъ въ разсужденіи себя, не для чего мнѣ обѣнемъ опчаяваться.

Сын. (Приходитъ съ поспѣшностію) ахъ! бѣдной слѣпой.

Отец. Ну, что?

Сын. Кажется, что онъ двухъ пятаковъ въ жизнь свою никогда вдругъ не получалъ.

Отец. А что?

Сын. Ахъ! сколько онъ благодарилъ! какъ онъ падалъ на колѣни и просилъ Бога, чтобъ онъ воздалъ вамъ и мнѣ за эшу милость! Онъ также молилъ Бога, чтобы онъ даровалъ ему увидѣться съ нами въ будущей жизни, когда онъ въ здѣшнемъ свѣтѣ не

можетъ насъ видѣть. Онъ называлъ насъ великими благодѣтелями. — Я не могу пересказать всего, что онъ и что я при этомъ чувствовалъ.

Отец. Пойдемъ, мой другъ, я съ тобою посмотрю его.

Сын. Пойдемъ - те батюшка, я вамъ его покажу.

Отец. Хорошо, и я вмѣстѣ съ тобою порадуясь.

Сын. Вотъ еще что, батюшка, больше всего меня тронуло: этотъ слѣпой просилъ своего провожаго, чтобъ онъ отъ радости пролилъ слезы хотя однимъ своимъ глазомъ, когда онъ самъ того сдѣлать не можетъ. Я не могъ слышать этого безъ слезъ, и сказалъ ему, что черезъ недѣлю, онъ можетъ еще ко мнѣ прийти.

Отец. И ты тогда еще дашь ему два пятака.

Сын. Нѣтъ, батюшка, позволите дать мнѣ ему столько, за сколько можно ему подрядить криваго своего провожаго.

Отец. (Обнимая его) я доволенъ, сынъ мой, своимъ сострадательнымъ сердцемъ. Я не запрещаю тебѣ наслаждаться симъ благороднѣйшимъ удовольствіемъ. Старайся любовной сынъ, заслужить такое состояніе, въ которомъ бы находясь могъ ты помогая бѣднѣйши продолжать это долговременно.

Сын.

Сын. Такъ, шакъ батюшка. Тогда-шо многіе будутъ радовашься, чшо я живу на свѣшѣ.

Отец. Точно шакъ.

Сын. Прикажете ли, я вамъ скажу, какъ я буду поступашь?

Отец. Охотно эшого послушаю.

Сын. Я хочу столько шрудисься, чшобъ нажить себѣ достатокъ.

Отец. Намѣреніе эшо хорошо.

Сын. Также буду спарашься жить воздержно и умѣренно, не буду ничего издерживашь лишняго, — да и къ чему имѣшь много плашья, или кушанья? Чшо въ шомъ прибыли? Въмѣсто плашья и лишняго кушанья я лучше буду давалъ бѣднымъ людямъ пропитаніе.

Отец. Я въ эшомъ одного съ шобою мнѣнія.

Сын. Когда я буду жить шакъ: шо всѣ эши люди, которымъ я дамъ больше пашака, какъ я умру, соберушся при погребеніи моемъ и шанутъ оплакивалъ меня. Вишь нельзя не сожалѣшь о шакомъ человѣкѣ, который былъ полезенъ въ свѣшѣ, да и Богъ за эшо будетъ больше еще ко мнѣ милосшивѣ, и хошя бы Господь захотѣлъ ишпробивъ всѣхъ немилосердыхъ: шо меня онъ и шогда помилуетъ.

Отец. Обойми меня, любезный сынъ, я не могу не похвалишь швоего намѣренія и

твоей надежды. Не забывай утѣшать сердце свое такимъ благороднымъ удовольствіемъ. Я хвалю тебя, поступай такимъ образомъ и я буду счастливъ тобою, дай Богъ чшобы всѣ отцы имѣли такихъ сыновей!

Сын. О! естли бы всѣ дѣти имѣли такихъ отцовъ!

XXXV.

А Н Е К Д О Т Ы.

I. —

Наказанная наглость.

Изъ примѣровъ справедливой спрогости Карла, Герцога Бургонскаго, историками упоминаемой избрали мы здѣсь казнь, на которую сей Князь осудилъ Ринзольта. Карлъ (по объявленію историковъ) назначилъ Клавдія Ринзольта, нѣмца, градоначальникомъ столичнаго города Гельдера. Ринзольтъ не успѣлъ почти пріѣхать въ свое правленіе, какъ уже спрасшно влюбился въ Зафиру женщину рѣдкой красоты. Онъ употребилъ всѣ способы, чшобы съ нею познакомиться: но она узнавъ о его намѣреніи старалась всячески избѣжать сѣшей ей разспавленныхъ. градоначальникъ видя, что онъ никакъ не успѣетъ, ежели не употребитъ къ шому на-
силія,

силія, велѣлъ взять подѣ караулѣ мужа ея, кошорый былѣ богатый купецѣ, подѣ шѣмѣ видомѣ, что будѣо онѣ имѣлъ сѣ непріятелями Государя переписку, и приказалѣ надѣ нимѣ произвестѣ судѣ. Зафира немедленно побѣжала исходашайствовать ему милость у градоправителя. Но сей жестокой человекѣ ей прямо сказалѣ, что она инако не можешѣ спасти жизнь своего мужа, какѣ развѣ согласишся на его желаніе.

Зафира виѣ себя вбѣгаетѣ вѣ темницу и увѣдомляешѣ своего мужа о предложеніи сдѣланномѣ ей намѣстникомѣ. Мужѣ почитая за сѣмѣ показашѣся робкимѣ при смерти, далѣ знать обидьяками, что она отѣ сего поступка не почтешѣся безчестною вѣ такомѣ дѣлѣ, вѣ кошоромѣ воля ея кѣ тому ни малаго не имѣла участія: но изѣ его отвѣта прямо сказаннаго видно было только желаніе спасти сѣбѣ жизнь. Зафира оставя его побѣжала прямо вѣ домѣ Ринзольша, чтобѣ испроситѣ прощеніе своему мужу. Ринзольшѣ началѣ выхвадаяшѣ ея прелести и ласкашѣ себя надеждою, что онѣ впредѣ будетѣ имѣшѣ сѣ нею свободное обхожденіе. Потомѣ сказалѣ ей сѣ гнуснымѣ восхищеніемѣ, — поди теперь освободи своего мужа изѣ шюрмы: — но не погубвайшѣся однакожѣ, сударыня, промолвилѣ припомѣ сей извергѣ, ежели и предпріиму мѣры для пред-

упрежденія могущаго произойти впредь въ нашихъ свиданіяхъ препятствія. Сіи послѣднія слова предвѣщали Зафирѣ худое состояніе ея мужа. И въ самомъ дѣлѣ она нашла его мершвымъ. Въ отчаяніи, шайнымъ образомъ выѣхала она изъ города, дабы пастъ къ стопамъ Герцога Бургонскаго, которому письмомъ изъяснила она свое несчастіе и безчеловѣчный посшупокъ Ринзольта. Государь тотчасъ потребовалъ къ себѣ намѣстника, который какъ скоро пріѣхалъ, сличенъ былъ съ Зафирою. — Знакома ли тебѣ эта женщина, спросилъ его Герцогъ. — Ринзольтъ пришедъ въ себя отъ перваго своего удивленія, предложилъ Герцогу, что онъ желаетъ жениться на Зафирѣ, и просилъ его, чтобы онъ почелъ сіе предпріятіе за поправленіе его пресшупленія. Герцогъ былъ доволенъ симъ предложеніемъ, велѣлъ тотчасъ сыграть свадьбу, и потомъ сказалъ новому супругу. — Ты въ бракъ сей вступаешь единшвенно спрашась меня, и я не могу прежде быть увѣренъ, что ты будешь любить свою жену, пока ты не укрѣпишь за нею всего своего имѣнія, чтобы она могла имъ владѣть и по смерти швоей. — Ринзольтъ въ угодность Герцогу укрѣпилъ за новою своею супругою все свое имѣніе, когда крѣпость на его имѣніе была отдана Зафирѣ, Герцогъ ей сказалъ: теперь ничего болѣе тебѣ не остается, какъ только

доставшимся тебѣ отъ своего новаго мужа имѣніемъ пользоваться, и потомъ велѣлъ взять Ринзольна подъ стражу, и осудилъ его на смерть.

Переподила Кн. Ек. Г. . . ,

2.

Рудольфъ I

Одинъ богатый Ниринбергской купецъ жаловался нѣкогда Императору Рудольфу, что онъ оставилъ у своего хозяина свой кошелекъ, въ которомъ было сто гульденовъ, и когда хотѣлъ оныя взять обратно, хозяинъ началъ запирашся въ оставленныхъ деньгахъ, пошому что онъ не имѣлъ никакихъ свидѣтельствъ, и хозяинъ, будучи чело-вѣкъ богатый и первый въ городѣ, не могъ быть изобличенъ. Ниринбергскіе предводители были представлены на аудіенцію къ Императору. Онъ узналъ между ими того хозяина, на котораго приносили ему жалобу. Онъ подошедъ къ нему и разсматривая его нарядъ, сказалъ, вы имѣете, очень хорошую шляпу, помѣняемся. Хозяинъ отдалъ потчасъ съ радостію свою шляпу, и взялъ ту, которую носилъ самъ Императоръ. Рудольфъ потчасъ вышедъ изъ залы приказалъ одному мѣщанину, который ему тогда попался на встрѣчу, пойми именемъ хозяина потребовать у жены его кошелекъ, который былъ оставленъ по описанію

нію купца, и показашь ей шляпу для удостовѣренія, что онъ точно онъ него былъ посланъ. Хозяйка по сему знаку отдала мѣщанину оныя деньги, который принесъ къ Императору. Сей Государь возвратился въ залу съ купцомъ, который принесъ ему на него дворянина жалобу. Но послѣдній утверждалъ съ клятвою, что у него не было кошелька. Рудольфъ съ негодованіемъ показавъ ему его отдалъ его купцу и наложилъ на хозяина знашную пеню.

Перепела Кн. Т. Г. . . .

3.

Король судящій какъ отецъ.

Филиппъ V. Король Испанской, желая испребишь множество чинимыхъ злоупотребленій въ разсужденіи законовъ учрежденнаго збора, повелѣлъ находящимся при сей должности забрать почную обо всемъ справку. Сынъ нѣкотораго знашнаго въ Мадридѣ Герцога презрѣвъ сіе послѣднее именное повелѣніе захотѣлъ пригезти нѣсколько коробовъ съ товаромъ не позволивъ надзирашелямъ осмошрѣть оныя. Приславъ употребивъ насиліе для предписаннаго ему повелѣнія, былъ убитъ молодымъ симъ человекомъ, который тотчасъ захваченъ будучи спражею посаженъ въ тюрьму. Король, которому о сей дерзкости донесено было приказалъ позвать къ себѣ отца преступника

ника, рассказалъ ему все происшедшее, не объявляя имени виноватаго. Герцогъ сказалъ, что такое дѣло достойно было казни и необходимо должно было сіе для примѣра сдѣлать. Ты конечно не знаешь виноватаго, сказалъ ему Король, что ежели бы это случилось съ моимъ сыномъ? Хотя бы со мною опвѣчалъ отецъ; я правду сказалъ, и не перемѣню своихъ мыслей. Ну, хорошо, сказалъ ему Филиппъ: ты судилъ, какъ Король, а я буду судить, какъ отецъ. Я прощаю моему сыну, съ тѣмъ уговоромъ, что бѣ сдѣлавъ удовольствіе умершему, и чтобъ виновный поѣхалъ странствовать на нѣскольکو лѣтъ, дабы могъ научиться оказывать впредь больше уваженія къ законамъ.

Перепечень Кн. Вя. Г. . . .

Сіи при анекдота помѣщены здѣсь въ доказательство признательности издашелей за сообщеніе имъ оныхъ ошъ такихъ особъ, коимъ сіи упражненія дѣлаютъ особое предпочтеніе, тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣже видѣшь случается занимающихся симъ знатнаго рода дѣвицъ.

4.

Страницъ.

Солнце возвысилось уже противу небесной колосицы и жаркіе лучи свои выпустило на плодоносную землю. Наполненная

комъ груша и яблоко, коего зеленый цвѣтъ перемѣнялся въ багряный, тягостію своею преклоняли вѣтви. Годъ былъ тогда въ полной своей славѣ и зрѣлости.

Во время блистающаго полудня, когда воздухъ покоился, когда вся наша поднебесность покрыва была лазуревымъ цвѣтомъ: вдругъ съ Окіяна поднялась громада облаковъ въ угрюмомъ видѣ. Она подобилась покрывалу между солнцемъ и нашимъ жилищемъ распростертому. Вскорѣ потомъ буря умножилась и возрасла со всѣхъ сторонъ.

Спранникъ, никѣмъ несопущиваемый и совсѣмъ почти безъ одежды, шествуя по пущи, ведущемъ его къ Аббатству Годвинскому, укрылся подъ вязомъ. Тягчайшія скорби и неизобразимыя спраданія его ослабили; усталость и печаль соединились обременять его; а буря восставала еще сильнѣе, что бы нанести ему новыя мученія въ такой степи, гдѣ не было ни хижинъ, ни домовъ, ни пристанища!

Печальное его состояніе изъясляло тишину его души. Онъ ничего такого не мыслилъ, чтобы происходило не отъ опчаянія; всѣ его желанія, были желанія смерти. „Преданный злосчастію человѣкъ! говорилъ онъ самъ себѣ, „рѣшись обратишь стопы свои къ тѣскому жи-

„лицу, куда всякъ долженъ прійти. Бѣги
 „во гробъ, онъ есть ложе спокойствія, ко-
 „торое тебѣ свойственно; чего ты ожида-
 „ешь въ мірѣ семъ? Въ немъ сердца
 „спольже нечувствительны, какъ земля,
 „которая будетъ угнѣпашъ гробъ твой! Чи-
 „стая любовь и милосердіе дарствуютъ поль-
 „ко между блаженными. Вельможи земные
 „живутъ токмо для себя и для своей за-
 „бавы!,,

Буря умножилась! — облака разруша-
 ются, крупные капли ударяютъ въ дымя-
 щуюся сухую землю, которая со удовольстві-
 емъ ихъ пожираетъ: но вскорѣ ярые вѣтры
 ударяютъ сильно въ мрачные облака и го-
 нятъ токи дождей. Небесная твердь раз-
 дирается, молнія сверкаетъ и воспламе-
 нившіеся туманы, наполняющіе воздухъ,
 превращаются въ горячіе источники.

Послѣ глухаго шума громъ престае-
 ревѣть на единое мгновеніе ока: но вскорѣ,
 возобновившись, усугубляется, съ прескомъ
 разрушается и теряясь въ пространствѣ, ра-
 зитъ мрачные лѣса и раздробляется въ дож-
 дяхъ долго повторяя громкой отзвѣвъ уст-
 рашенному слуху. Вѣтры усиливаютъ свистъ
 свой и деревья, сотворенныя вмѣстѣ съ свѣ-
 томъ, уступаютъ разъяренному Борею; мол-
 нии и громовыя стрѣлы, непрестанно по-

слѣдуютъ другъ за другомъ; а градъ и дождь продолжаются съ свирѣпостію.

Сстранствующій зрѣвшъ Аббаша Годвинскаго монастыря, который жестоко гналъ подъ собою коня по наводненной долині. Епанча его не могла уже ему болѣе быть защитой, и цвѣшъ перевязи его былъ не оплаченъ. Пустынникъ сей, досадуя, укрылся подъ шопъ же вязъ, который служилъ убѣжищемъ сему страннику.

Епанча на немъ была самого шонкаго сукна, обложенная золошымъ голуномъ, застѣгнутая крючками шакогожъ мешалла. Милордъ не постыдился бы носить его сапоговъ снабженныхъ серебряными шпорами; золошо и шелкъ блистали въ приборъ лошади его, и можно было видѣть, что онъ роскошь не составлялъ за грѣхъ.

Почтенный спарецъ! сказалъ ему Странникъ выбившись изъ силъ, — „сжалѣсь надо мной; позвольте мнѣ послѣдовать за вами въ монастырь, дайше мнѣ убѣжище въ преддверіи онаго. Я старъ, я слабъ, я бѣденъ, не имѣю ни дому, ни друзей, ни денегъ. — Мерзавецъ, перестань приносить жалобы, теперь не время говорить о подаяніи. Придверникъ мой не впускаетъ шуеядцевъ и преддверіе монастыря моего бы-

„бываетъ наполнено только такими людьми,
 „которые честнымъ трудомъ достаютъ
 „себѣ пищу. „Такимъ-то образомъ ошвѣш-
 спивовалъ Аббашъ, — и солнце лишь огрѣло зе-
 млю, онъ подстрекнувъ лошадь своими шпо-
 рами, удаляется.

Небеса сѣнова пошмѣли, громъ ревѣтъ,
 и сѣ такимъ же спремленіемъ падаетъ дождь,
 какъ и прежде. Другой монахъ проходитъ,
 но онъ не имѣетъ ни шонкой епанчи, ни зо-
 лошыхъ пешлицъ, одѣтъ былъ чисто,
 но просто. Онъ сходитъ сѣ дороги и идетъ
 укрываться подъ сѣнію погоже вяза.

Почтенный ошецъ, говоритъ ему Спран-
 никъ, сжался надо мной ради І. Х. Онъ
 поискавъ въ карманъ, вынимаетъ серебре-
 ную монету и говоритъ ему. „Возьми мой
 „другъ! Это можѣтъ облегчить скорбь твою.
 „Возьми и епанчу мою, она тебѣ принад-
 „лежитъ, коли ты обнаженъ. Мы приспа-
 „вники нашего Господа и своего ничего не
 „имѣемъ.

„Ахъ! Ошвѣчалъ Спранникъ, благода-
 „ря его, не много Господь имѣетъ такихъ
 „приспавниковъ, которые бы вели, какъ ты,
 „споль вѣрный счетъ тому, что имъ при-
 „ходитъ, — монахъ пошупивъ глаза про-
 должалъ путь свой.

Вы,

Вы, царствующіе въ безконечной сла-
вѣ, даруйте волю тѣмъ, кои имѣютъ мо-
гущество, а могущество тѣмъ, которые
имѣютъ благую волю.

Перецель М: Охулоцъ.

XXXVI.
И Д И Л Л І Я
Дорида.

Дневный свѣтъ пошемиѣлъ; порфиръ, ко-
торый блистаетъ на западѣ, блѣднѣетъ въ
желтой сѣротѣ; луна поднимаетъ серебре-
ные рога, прохладная ночь разсыпаетъ сѣ-
мена дремошы, и напаяетъ сухой міръ. —

Приди, Дорида, приди къ тѣмъ бу-
ковымъ деревьямъ, посѣтимъ шушкую спра-
ну, гдѣ ничто кромѣ себя и меня не дви-
жется; только еще дыханіе влюбленнаго въ-
терка оживляетъ слабое листіе сучьевъ и
помаваетъ для своего удовольствія. Зеле-
ная тѣнь одѣтыхъ листомъ древесъ, кло-
нитъ насъ къ сладкому сну, въ которомъ
духъ самъ себя движетъ: онъ заключаетъ
лешучія мысли въ пріятно спѣсенные пре-
дѣлы и живетъ самимъ собой доволенъ. —
Скажи Дорида, не чувствуешь ли ты въ сво-
емъ сердцѣ нѣжнаго движенія такихъ болѣз-
ней, которыя сладостнѣе всѣхъ утѣхъ? Не
пише

нише ли блистаетъ твой прекрасный взоръ ;
самая кровь твоя не скорбѣ ли бѣжитъ , и
не помнишь ли невинности исполненная твоя
грудь ? — Я знаю что сердце твое спраши-
ваетъ себя , и одно понятіе говоритъ дру-
тому : *что со мной дѣлается ? Что я чув-
ствую ?* Дитя ! ты этого не знаешь , а я его
легко назову ; я чувствую къ тебѣ еще боль-
ше нежели это

Ты смущаешься ; твоя добродѣтель заду-
мывается , прелестная краска щѣломудренной
юности покрываетъ твой стыдливый взглядъ ;
твоя кровь волнуется смѣшеннымъ побужде-
ніемъ , строгая честь отвергаетъ любовь , а
сердце твое ея не отвергаетъ — Дорида !
очисти взоры свои , посмотри только на свою
судьбу , которой ничего недостаетъ кро-
мѣ любви. На что ты хочешь во зло упот-
реблять свое счастье ? Вишь ты однакожъ се-
бя не спасешь ; кто сумѣвается , тотъ ужъ
выбралъ.

Свѣжій цвѣтъ прекраснаго возраста жи-
вляетъ твои пробудившіяся чувства , въ
которыхъ недремлетъ никакое сонное хлад-
нокровіе , уголь очей зажигается огнемъ серд-
ца ; не всегда будешь ты безчувственно шу-
шить , кого все любишь , тотъ легко лю-
бишь. Какъ ? Должна ли любовь тебя спра-
шивать ? стыдомъ покрывается одинъ порокъ ,

а любовь никогда не была его сродственницею; посмотри на своихъ веселыхъ подругъ, ты чувствуешь, что и всѣ онѣ чувствуютъ, твой пожаръ, есть пожаръ природы. — О если бы тебя пронула хотя тѣнь того удовольствія, какое знаютъ два сердца! любовь ведетъ ко ошару; а ты требовала назадъ отъ судьбы самыхъ долгихъ часовъ, когда сердце твое было еще свободно.

Когда прекрасная рѣшился жить для того, кто для нея живетъ, и отказъ съ есть уже одна шушка; когда узнавъ вѣрность пастуха, сама добродѣтель вѣнчаетъ его миртами, и разумъ говоритъ шже, что и сердце; когда нѣжное запрещеніе, пріятное насиліе, любовное воровство, и прелестная борьба упрекаютъ два сердца сладостію; когда смущенный взоръ красавицы, ея плавающий глазъ въ висящихъ слезахъ, что она запрещаетъ, тайно позволяють, когда . . . : однако, царица моя, я умалчиваю о тѣхъ утѣхахъ, которые тебѣ я представляю: что я говорю, то едва ли еще и съ сномъ сравнишься можешь. Вождѣнная болѣзнь! крошкое восхищеніе! какъ можешь языкъ осмѣлился васъ выразить, когда сердце едва васъ объемлетъ? Красавица моя! наслаждайся раннею жизнію, не будь щедра для себя столь прекрасна, не будь столь прекрасна для нашего мученія: любовь не приноситъ съ собою ни горести, ни

ни страха; хладнаго равнодушія скучная дремота, во сто разъ непріятнѣе. Припомъ, чего тебѣ бояться? Пусть другія овладѣютъ только однимъ сердцемъ, тѣмъ, которое пошчасъ, оставляетъ, какъ скоро получишь; а ты пребудешь вѣчно владѣтельницаю душъ, швоя красота оковываетъ тебѣ другихъ умы, а добродѣтель швоя ихъ плѣнитъ.

Избирай только изъ нашего юношества: и швое царство будетъ царство добродѣтели: однако, — естли я смѣю совѣтовать, избири меня. Чшо пользы долго хранишь свое сердце? Ты можешь выбрать сто благородныхъ, но не выберешь ни одного, кошорый бы такъ любилъ, какъ я. Одинъ будешь хвалишься своею прозорливостію, другой будешь сіяшь купленнымъ блескомъ, шопъ разкраситъ свой огонь искусствомъ, каждой будетъ чшо нибудь другое прославлять; а я не предложу тебѣ ничего другаго, кромѣ сердца, кошорое мнѣ небо даровало.

Не вѣрь, любезная дѣвица, никакому вольнодумцу, на языкѣ носишь онъ двойной огонь, а полсердца въ своей груди: онъ любитъ блескъ, онъ тебя обманываетъ, онъ любитъ тебя для шого, чшо все тебя любитъ, и любитъ въ тебѣ свое увеселеніе; а я люблю, какъ и любилъ, прежде нежели уста

уста мои научились воздыхать, и вѣрность въ божбѣ стала искусствомъ: мои взоры обращены только къ тебѣ. Изъ всего, что въ тебѣ почишаюшѣ, я прошу у тебя одной только благосклонности. Мой огонь горитъ не на однихъ устахъ, я не стараюсь тебя обожать, тебя украшаетъ весьма довольно человечество: другой можешь стать будешь жаловаться ученіе, а мой языкъ скажетъ меньше, но сердце чувствуетъ больше. — Чего ты оглядываешься туда и сюда съ такою робостію, и пошупляешь прекрасныя свои очи? Здѣсь нѣтъ ничего чуждаго — красавица моя! могу ли я тебя когда нибудь умягчить? Нѣтъ, хотя твой языкъ молчитъ: однако вздохъ твой говоритъ мнѣ *да!*

XXXVII.

П И С Ь М О

К ъ д р у г у.

Расставшись съ тобой, мой другъ я слезы лью, Твою судьбу виню, виню и часъ мою: Почто она съ тобой жишь вмѣстѣ запрещаешь, Твой другъ веселія прямого не вкушаешь. Въ пріятной тишинѣ межъ сельскихъ всѣхъ (забавъ Я чувствую, что мой переѣхался нравъ;

И той веселости ни искры не осталось,
 Которо при тебѣ въ душѣ моей раждалось;
 Унылость нѣкую я чувствую въ себѣ,
 Къ тебѣ стремится духъ и мысль моя къ тебѣ;
 Съ тобою будучи, коль часто я вѣщала:
 Что сельская жизнь меня плѣняла, восхищала,
 Уединеніе казалось раемъ мнѣ:
 Но, ахъ! мой другъ, то все такъ было, какъ во
 (снѣ.

Хотя спокойствіе повсюду обрѣтаю:
 Но мысленно опсѣлъ ко граду прелетаю,
 Межъ шуму, межъ суетѣ ищу тебя, мой
 (другъ;
 Мнѣ кажется, что твой обеспокоенъ слухъ
 Вѣспями ложными и злобной клеветой,
 Ты жизнь должна вести несходную съ тобою;
 Сіе мучительно, увы! и горько мнѣ.
 Ахъ! для чего со мной въ пріятной тишинѣ
 И въ сельской простотѣ ты дни не раздѣляешь?
 Судьба, не ты меня утѣхи сей лишаешь.
 Но чтобы горести сердечны уменьшашъ,
 И сладость дружества въ разлукѣ намъ вку-
 (шашъ,

Тебѣ всѣ чувствія мои и размышленіе,
 Дѣла, заботы всѣ, печали, утѣшеніе
 Я стану сообщать, да въ душу я твою
 Движенія души и сердца излію.

У Т Р О.

Когда уже взойдетъ Аврора въ небеса
 И освѣтитъ поля, луга, цвѣшны, лѣса,

Часть IV. О По

По рощамъ и кустамъ хоръ пшички воспѣваютьъ,
 Зефиры рѣзвые съ листочками играютъ;
 Оставя тучные и мягкіе луга
 Когда пастухъ спада пригонитъ на берега,
 Пока источникъ водъ ихъ жажду утоляетъ,
 Пастухъ съ паслушками рѣзвась въ свирель
 (играетъ;

Какъ пахарь ушомась свой оставляетъ нлугъ,
 И сномъ и лѣнностью твоей опяченный другъ,
 Едва глаза мои, едва я отверзаю,
 Вокругъ себя лишъ тѣмъ едину осязаю,
 Изъ рукъ Морфеевыхъ спремлюсь убѣгнуть я
 Темницей кажется мнѣ храмина моя:
 Бѣгу въ поля; но зной въ поляхъ меня встрѣ-
 (чаетъ,

Мнѣ мнится вся меня природа уличаетъ,
 Что сонъ меня лишилъ узрѣть ея красы;
 Въ прохладны утренни пріятные часы
 Усталость чувствуя иль паче помножь лѣни,
 Я въ рощу ухожу искать древесной тѣни;
 Вездѣ встрѣчаются природы красоты,
 Кустарники, лужки, прекрасные цвѣты;
 Прелестны бабочки вокругъ цвѣтовъ вѣются,
 Прозрачны струи по камушкамъ лѣются;
 Журчаніе ручья и тихой шумъ ключей
 Унынье сладкое родитъ въ душѣ моей,
 Прелестный голосъ птицъ и легкое парханье
 Приводитъ грудь мою и сердце въ трепетанье;
 Открыта предо мной натуры всей краса.
 О вы пресвѣтлыя и чисты небеса!

Въ восторгѣ вопію, повергнувшись на землю ,
 Все то, что я ни зрю чему я нынѣ внемлю ,
 Приводишь разумъ мой и самый духъ въ во-
 (сторгѣ.

Творецъ вселенной всей , О Ты, великій Богъ !
 Колико ты премудръ и смертнымъ непонятемъ !
 О естли слыишь шебѣ и гласъ мой будетъ вни-
 (шенъ :

Внемли моленіе и приклони швой слухъ ;
 Небесной красоты наполнился мой духъ ;
 Я чувствую но что? сказала я не умѣю ,
 Едва взирать могу , едва дышать я смѣю .
 Другія чувства всѣ и мысли попуша ,
 Миѣ мнишся , въ небеса паритъ моя душа ;
 Божественны тогда я сладости вкушаю :
 Колико милосердѣ къ намъ Богъ ! въ слезахъ
 (вѣщаю ,

Но мы не чувствуемъ всѣхъ милостей его ,
 Не чувствуемъ , увы ! и счастья своего ;
 Для насъ дары свои природа истощаетъ ,
 И кажется она съ пріятностью вѣщаетъ :
 Придите смертные и наслаждайтесь днесь ,
 Для васъ раждаю я все то, что зрите здѣсь ;
 Для васъ всеневный пиръ, для васъ пригото-
 (ляю ,

Зелены по землѣ ковры я разстилаю ;
 Для обонянія раждаю вамъ цвѣты ,
 Для прохладенія деревья и кусты ;
 Подъ тѣнью ихъ листовъ отъ дневна жарка
 (зною ,
 Я вамъ прокладу дамъ и ими васъ укрою ;

Се класы желшыя вѣ поляхъ для васъ цвѣшущъ;
 Вамъ пицу сладкую поля сіи дадутъ;
 Источники, ключи и самы быстры рѣки
 Для васъ съ спремленіемъ текутъ, о человѣки!
 Природа такъ гласитъ: но мы не внимаемъ ей,
 Единой слѣдуемъ развратности своей;
 Не токмо благости ея не разумѣемъ,
 И благодарны бытъ едва ли мы умѣемъ.
 Я думаю, мой другъ, чѣмъ лучше наша часъ;
 Тѣмъ больше почиташъ мы должны вышнюю

(власть,

Ту власть, которая отъ сама перва вѣка:
 Источникъ милостей лѣетъ на человѣка:
 Воззримъ на шварей всѣхъ, на пшичекъ и звѣ-
 (рей,

Сколь много ниже насъ шѣ участію своей;
 Они величества Творца не разумѣютъ;
 Но благодарны бытъ шворцу они умѣютъ.
 Едва свѣтило дня взойдетъ на небеса,
 Услышишь крикъ звѣрей и пшичекъ голоса,
 Которыми восходъ Авроры прославляютъ;
 Древа съ почтеніемъ вершины преклоняютъ,
 Благоуханіе цвѣточки въ воздухъ лѣютъ,
 Зефиры со листковъ вечерню росу пьютъ:
 Все съ солнцемъ оживетъ, все Бога величаютъ;
 Единый человѣкъ сего не примѣчаетъ:
 Порядокъ естества перемѣняетъ онъ
 Въ темницѣ затворясь, отягощенный сномъ;
 Онъ позже всѣхъ шворцу моленіе приноситъ,
 Хотя онъ больше всѣхъ его щедроты носитъ.

Я размышляя шакъ, изъ роши выхожу
 Съ сердечной горестью на поселянъ гляжу;
 Они работою и зноемъ утомлены,
 Присутствіемъ моимъ бывають ободренны.
 Трудясь для себя; но болѣе для насъ,
 Ощдохновенія едва имѣють часъ:

Кровавой потъ они трудясь проливають,
 И пищу нужную для насъ приготавливаютъ
 Для нашей роскоши, для прихоти своей;
 Мы мучимъ не спыдаясь подобныхъ намъ лю-
 (дей;

Съ презрѣніемъ нѣкоимъ на ихъ труды взи-
 (раемъ,

Гордяся лѣнностью, ихъ силы изиураемъ;
 Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
 Равно готовитъ всѣхъ и насъ и ихъ Творецъ.
 Какъ роскошь я мою трудомъ ихъ измѣряю;
 Почтеніе къ нимъ храню, къ себѣ его теряю.
 Не ужъ то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда
 Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вре-
 (да?

Не можетъ быть того! Творецъ сіе исправитъ
 Унизитъ гордость въ насъ, ихъ выше насъ
 (поставитъ.

Узнавши сколь бѣдна предъ нашею ихъ
 (часть

Стараюсь уменьшитъ мою надъ ними власъ;
 Вхожу въ заботы ихъ, о пользѣ ихъ радѣю,
 Люблю какъ братьевъ ихъ, и какъ друзей жа-
 (лѣю.

Не вѣмъ ли братьями законъ великъ намъ
(быть ?

Не вѣхъ ли Богъ великъ равно съ собой любить?
Но гордость сей законъ въ сердцахъ у насъ
(защмила ,

И смертныхъ въ разныя степени раздѣлила.
О гордость ! корень зла и вѣхъ грѣховъ вина,
Причина варварства и рабства ты одна !

О другъ мой , чувствуя вѣкъ тебѣ мой извѣ-
(сны ,

Разсудка моего хотя границы тѣсны ;
Но замѣняетъ то сердечна доброта ,
Ты знаешь для меня вся пышность есть
(мечта ;

Не умствовать хочу , но чувствамъ предаюсь ,
Имъ слѣдуя всегда единыхъ ихъ держуся ;
Они велятъ мнѣ вѣхъ людей съ собой равнять ,
Забывъ степени вѣкъ природы гласъ внимать .
Твоя душа тиха , чувствительна , незлобна !
О есть ли бы моя твоя была подобна !

Моихъ бы поселянъ вѣкъ счастливѣе былъ ...
Но полно размышлять , ужъ полдень насту-
(пилъ ,

XXXVIII.

Особѣ доставившей сіе письмо издатели симъ
свидѣтельствующъ свою чувствительнѣйшую
благодарность.

XXXVIII.

Н Ъ Ч Т О

ГОСПОДА ИЗДАТЕЛИ ПОКОЯЩАГОСЯ
ТРУДОЛЮБЦА !

Вожделѣнное прибытіе великія ИМПЕ-
РАТРИЦЫ Россійскія побудило меня при-
нять нѣсколько капель Иппокренской воды, и
въ честь сего радостнаго дня написать нѣ-
что. . . .

Правда, я опасаюсь, Г. М. не слы-
ше ли силъ моихъ посѣщеніе стихотворческой
горы; но, хотябъ и такъ было, то еще не
совсѣмъ должно спрашиваться низверженія съ
ея крутизны, потому, что многіе, не взирая
на растущій отовсюду колючій тернъ Кри-
птиковъ, бредущъ на нее подобно усерднымъ
Мусульманамъ старающимся посѣпить Мек-
ку: и такъ, я, Г. Издатели, надѣясь на
Ваше снисхожденіе осмѣливаюсь, хотя не чрезъ
большую, но чрезъ просѣлочную дорогу иш-
ти на Парнасѣ.

С Н О В И Д Ъ Н І Е.

Когда Авроринъ блескъ златилъ небесны
(своды,

И пала на праву прозрачная роса,
Заснули смершныя, умолкъ мятежъ природы,
Сквозь облаковъ луна бросала лучъ въ лѣса,

Вечерняя заря отъ сумрака блѣднѣла;
 И Фебова сестра смогрѣлася въ ручьяхъ;
 Въ которыхъ образъ свой среброподобный зрѣла,
 Лобная постуха на Ламмійскихъ горахъ;
 Въ сіи часы Морфей смежилъ мои зѣницы,
 Представивъ мысленнымъ позорище очамъ:

Отъ хладныхъ понтъ водъ, гдѣ полночи
 (возницы

Въ полшарѣ стелящъ мракъ по спогнамъ, горо-
 (дамъ,

Блеснула молнія, по ней эфирны кровы
 Отверзлись, и въ лугахъ пролили лучъ златой,
 Долины облеклись въ прелестный видъ и новый,
 Окрестныя мѣста явили знакъ иной.

Убѣжища свои Сильваны оставляли,
 Тріады въ лугъ текли поспѣшно изъ лѣсовъ,
 Изъ крововъ пастухи сонъ сладкій изгоняли,
 Поя Аспреинъ вѣкъ собирались средь луговъ,
 Орашаи неся плоды драгой Цереры,
 Спѣшили на среду собранія предстать,
 Забывши Вакховъ медъ и Нимфъ среди пе-
 (щеры,

Стремился въ слѣдъ Силей за Паномъ по-
 (спѣшашъ. . .

Симъ зрѣлищемъ мой духъ прекраснымъ на-
 (слаждаясь,

Веселія вины не постигалъ,

И яко на пуши сокрытомъ заблуждаясь,
 Неизъяснимыхъ себя спешей не обрѣталъ:

Но только переходя въ чудесно восхищенье,
 Пѣняся сборищемъ и значностью полей. . . .
 Вдругъ прекратилось пріятно изумленье,
 И истинна сняла завѣсу отъ очей. . . .

Съ превыспреннихъ высотъ полиощна гори-

(зонта,

Гдѣ въ тишинѣ течетъ кристальная Нева,
 Гдѣ рогъ сопренъ ПЕТРОМЪ надменная Фа-

(эпонта,

Виновница всего явилась торжества,
 Въ сопканной изъ даровъ премудрости порфирѣ,
 Разсыпала лучи Минерва въ облакахъ,
 И радостей лѣя обильны шоки въ мирѣ,
 Въ блистаніи торжествъ явилась на лугахъ.
 Во стрѣшеніе ей воспѣло пѣснь священну

Собраіе въ сей часъ,

И слава божествомъ Царицу украшенну
 Веселый по полямъ распространило гласъ.

Правишели дѣсовъ колѣни приклоня,
 Богини предъ лицомъ съ смиреніемъ рекли:

„Питомцевъ ты своихъ щедрошами питаешь,

„Возобновляешь вѣкъъ Темисы на земли.“

Оберегашели овецъ простерши руки,

Вѣщали тако къ ней и сердцемъ и усты:

„Хоть скрыты сущь отъ насъ парящія науки;

„Но блескъ своей и намъ являешь красоты;

„Стреши спада ты насъ Богиня научаешь,

„Росою щедрости отъ зною насъ кропишь,

„Въ долинахъ времена Сатурна восстанавлишь,

„И се плоды твоей премудрости здѣсь зришь.

„Прійми вѣ дарѣ класы, что, орашаи свер-
(шили :

„Прійми, царица, вѣ дарѣ отѣ искреннихъ
(сердецъ,

„Ученія твои здѣсь жашву ознакомили,

„И угощивали созрѣнію конецъ. „

Рекли, и купно всѣ свои соплетши руки,

Воспѣли гимнѣ Минервѣ вѣ честь,

Невинность изѣ полей изгнала мрачность скуки,

Которую родитѣ коварство, злоба, лесть.

Я сладость отѣ сего явленія вкушая,

Дерзнулѣ къ стопамъ Богини пасть.

И прахъ одеждѣ ея съ восторгомъ лобызая,

Исполненну ушѣхъ мнилѣ получитьи часть...

Но сладкій сонѣ исчезъ... по немъ Тишана
(блески,

Открыли день вѣ природѣ всей,

Я воспрянулѣ, и се веселы плески,

Коснулись моихъ ушей.

Крикѣ радостный вѣ Москвѣ народа раздавался,

И чрезѣ себя явилѣ видѣнія вину,

Мой сонѣ на истинну сей часѣ преобращался,

Я зрѣлѣ всходящую полночную весну,

Я зрѣлѣ грядущую Россійскую Палладу;

Зрѣлѣ какѣ сѣдинами украшенна Москва,

Вкушая вѣ сей приходѣ блаженную отраду,

Раждала радости, раждала шоржества...

Приходѣ Монархнии сердечно освящая

И зря безсмертныхъ множество красотѣ,

Я мысленно вѣщалѣ: „Россія днесъ блистая

„Среди Монархини добростѣ,

„Гла-

„ Главу оливою и лавромъ увѣчаниу
 Возноситъ къ небесамъ ,
 „ И слава мудросью Царицу ей избранну
 „ ВЪ Трофеяхъ шествуетъ Богини по слѣдамъ.

В. Простосердоць.

XXXIX.

П И С Ь М О

Господа издатели

Милоспивые Государи !

Читая претью часъ издаваемого вами *Покоющагося Трудюльца*, съ особливимъ удовольствіемъ, свойственнмъ человѣческому самолюбію, нашелъ я, что посланныя отъ меня къ вамъ не большіе отпрыски вами помѣщены въ числѣ прочихъ. Сія здѣланная мнѣ вами честь и пріобщенная при томъ отъ имени вашего благодарность, даю мнѣ чувствовать, что общество сіе хочетъ меня поощрить, чтобъ я усугубленіемъ трудовъ моихъ старался заслужить отъ него къ себѣ благосклонность. Будучи чувствителенъ къ сему вниманію почтеннаго вашего собранія, долгомъ я считалъ, жертвовать ему празднымъ моимъ временемъ; а попому и

пре-

препровождая теперь переводъ мой изъ одной французской книжки: о не достаткахъ находящихся въ обхожденіи между Нѣмцами съ изысканіемъ причинъ, кои производятъ и препятствуютъ имъ прійти въ совершенство. (*) Такого рода разсужденіе показалось мнѣ могущимъ быть, съ которой либо стороны, полезно для нѣкоторыхъ; и въ семъ по видѣ, желая споспѣшествовать однимъ изъ моихъ любезныхъ соотечественниковъ удовольствію, а другихъ пользѣ, переложилъ я его на Россійской языкъ. — При семъ же переводъ прилагаю нѣсколько спрокъ стиховъ. Первые изъ нихъ, какъ по самому содержанію ихъ видно, были плодомъ смущенныхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ; другіе же слѣдствіемъ нынѣшняго воображенія о нихъ, и успокоенныхъ уже чувствованій. — Я счелъ себя обязаннымъ на сей случай послать по крайней мѣрѣ сіе для изъясненія тѣмъ своей благодарности, питая въ душѣ моей къ сему обществу, старающемуся въ своихъ согражданахъ очищать вкусы, вселять омерзеніе къ порокамъ, привязанность къ добродѣтели и попеченіе о самопознаніи, искреннѣйшее почтеніе и желаніе, дабы плоды того въ соотечественникахъ моихъ столькожѣ были

ли

(*) Оное сообщено будетъ впредь.

ли велики, сколько намѣреніе сего общества
достохвально.

Имѣю честь быть съ искреннею предан-
ностію.

Вашимъ,

Милостивые государи мои!

Покорнѣйшимъ слугою

Н. Л.

14 Мая 1785.

Рязань

I.

Слопа отчаяющагося.

Спокойся духъ во мнѣ, печалью опягченной
Спокойся хоть на часъ и мучишься престань;
А ты, владычица души моей спѣсенной,
Унылая печаль, оставь и не ширянь.

На иѣсколько минушъ смягчи свою жестокость,
По мрачнымъ снѣпнямъ спупай въ свой помный
(храмъ,
Съ собою унеси свою ко мнѣ ты спрогость
Въ свободѣ слезы лишь позволь моимъ очамъ.

Поз-

Позволь оплакивать мою несчастну долю
 Кляси рожденья день, кляси себя и свѣтъ,
 Сурову часть свою и горькую неволю
 И въ томъ ошрадъ искашь, когда другихъ
 (ужъ нѣтъ.

- - - Но нѣтъ! лишившись безцѣннаго покою
 Стени моя душа, терзайся, рвись, спрадай;
 Убила, стѣснена опчаяньемъ, поскою,
 Чрезъ виѣшни чувствія ты внутренни являй.

Во виѣшнихъ дѣйствіяхъ являй печаль сердечну
 И внутреннюю боль шѣмъ нѣсколько смягчай,
 Оставъ всѣмъ чувствіямъ жалѣнь, скорбь без-
 (конечну,
 И сими муками сердечны облегчай.

Смягчай ихъ шѣмъ и въ томъ ищи себѣ от-
 (раду - - -

- - - Пускай мои глаза попоки слезъ прольютъ,
 Терзаніемъ моимъ душевнымъ всѣмъ въ награду
 Пусть мучусь я, коль рокъ ко мнѣ поoliko люшъ

- - - Ссыхайшесь уша и члены цепенѣйте
 Вздыхайся грудь моя и сердце въздыхай,
 Спирайшесь вздохи вдругъ, всѣ чувства ка-
 (менѣйте
 И въ слѣдъ за вздохами духъ томный вы-
 (лечай!

Н. Л.

2.

Изображенное чуждство.

Возникла мысль моя и духъ мой ободрился,
 Прошла печаль, и спонъ въ веселье превра-
 (тился,

Прискорбны для меня дни прежни прошекли,
 Пріятные часы ко мнѣ опять пришли,
 Спокойствіе въ душѣ моей возобновилось
 И вмѣсто горести оно въ нее вселилось;
 Чшобъ было въ ней оно всегда соблюдено
 И не былобъ ни чѣмъ во вѣкъ повреждено;
 Цѣши въ душѣ моей, любезна добродѣтель,
 И также, какъ теперь, будь вѣкъ ее владѣтель!
 Ты мнѣ была всегда мила, цѣль дѣлъ моихъ!
 Вѣхъ думъ моихъ предметъ и вся опрада
 (ихъ!

Съ тобой одною жить пріятно и полезно,
 Одна лишь ты даешь спокойствіе любезно;
 Блаженство истинно всѣмъ доставляешь ты,
 И безъ тебя ни въ чемъ нѣтъ въ свѣтѣ
 (красоты.

Вливая въ душу ты тобою упоенну
 Пріятность внутренню, ни съ чемъ не сора-
 (венну,

Даешь познать, что все на свѣтѣ есть мечта.
 Богатство, слава, честь, короны, красота
 Въ сравненіи съ тобой свой ложной блескъ
 (теряютъ,

Въ сравненіи съ тобой онѣ не ослѣпляютъ.

Я силу чувствую всѣхъ прелестей твоихъ!
 Будь вѣкъ правитель дѣлъ и мыслей всѣхъ
 (моихъ).

Испоргнувши мое ты сердце изъ мученья
 И душу возведя изъ бездны огорченья,
 Въ кошоромъ утопавъ, терзался я спеня,
 Вселясь въ душѣ моей, поддерживай меня.
 Отдавшись твоей я помощи священной
 И положи вести свой путь неупомленной
 Вѣкъ по твоимъ стопамъ, теперь въ душѣ
 (своей,

Я чувствую уже лучъ помощи твоей.
 Спокойствіе свои плоды ужъ производитъ
 И нынѣ мнѣ ничто унынья не наводитъ.
 Преграду въ немъ я зрю парящему уму,
 Вселяющую въ душѣ безстрашье ко всему.
 Н. Л.

XL.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Притча.

I.

Сорока нѣкогда въ густомъ лѣсу сидѣла
 И пѣсни громче всѣхъ поющихъ пшичекъ пѣла
 Ученый свѣшъ въ порокъ сорокъ то не ста-
 (вишъ,
 По нотамъ что она рѣчей своихъ не правитъ;
 Но въ томъ ее виинишъ, что въ пѣснь влю-
 (бившись ону
 Мѣшаетъ соловья пріятнѣйшему тону.

Обманутый обманщикъ.

Снеси взялъ деньги пастушокъ
 И съ ними въ городъ поспѣшалъ;
 Какъ шелъ дорогой чрезъ лѣсокъ,
 Разбойникъ на него напалъ,
 Сказалъ: „куда тебѣ тащишь
 „Такую тягость на себѣ,
 „Хочу тебя я облегчить
 „И деньги поприбрать къ себѣ.
 Пастухъ ему на то сказаалъ:
 „Видь эши деньги не мои,
 „Не скажешь видь что воръ ихъ взялъ;
 „Но скажешь, плушни то твои.
 А воръ ему: „миѣ нужды нѣтъ,
 „И ты какъ хочешь объяви.
 — Пастухъ на то ему въ отвѣтъ:
 „Хоть эшу милость ты яви;
 „Я больше средствъ не нахожу
 „Чтобы своихъ я рукъ избылъ:
 „Но только лишь о томъ прошу,
 „Чтобъ ты кафтанъ мой прострѣлилъ,
 „Дабы смѣлѣе мнѣ сказать,
 „Что деньги ты изволилъ взять.
 Разбойникъ взялъ свой пистолетъ
 И оный потчасъ зарядилъ,
 Потомъ три раза на пролетъ
 Кафтану полу онъ пробилъ.
 Пастухъ ему еще сказалъ,

Чтобы спрѣлать онѣ продолжалъ;
 Но горѣ на то : „зарядовѣ нѣшѣ
 „И не чѣмѣ больше мнѣ спрѣлать
 Иаспухѣ сказалъ: „такѣ знай мой свѣшѣ
 „Что денегѣ мнѣ не лѣзя опдашь;
 По семѣ онѣ сѣ посохомѣ напалѣ
 И такѣ ударилѣ по лбу имѣ,
 Что ворѣ спремглавно сѣ ногѣ упалѣ;
 А онѣ сѣ мѣшкомѣ ушелѣ своимѣ.

С. Т.

II.
 Б А С Н Ъ.
Ворона и орлы.

Ворона нѣкогда сѣ другими говорила:
 „На то природа насѣ крылами одарила,
 „Чтобы ихѣ
 „На пользу мы упошребляли,
 „Чтобы мы на нихѣ
 „По воздуху лешали.
 „Такѣ чѣмѣ же лучше насѣ орлы?
 „— За что ихѣ больше почитаютѣ?
 „Не уже ли за то, что высоко лешаютѣ?
 „Паримѣ и мы быспрѣй спрѣлы.
 „Я такѣ - то подымусѣ высоко,
 „Что ваше всѣхѣ воронѣ око
 „Сѣ орломѣ меня не различитѣ.
 Сказавѣ сіе она простила сѣ,
 Взмахнула крыльями, пустилась,
 — Летишѣ. —

Крылами воздухъ хлещетъ ;
 Сама отъ радости трепещетъ ;
 Взвилась превыше облаковъ ,
 И сверху на земли увидѣла орловъ .
 Средь рощи на лугу они добычу бѣли ,
 Узрѣвъ ее въ дали , различно всѣ запѣли :

Одинъ кричитъ :

„ Соколъ лешитъ ;

Другой ворчитъ :

„ Орелъ паритъ .

Но старый шумъ орелъ , знавъ не охотникъ
 (вздоритъ ,
 Сказалъ другимъ орламъ : „ начшо намъ
 (много споритъ

„ Велимъ кому нибудь изъ насъ шуда лешить
 „ И поглядѣть ,
 „ Онъ весь нашъ споръ развяжетъ ;
 „ Какая пища , скажетъ ;
 „ Коль что орелъ , велимъ позвать ,
 „ Чтобъ къ намъ онъ прилетѣлъ добычки
 (поклевать

Орлы ему послушны были
 „ Моложе всѣхъ орла шпиономъ отпустили
 Сей былъ лѣнивъ ,
 Обманчивъ , лживъ ,
 Высоко не взлетѣвши ,
 На кленѣ посидѣвши .
 „ Орелъ што лешитъ , орламъ онъ закричалъ :
 Старѣйшій отвѣчалъ :
 „ Проси его откушать !

Ворона съ радости не знала что начать .

Орлу не спала опивѣчать,
 Пріятно ей то было слушать.
 И прямо вѣ спадо къ нимъ спустясь
 Съ презрѣніемъ на всѣхъ глядѣла;
 Изъ гордоси не поклонясь

Вѣ большое мѣсто прямо сѣла,
 Какъ будтобѣ не было тутъ лучше никого,
 И будтобѣ передъ ней орлы ужѣ ничего;
 Младые всѣ орлы надъ нею хахатали;
 Но старые на то имъ важно бормотали:
 „Не должно ни къ кому презрѣнія казать;
 „И есѣли кто изъ пшицѣ шакѣ горделиво
 (мыслишѣ,

„Себя равной сѣ орлами числишѣ
 „Такѣ лучше наглосѣ наказать.

Лишѣ вымолвили то, вдругѣ смѣхѣ всѣ пе-
 (рервали.

По пруту доброму всѣ взяли.

Еѣ спину ловко наспегали

И выдали такой указѣ:

„Воронамѣ впредѣ лешать высоко запрещаемѣ,

, И симѣ еще мы подшверждаемѣ,

Коль кто обманывать дерзнетѣ орлиный глазѣ,

„Того потчасѣ

„Руками палача

„Жестоко наказать,

„А именно когѣми грача

„Велимѣ на часѣи разшерзать.

С. Т.

III.
О Д А
АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ.

Престаньте гусли звучны
Огромну пѣснь гласить,
Спихи геройски скучны,
Хочу я премѣнить.

Пріятны Росска шрона
Великія дѣла:
Но слава Купидона
Не меньше мнѣ мила;

Хочу я пѣть Венеры
Подвласный шокъ временъ
И какъ своей безъ мѣры
Доридой я плѣненъ.

Престаньте вѣпры спроги
Межъ горъ крутыхъ ревѣть;
Престаньте о пороги
Истоки водъ шумѣть.

Лишь зефиры играйте
Съ правой на единѣ,
И ппички подражайте
Въ согласныхъ пѣсняхъ мнѣ.

Ты ! рощей украшенье,
 Любитель вешнихъ дней,
 Нимфъ сельскихъ утѣшенье,
 Любезный соловей !

Пріятный не огромно
 Вноси ты голосъ свой,
 Припомъ не очень помню
 И не отрывно пой.

Вы птички не крушите
 Днесъ голоса свои
 Но съ нѣжностью свищите
 Подъ гусельки мои,

Доридю пылая,
 Взаимну видя спрасть
 И пѣмъ утѣхъ вкушая
 Не знаю ! что наачать.

О дни ! предорогія,
 Съ чѣмъ васъ могу сравнять ?
 Прошли печали злыя,
 Не буду ужъ спрадать.

Ликуйте доли злачны,
 Пригорки и лѣса,
 Источники прозрачны,
 Зелены дресеса ;

Струи играйше нынѣ
 Вы съ пѣснью моею,
 Въ честь радостной судьбинѣ
 Пой нѣжно соловей.

Алѣе распускайся
 Цвѣтъ милый, розонъ мой
 И тѣмъ уподобляйся
 Румянцу дорогой;

Лиспочки бѣлоснѣжны
 Лилея распускай
 Красы Дориды нѣжны
 Ты тѣмъ изображай!

С. Т.

IV.

И Д И Л Л И Я ,

Сочиненная Декабр. 16 д. 1783 года.

Среди луговъ гуляя
 Спокойный духъ имѣлъ
 И чувства улаждая
 Грустишь я не умѣлъ.

Въ послѣдній разъ прельщася
Красой долины сей,
Въ послѣдній ушѣшался
Я вольностью своей.

Въ послѣдній разъ ушѣхи
Я мѣстѣ драгихъ считалъ,
Въ послѣдній безъ помѣхи
Среди луговъ я спалъ.

Севодни лишь настала
Румяная заря
И съ солнцемъ возсіяла
Долины озаря;

Я потчасъ пробудился
И взявши посохъ свой,
Къ ручью я шоронился,
Не зная печали злой.

Лишь только приближался
Къ попоку я сему,
Всего милѣй казался
Онъ взору моему:

Роса кругомъ блистала
Отъ солнца на берегахъ
И цвѣтъ перемѣняла
Нечувственно въ очахъ.

Испочникъ извивался
 Межъ аленькихъ цвѣтовъ,
 Я духомъ восхищался
 Не зная любви оковъ.

Въ близи между древами
 Паспушка шутъ была,
 Пріятными словами
 Къ себѣ меня звала.

Она мнѣ говорила
 Въ смященіи своемъ:
 „Теперя я поила
 „Овецъ въ попокѣ семъ.

„Одна изъ нихъ опшала,
 „Не знаю гдѣ искашь,
 „Вездѣ ужъ я искала,
 „Теперь мнѣ что начашъ?,,

Тогда то я плѣнился
 Красой паспушки сей
 И потчасъ шоронился
 Сыскашь овечку ей.

Межъ частыми кустами
 Овечку я узрѣлъ,
 И взявъ ее руками
 Тогдажъ къ паспушкѣ свелъ.

Она мнѣ поклонилась
 Тутъ въ радостяхъ своихъ,
 И потчасъ удалилась
 Отъ мѣстъ прекрасныхъ сихъ.

Я въ горести остался
 Плънясь пасушкой сей
 И въ сукъ возвращался
 Я къ паствѣ ужъ своей.

Потомъ пришедъ въ долину
 Я долго размышлялъ
 Несчастную судьбину
 Свою я проклиналъ.

Теперь не ушѣшаетъ
 Меня и соловей,
 Печаль мою вѣщаетъ
 Мнѣ шумомъ потъ ручей.

Я всѣо пренебрегаю,
 Любовію горю
 И тамо ожидаю
 Когда ее узрю.

С. Т.

V.

М А Д Р И Г А Л Ы.

1.

Лекарство отъ подозрѣнія.

Кто? Я, ты думаешь, тебя подозрѣваю?
 Съ соперникомъ моимъ видайся день и ночь,
 Вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ, я самъ то позволяю,
 Ты видишь сколько я подозрѣвать охочъ.
 Тужить не стану, пусть вѣ его все будетъ воля,
 Онъ не получитъ ужъ передо мною болѣ.

2.

Венера.

Когда бы изъ огня Венера ты родилась,
 Тогдабъ недивенъ былъ швой пламень для меня;
 А то изъ пѣны ты морской на свѣтѣ явилась,
 Имѣя силы всѣ и дѣйствія огня:
 И пламя ты родишь и сердце распаляешь
 И власи всѣхъ своей живошнихъ покаряешь.
 Любители! чѣмъ вамъ лзя уполить свой жаръ,
 Когда ужъ и вода родитъ такой пожаръ?

3.

Добродѣтели.

Сколь много шаковыхъ всякъ мудрецовъ ви-
 (далъ,
 Что добродѣтели сплетаютъ шмы похвалъ?
 Пре-

Прелестною ее языкъ ихъ называетъ
 И первымъ на землѣ блаженствомъ поставля-
 (етъ :
 Но сколько таковыхъ найдется въ насъ людей ,
 Кошорыбъ въ дѣйствіяхъ не прошивлялись ей ?
 Едва ли сыщется ихъ столько въ цѣломъ свѣтѣ ,
 Колико у него Лукрецій на примѣтѣ!

VI.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Бѣднякопу.

Любезный *Бѣднякопъ*! коль ты теперь убогъ,
 Убогимъ быть тебѣ навѣки остается,
 Не ужъ ты еще узнать того не могъ,
 Что только богачамъ богатство достается?

2.

Къ Прелестѣ.

Не знаешь моего желанья справедлива
Прелеста, ежли ты такъ мыслишь о себѣ,
 Что большей красоты желаю я тебѣ;
 — Будь меньше хороша, но... болѣе спыдлива.

3.

Денежный аргументъ.

На что свидѣтельство коль деньги есть въ
 (карманѣ ?
 Противники у насъ останутся въ обманѣ;
 Не

Не риторъ шотъ, въ судъ кто знаетъ гово-
 (ришь:
 Но шотъ, кто всѣхъ судей имѣетъ чѣмъ
 (дарить.

4.

Замужство.

Алана днемъ кричитъ, когда въ досадѣ
 (рвешся,
 „Замужства ничего не сыщешь хуже свѣшъ:
 Но ночью послѣ ссоръ Алана признается,
 Что въ свѣшъ ничего его пріятнѣй нѣшъ.

5.

Злословина теперь предъ зеркаломъ сидитъ:
 Пусть шолько языкомъ она насъ не вредитъ.

6.

Къ Лезбіѣ.

Какъ консуломъ былъ Брушъ, въ то время
 (ты родилась,
 Сама ты Лезбія клялась мнѣ и божилась.
 Нѣшъ, — мать тебя еще при Нумѣ родила:
 — Ахъ нѣшъ, ты и тогда старухою была,
 Гораздо больше лѣшъ являюшъ мнѣ сѣдины,
 — Знашь Прометеемъ ты сотворена изъ глины.

VII. ЭПИТАФИИ.

I.

Герою.

Въ семѣ гробѣ положенъ преславна мужа
 (прахъ,
 Который на враговъ и смерть металъ и страхъ,
 Исполненъ храбрости, премудрости и вѣры,
 Изящные являлъ отечеству примѣры
 Для подражанія отечества сынамъ!
 — Но имя лишь одно сей мужъ оставилъ
 (намъ,
 Чья жизнь усердныя всѣ души веселила,
 Того жестока смерть на вѣкъ во гробѣ все-
 (лила.

2.

Боярину.

Великой господинъ лежишь въ гробницѣ сей,
 Который верстѣ сѣмѣ пашь земли имѣлъ во
 (власти;
 Но удовольствовашъ сребролюбивой спрасси,
 Довольно не было ему вселенной всей.

Владѣнья оны свои распространять старался,
 Сосѣдей отнималъ оны смѣжныя поля,
 Крушился, естли зрѣлъ, что не его земля,
 Съ досады, что не могъ всею овладѣть,
 (скончался.
 Ко-

Когдажъ казался бытъ ему сей тѣсенъ
 (сѣвнѣ :
 То сколько онъ шеперь въ томъ мѣрѣ сует-
 (нишся,
 Что въ тѣсномъ гробѣ семъ всѣмъ тѣломъ
 (могъ вмѣстипися,
 Когда онъ мнилъ, ему и въ небѣ мѣста нѣтъ?

3.

Нопому Цицерону.

Вшораго Туллія сей камень покрываетъ,
 Потомство коего и нынѣ прославляетъ,
 Во всякомъ мѣстѣ словъ рѣка текла изъ устъ,
 Когда онъ говорилъ, въ то время всѣ мол-
 (чали;
 Кривлялись, морщились, коверькались, зѣвали.
 Весь умъ былъ въ языкѣ, — а мозгъ его
 (былъ пустъ.

4.

Любителю вина.

Любителя вина на гробъ возери, прохожій,
 Онъ былъ на соннаго и въ жизни сей похожій
 Во всю онъ жизнь желалъ вкушать покой-
 (ство сна,
 И для того сушилъ съ виномъ спаканъ до
 (дна:
 Но ешлы сонъ его когда перерывался,
 Опяшь шянулъ вино, сномъ крѣпкимъ наслаж-
 (дался;
 Те-

Теперь онъ получилъ, чего всегда хотѣлъ,
 Чтожъ? Малоль сдѣлалъ онъ полезныхъ свѣ-
 (шу дѣлѣ?)

5.

Прохожій!... посмотри на камень сей стѣны
 Что ты, и я то былъ; ты будешь то, что я!

VIII.

ЗАГАДКИ.

1.

Читатель изъ земли всегда я восхожу,
 И всѣмъ на свѣшѣ я одеждою служу.

2. *Левъ и хл. дум.*

Не думаюшъ о томъ, какъ жить я на-
 (чинаю,

Когда раждаюсь я, тогда и умираю,
 И томъ, который мнѣ послѣдуетъ всегда,
 Безъ шума спрашнаго не ходишъ никогда,

3. *Молитва*

Чрезмѣру я тяжелъ, рогами не убогъ,
 На брюхѣ ползаю и не имѣю ногъ;
 А иногда бѣгу и въпра я скорѣй,
 Перебѣгаю въ мигъ я области морей.

4. *Корабль*

Не живши жизнь другимъ дарю,
 Любимцемъ я у всѣхъ бываю,

Любовь

Любовь изъ нелюбви творю
 И часто нравы развращаю,
 Полезенъ мудрымъ я, довольствую глупцовъ
 И тѣбѣ не щерплю, бываю все таковъ.

Петръ Молчановъ.

XLI.

О РАЗЛИЧНЫХЪ РОДАХЪ ЛЮДЕЙ.

Всего удивительнѣе показаться намъ должно явное различіе людей, населяющихъ чешыре извѣстныя части нашего шара, и одинъ развѣ слѣпой будешь сумнѣваться, чшобъ бѣлые наши Европейцы, Арапы, Лапонцы, Кишайцы, Американцы не были совсѣмъ различнаго другъ отъ друга рода.

Всякой ученый путешествовавшій продолжая чрезъ Лейденъ, видѣлъ безъ сомнѣнія часть *кожной сѣточки* (reticuli tunicæ) Арапа анатомированного славнымъ Рюишемъ. Оспальная часть сей перепонки хранился у насъ между рѣдкостями въ Петербургской Кунштъ — Камерѣ. Кожица сія вся черная, и она-то сообщаетъ всему ихъ шѣлу ту черноту, которой ничто истребить не можешь, кромѣ шѣхъ болѣзней, кои могушъ разорвать сію сѣть, или соленіе маленькихъ жилокъ; и такимъ образомъ жиръ выступивъ изъ своихъ сосудовъ разливается и дѣлаетъ подъ кожей бѣлая пашня, отъ чего и видимъ мы ее бѣлою.

Круглые ихъ глаза, плоской носъ, полъ-
стныя губы, опличныя опъ нашихъ уши;
ихъ волосы, или лучше сказать головная
ихъ щетина, и даже самая степень ихъ поня-
тїя полагаешъ между ними и прочихъ ро-
довъ людьми великое различіе.

Для показанїя сего довольно бы было,
если бы намъ извѣсны были одни толь-
ко Албицы, малолюдный и малорослый на-
родъ, обитающій въ срединѣ Африки. Сла-
бость ихъ силъ не позволяешъ имъ оспа-
ривать пещеры, въ копорыхъ они живутъ,
какъ бы въ заперши; однако Негры иногда
ихъ ловяшъ и Европейцы покупаюшъ ихъ
для рѣдкости. Я видѣлъ двухъ, и тысяча
другихъ Европейцовъ ихъ видали. Нѣкопо-
рые думаютъ, что это Арабскіе карлы,
копорыхъ кожа сдѣлалась бѣлою опъ про-
казы: но это столь же странно, какъ
бы сказать, что и Арапы были бѣлы
и почернѣли опъ проказыжъ. Албинецъ
не больше походишъ на Гвинейскаго Арапа,
какъ Англичанинъ на Испанца. Бѣлизна
ихъ тѣла оплична опъ нашей. Въ нихъ
нѣтъ никакой краски, или румянца, ниже
синеты; но они бѣлы, или лучше сказать,
блѣдны, какъ бѣлый воскъ; волосы ихъ и
брови такъ мягки и нѣжны, какъ самый
тонкой шолкъ; глаза ихъ совсѣмъ не похо-
дятъ на глаза другихъ людей, но имѣютъ
великое сходство съ куропащкы ыми. Сна-
момъ

номъ похожи они на Лапонцовъ, но голову и съ какимъ народомъ не сходны; ибо у нихъ другіе волосы, другіе глаза, другія уши; и самая ихъ способность мысли и мысли свои изъяснятъ далеко опшенишь отъ прочихъ извѣстныхъ народовъ.

Кафрамъ дала природа въ опшиченіе покровъ, или какъ бы заповѣ. У всѣхъ ихъ отъ самаго пупа до половины бедръ опшвисла тонкая и мягкая кожа, которая служилъ имъ природнымъ заповѣмъ.

Самоѣды наши также народъ отъ другихъ довольно опшичный; женщины ихъ примѣчательны особливо тѣмъ, что онѣ имѣютъ черныя груди.

Американцы опшичаются отъ насъ тѣмъ, что у нихъ не растутъ бороды. Всѣ таковыя опшиченности не могутъ не заставить насъ думать, что и тѣ и другіе суть люди различнаго съ нами рода.

Впрочемъ естли вопрошати откуда Американцы? То должно также спрашивать: откуда народы живущіе въ полярныхъ кругахъ? Мы находимъ людей и звѣрей по всей землѣ; но кто ихъ населилъ? — Опшвѣстствуемъ мы: тошъ, который произрастилъ полевые травы и деревья; и шакъ встрѣчая въ Америкѣ людей, должны мы сколько удивляться, какъ и находимъ мухъ, или какихъ звѣрей.

Думать, что Американцы не происходят, вмѣстѣ съ прочими народами, отъ одного корня, мы не имѣемъ довольной причины. На чертежахъ древняго міра мы находимъ и понынѣ Америку въ древнихъ Атлантическихъ островахъ. Острова зеленого мыса видны тамъ подъ именемъ Гортадскихъ; Караибы подъ именемъ Гесперидскихъ. Все сіе однакожъ основывается на древнемъ открытіи Канарскихъ острововъ, которые, вѣроятно, тоже что и Мадера, куда Финикияне и Картегенцы путешествовали; острова сіи почти касаются Африки и въ древнія времена, можетъ быть, они и еще меньше удалены были отъ оной.

Славный Езуитъ Лафито думаетъ, что Караибы вышли изъ Каріи, утверждаясь какъ на сходствѣ обоихъ именъ, такъ и на сходствѣ ихъ нравовъ, примѣчаемомъ и въ самомъ томъ, что у Караибовъ, равно какъ и у Каріянъ, жены служатъ вмѣстѣ слугъ. Онъ думаетъ также, что Караибы рождаются красными, а Негры черными отъ введеннаго предками ихъ употребленія раскрашивать себя красными и черными красками.

Можетъ быть случилось, говоритъ онъ, что жены Негровъ, видя мужей своихъ намазанныхъ черною краскою, какою они обыкновенно чернились, столь сильно впечатлѣ-

ли сіе въ своемъ воображеніи, что сіе возѣимѣло вліяніе на ихъ племя и спало бытъ навсѣгда. Тоже самое могло случиться и съ Караибскими женщинами, которыя по той же силѣ распаленнаго воображенія начали рождасть дѣтей красныхъ.

Америка вообще малолюдна. Сему причиною: первое множество болѣзней; дѣлающихъ воздухъ не здоровымъ; второе, что земля произращаетъ шамъ, чрезвычайное множество ядовитыхъ растѣній, и спрѣлы обмоченныя въ сокъ сихъ заразительныхъ травъ дѣлаютъ всегда раны смертельными. Наконецъ природа даровала Американцамъ гораздо меньшую склонность къ трудолюбію, нежели народамъ прочихъ частей свѣта. Всѣ сіи причины, вмѣстѣ взятыя, ясно даютъ видѣть: сколько то можетъ вредить размноженію народа.

Но между всѣми Физическими наблюденіями опличности жителей сего новаго свѣта, можетъ бытъ самое примѣчательнѣйшее есть то, что одинъ только народъ между Американцами, именно живущій въ Эскимо, имѣетъ бороды. Сія страна лежитъ на сѣверѣ подъ 52 градусомъ, гдѣ спужа гораздо провизительнѣе, нежели какова подъ 66 градусомъ на нашей половинѣ земнаго шара, какъ на примѣръ въ Архангельскѣ. Смежныя съ сею областію Американцы, также какъ и всѣ прочіе, бо-

родѣ не имѣютъ, и вотъ самые сосѣди
различнаго между собою рода!

Еѣ Америкѣ сколько и самые звѣри отличны отъ нашихъ, нѣтъ нужды намъ рассказывать. Львы Американскіе хилы и робки; бараны напрошивъ того велики и столь сильны, что служатъ вмѣсто воловъ къ понесенію тяжестей. Рѣки ихъ по крайней мѣрѣ въ десятеро шире нашихъ. На послѣдокъ произрастѣнія ихъ совсѣмъ не тѣ, какія у насъ, какъ - то уже извѣстно. И такъ все различно, и тоже провидѣніе, которое произвело слона, единорога и Араповъ, въ другомъ свѣтѣ населило дикихъ козъ, свиней имѣющихъ пупъ на спинѣ и людей совсѣмъ отличныхъ отъ насъ свойствъ. Подлѣ Панамскаго залива обитаютъ такъ называемые Дарійцы, почти подобные Албицамъ. Они также убѣгаютъ свѣта и живутъ въ пещерахъ. Народъ сей слабъ, малосиленъ, а пошому и малолюднѣ.

Нѣкоторые ученые думаютъ, что многіе роды животныхъ и людей перевелись. Албицы столь малолюдны, слабы и столько угнѣжены отъ Негровъ, что надлежитъ опасаться, чтобъ и сей отличный родъ людей въ скорости не истребился. —

При заключеніи сего скажу я еще, что почти всѣ народы, особливо Азіатскіе, считаютъ великое множество вѣковъ въ своемъ лѣточисленіи. Столь согласныя мысли такого

ного множества должны бы по крайней мѣрѣ за-
ставили насъ изслѣдовать: справедливы ли сѣ
ихъ мнѣнія, или хотя уже вѣроятны ли?

Для собранія народа въ одно общество,
для приведенія оного въ силу, для приуче-
нія его къ войнѣ, и для наученія, нужно
чрезвычайное множество вѣковъ. Сколько
прошло столѣтій отъ начала свѣта и мо-
жетъ быть отъ начала Американцевъ:
однакожъ по открытіи Америки не нашли
ни одного народа, у котораго хотя бы изо-
брѣшены были какія нибудь буквы, или
писмена: что мы скажемъ о нашихъ Ла-
понцахъ, сѣверныхъ Сибирякахъ, Само-
ѣдахъ и Камчадалахъ? Они столькоже ма-
ло успѣли, какъ и Американцы, или еще и
меньше. Большая часть Негровъ и Кафровъ
погружены въ такомъ же невѣжествѣ.

XLII.

О МІРѢ, ЕГО НАЧАЛѢ И ДРЕВНОСТИ ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Мнѣнія древнихъ о концѣ міра.

Неоспоримая то истинна, что то, что не
имѣло начала, должно не имѣть и конца; и
напротивъ того что воспріяло начало, дол-
жно нѣкогда кончить свое бытіе (1). Та-

Р 4

кимъ

(1) *Quae est commentatio non dissolubilis; aut quid
est, cujus principium aliquod sit, non sit extremum?*
Cic. De Nat. Deor. Lib. 1.

кимъ образомъ по мнѣнію шѣхъ, которые міръ почитали безначальнымъ, и шѣхъ, кои приписывали ему начало, получаемъ мы вмѣстѣ два противныя понятія. Слѣдуя первымъ познаемъ мы, что міръ долженъ пребывать во всей вѣчности; а послѣдніе сказывающъ намъ, что продолженіе пребыванія его должно неминуемо имѣть свой предѣлъ. Сверхъ сего, говоря о Стоикахъ и о прочихъ утверждавшихъ систему Періодическаго года, должно непремѣнно мнѣнія ихъ о началѣ міра и о его концѣ соединить вмѣстѣ; также изъясняя систему Атомистовъ, мы не должны раздѣлять отъ мнѣній ихъ, о началѣ вселенныя, ихъ заключенія о произведеніи и разрушеніи безчисленнаго множества міровъ, которое они допускали. Къ тому жъ, какъ мы о сей матеріи говорили только вообще: то не бесполезно будетъ войти въ подробность и обстоятельнѣе разсмотрѣть, какія мысли имѣли предки наши о міропребываніи и концѣ его.

Тѣ, которые міръ почитали вѣчнымъ, убѣждены будучи въ томъ, что то, что всегда было, должно необходимо всегда и пребывать, утверждали, что онъ вѣчно будетъ въ такомъ состояніи, въ какомъ теперь, не ослабѣвая и не претерпѣвая ни поврежденія, ни перемѣны; по крайней мѣрѣ относительно къ его цѣлому и главнѣйшимъ его

его частямъ (2). Мы здѣсь говорить будемъ о тѣхъ только, которые полагали міръ начавшимся; ибо они только принимали, что онъ и конецъ имѣть будетъ. — А чтобы найши у древнихъ о семъ что либо положительное, надлежитъ прямо начать съ Греческихъ философовъ. Правда, что Манетонъ и Иероклъ сказываютъ, что и Египтяне почитали міръ тлѣннымъ (3): Страбонъ говоритъ тоже о гимнософистахъ (4); но Греки первые изъяснялись о сей матеріи ясно и рѣшительно; и тѣ изъ нихъ, которые полагали, что міръ получилъ начало, также рѣшительно утверждали, что онъ нѣкогда получитъ и конецъ (5). По мнѣнію Атомистовъ причина его разрушенія должна произойти отъ того, что Атомы разторгнувшись и раздѣлясь, возвращаясь въ прежнее смѣшен-

Р 5

ное

(2) Смояри въ III. части спранию 245. N. 1. и спраницы 245, 245. 247. 248.

(3) Диогенъ Лаэртій также приписываетъ имъ сіе мнѣніе in Prooem. сими словами, *Aegyptiorum huiusmodi philosophiam esse prodidere . . . mundum genitum corruptionique obnoxium.*

(4) Περί πολλῶν δὲ τοῖς Ἑλλησιν ἁμодоξεῖν (τὰς Βραχμῶνας) ὅτι γὰρ γενητός ὁ κόσμος, καὶ Φθαρτός λέγεται καὶ αἰεὶ νέεσθαι. Страбонъ. книг. 15.

(5) Сіе мнѣніе Диогенъ Лаэртій приписываетъ Стоикамъ, говоря: *Placet autem eis & corruptibilem esse mundum. In Zenon.*

ное свое движеніе и дадутъ мѣсто разрушенію всѣхъ вещей, которыя они произвели чрезъ сцѣпленіе между собою. Вотъ что говоришь о семъ Меммію Лукрецій, слѣдую Эпикурову мнѣнію: „въ началѣ ты видишь, „небо и землю и море, проякую ихъ при- „роду, при тѣла, *Меммій*, при рода „споль различные и при различные ихъ ви- „да; единый день разрушитъ все, и чрезъ „споль многіе годы держащійся составъ міра „рушится (6).

Какъ такое всеобщее преобращеніе сея машины производитъ въ насъ поражающую и ужасающую воображеніе мысль; и какъ оно даетъ стихотворцамъ матерію къ изображенію сего, когда случай къ тому способствуетъ, съ успѣхомъ: то и неудивительно, что Сенека и Луканъ такое разрушеніе все-ленной описывали такимъ образомъ, что ихъ описаніе удобно вдохнутъ страхъ и ужасъ. Вотъ слова перваго: „по разрушеніи вѣчныхъ „законовъ, говоритъ онъ (7), когда наступитъ „

(6) *Principio maria ac terras coelumque tueri,
Horum naturam triplicem, tria corpora, Memmi,
Tres species tam dissimiles, tria talia texta.
Una dies dabit exitio, multosque per annos
Sustentata, ruet moles & machina mundi.*

De rer. nat. Lib. 5.

(7) *Iam jam legibus obrutis
Mundo cum veniet dies,*

„питѣ кончина міру; сѣверный полюсъ разру-
 „шитѣ все, что есть въ Ливійской стра-
 „нѣ и подавитѣ, что заключаетѣ обшир-
 „ный Гарамасѣ; обрушится южный полюсъ
 „на обиташелей сѣвера и устрашенный полю-
 „сомѣ Титанѣ изгонитѣ потерянный день.
 „Падающій чертогѣ небесный совлечетѣ съ
 „собою Востокѣ и Западѣ, и всѣхѣ равно
 „боговѣ потребитѣ нѣкая смерть и Хаосѣ;
 „смерть составитѣ въ себѣ новый жребій
 „всѣхѣ существѣ. Что будетѣ тогда міръ? „
 Луканѣ изъясняется о семѣ съ равною сему
 силою и живостію. „Когда, разорвавѣ союзѣ,
 „ГОВО-

*Australis polus obruet
 Quidquid per Libyam jacet,
 Et sparsus Garamas tenet;
 Arctous polus obruet
 Quidquid subjacet axibus,
 Et siccus Boreas ferit.
 Amissum trepidus polo
 Titan excutiet diem:
 Caeli regia concidens
 Ortus atque obitus trahet;
 Atque pariter Deos
 Perdet mors aliqua & cabos,
 Et mors fata novissima
 In se constituet sibi.
 Quis mundum capiet locus?*

„говоритъ онъ, (8) послѣдній міра часъ
 „соберетъ протекшее множество вѣковъ; то-
 „гда все паки возвращаясь въ прежній Ха-
 „осъ; свѣшила смѣсятся съ свѣшилами; воз-
 „женныя тѣла вступающъ въ Океанъ; земля
 „не дастъ береговъ и въ нихъ опкажетъ
 „морю: луна потечетъ прошивно солнцу; раз-
 „драженная печеніемъ его по круглому ша-
 „ру возжелаетъ себѣ дня; и весь враждую-
 „щій составъ разрушеннаго міра разстроитъ
 „мирное соединеніе. „

Предполагавшіе періодической годъ, о
 которомъ говорено прежде во II. части сей
 книги въ спашь *о началъ міра*, философы,
 особливо Стоики, не довольствовались призна-
 ніемъ просто, какъ то Атомисты, что
 міръ погибнетъ чрезъ разрѣшеніе и смѣ-
 шеніе своихъ частей и что вселенная
 разрушится отъ всеобщаго разспроенія.
 Цицеронъ во многихъ мѣстахъ приписы-
 ваетъ

(8) - - - Cum compage soluta
 Saecula tot mundi suprema coegerit hora,
 Antiquum repetent iterum chaos omnia, mixtis
 Sidera syderibus concurrent, ignea pontum
 Astra petent: tellus extendere littora nolet,
 Excurretque fretum: fratri contraria Phaebe
 Ibit & obliquum bigas agitare per orbem,
 Indignata, diem poscet sibi, totaque discors
 Machina divulsi turbabit faedera Mundi.

ваетъ имъ сіе мнѣніе (9): Оригенъ говоритъ
 также (10); и Сенека, дѣлающій честь сектѣ
 Стоиковъ, такихъ же мыслей (11). Сему - по
 мнѣнію о разрушеніи вселенныя слѣдуя, Ови-
 дій говоритъ въ началѣ своихъ превращеній
 (12): „написано въ книгѣ судебъ, что придетъ
 „время, въ которое море, земля и небесный
 „сводъ загорятся и многотрудный составъ
 „міра поспраждетъ. „Діонъ сказываетъ
 намъ (13), что Императоръ Тиберій имѣлъ
 всегда на языкѣ Греческой спинохъ, коего
 смыслъ такой: „пусть истребится тогда
 земля

(9) *Ex quo eventurum nostri (Stoici) putant, ut ad
 extremum omnis mundus ignesceret, cum humore con-
 sumto, neque terra ali posset, neque remearet aer, cu-
 ius ortus, aqua omni exhausta, esse non posset: ita
 relinqui nihil praeter ignem, a quo rursus animante
 Deo renovatio mundi fieret, atque idem ornatus ori-
 retur. Cic. de Nat. Deor. Lib. 2.*

(10) *Orig. contra Cels. Lib. 5. cap. 20.*

(11) *Dicimus ignem esse, qui occupet mundum & in se
 cuncta convertat. Ita ignis exitus mundi est. Senec.
 Nat. Quaest. Lib. 3. cap. 13.*

(12) *Esse quoque in fatiis reminiscitur affore tempus,
 Quo mare, quo tellus, correptaque regia caeli
 Ardeant et mundi moles operosa laboret.*

Metam. Lib. 1.

(13) *Saepe vero recitasse memoratur antiquum hoc:
 Me, misceatur igne terra, moriuo.*

Dio. Epit. Lib. 58.

„земля огнемъ, когда меня на ней не будетъ.„
 И здѣсь безъ сомнѣнія говорится о семъ ог-
 нѣ. Луканъ, котораго мы недавно приво-
 дили, въ другомъ мѣстѣ увѣряетъ, что къ
 всеобщему разрушенію міра предназначенъ
 огонь, и ничто не избѣжитъ его свирѣпства.
 (14) Спаций и Проперцій упоминаютъ также
 о всеобщемъ разореніи; но какъ они о семъ
 говорятъ кратко: то и неизвѣстно какъ они
 сіе разумѣли, по Эпикурейскому ли ученію,
 или слѣдуя Спонческой системѣ. — Въ про-
 чемъ Стоики были не первые, которые дума-
 ли, что міръ погибнетъ огнемъ. Ираклисъ
 и Эмпедоклъ прежде нихъ сіе утверждали;
 (15) а Плутархъ сказываетъ, что сіе мнѣ-
 ніе находится и въ стихахъ Исіода и Ор-
 фея (16).

Но хотя таковая мысль о всеобщемъ
 разстроеніи вещества, есть изъ числа тѣхъ,
 коихъ начало берется въ древности: одна-
 кожъ ни въ которомъ народѣ между древни-
 ми не была она въ такой силѣ, какъ у
 Сирійца.

(14) *Hos, Caesar, populos si nunc non, offerit ignis,
 Uret cum terris, uret cum gurgite ponti.
 Communis mundo superest rogos, ossibus astra
 Misturus.*

Bel. Cil. Lib. 7.

(15) *Ex igne omnia constare (dixit) in eumque resol-
 vi omnia.* Diog. Laër. in Heraclit.

(16) *Plut. de Oracul. defectu.*

Сирійцовъ и Финикіянъ. Зенонъ, начальникъ Спৌической секты, былъ уроженецъ изъ Финикіи; и сіе ученіе было всеобщее въ Сиріи во время благовѣстія Евангелія. Целсъ (17) почиталъ ее за извѣстнѣйшую истинну и Іосифова исторія дѣлаешъ насъ несумнѣтельными о ея древности. Сей историкъ сказываетъ (18), что дѣши Сифа, сына Адамова, узнавъ отъ отца и дѣда своего, что міръ погибнетъ водою и огнемъ, и желая преданіе сіе доставить потомству, вырѣзали оное на двухъ воздвигнутыхъ ими столпахъ, кирпичномъ и каменномъ, дабы въ случаѣ разрушенія кирпичнаго столпа во время пощопленія земли, каменный могъ успоить прощиву свирѣпства водъ, и такимъ образомъ сохранить память того, что они написали. Увѣряютъ, продолжаетъ Іосифъ, что каменный столпъ и нынѣ еще видится въ Сиріи. Легкомысленно было бы вѣрить, что столпъ, который виденъ былъ въ Сиріи, во время сего историка, естъли то правда, былъ тотъ, который воздвигли Сифовы дѣши: однакожъ повѣщивованіе Іосифово удостовѣряетъ насъ въ томъ, что сіе ученіе о будущемъ разрушеніи вселенной было весьма давно извѣстно въ Сиріи.

Ста-

(17) Смощри *Origen. contra Cels. lib. 5. cap. 14.*

(18) Іосиф. о древн. Іуд. книг. I. гл. 2.

Стараясь единственно объ исправленіи нравовъ, Стоики малосвѣдущи были въ Физикъ; правда, они, какъ и прочіе Философы полагали, что звѣзды суть огненные шѣла; но имѣли при томъ особое о семъ понятіе. Они воображали, что сей звѣздный огонь питаешся парами исходящими изъ земли, изъ моря и водъ; и на семъ — по положеніи основывали они причину будущаго всеобщаго разрушенія (19), утверждая, что по прошествіи многихъ вѣковъ, влажное естество водъ истощится, земля чрезъ то иссохнетъ, и, не имѣя влаги, не въ состояніи болѣе будетъ давать пищи свѣшаламъ; и такъ огонь привлечется ко всѣмъ частямъ міра и пожретъ всѣ вещи. Берозъ по обыкновенію Халдеевъ, разсуждая обо всемъ Астрологически, утверждалъ, что кончина міра послѣдуетъ отъ соединенія планетъ въ знакъ рака, такъ какъ потопа, по мнѣнію его, при-

(19) *Sunt autem Stellae natura flammene*, полагаютъ Стоики, говоритъ Цицеронъ *de Nat. Deor. lib. 2. Quo circa terrae, maris, aquarum vaporibus aluntur iis, qui a Sole ex agris tepefactis et ex aquis excitantur: quibus altae renovataeque stellae, atque omnis aether, refundunt eadem, et rursus trahunt indidem, nihil ut fere intereat, aut admodum paululum, quod astrorum ignis & aetheris flamma consumat. Ex quo eventurum nostri putant &c.* смотри стран. 269. N. 9.

причиненъ будетъ соединеніемъ тѣхъ же планетъ въ знакъ козерога (20).

Кажется, что Сирійцы и Финикіянѣ и тѣ, кои первые полагали, что міръ истребишся огнемъ, не имѣли другой причины къ такимъ мыслямъ, какъ самое простое и естественное понятіе. Долгое время думали въ древности, что при концѣ міра небо упадетъ на землю: Хрисосъ глаголетъ, что тогда звѣзды спадутъ съ неба. Это было общее мнѣніе, и по воображенію народовъ, не должно искасть другой причины разрушенія міра, кромѣ такого паденія неба. Положимъ, что древніе звѣздамъ не опредѣляли истинной ихъ величины; однакожъ они представляли ихъ великими огненными тѣлами, и безъ сумнѣнія не могли себѣ представить, чтобъ онѣ должны были упасть на землю, не разоривъ и не превративъ ее въ пепелъ въ тожъ самое время.

Часть IV.

С

Какъ

(20) Berosus, qui Belum interpretatus est, ait: cursu isto (conflagrationem mundi & diluvium) siderum fieri; et adeo quidem id affirmat, ut conflagrationi atque diluvio tempus assignet: arsura enim terrena contendit, quando omnia sydera, quae nunc diversos agunt cursus, in Cancrum convenerint, sic sub eodem posita vestigio, ut recta linea exire per orbem eorum possit; inundationem futuram, cum eadem syderum turba in Capricornum convenerit. Senec. Nat. Quaest. lib. 3. cap. 29.

Какъ же опредѣлишь точное время сотворенія міра было всегда почишаемо такою вещію, которой открышь невозможно: по неменьшею невозможностію почишаемо было опредѣлишь время и продолженія его пребыванія и назначишь часъ его конца. Во всей древности мы не находимъ у язычниковъ никого, кто бы осмѣлился предвѣстить шу микушу, въ которую міръ начался, и то мгновеніе, въ которое онъ долженъ окончатся. — Іудеи, коихъ обвиняли въ опредѣленіи эпохи міробытія якобы въ томъ намѣреніи, чѣобы возвестъ свое происхожденіе къ первымъ временамъ, сообщили сіе первымъ Христіанамъ, которые, по примѣру другихъ, осмѣлились назначишь предѣлъ пребыванію міра, такъ какъ Іудеи положили предѣлъ его началу; и утверждали при томъ, что кончина его близка. Къ сей великой мысли присоединили они столь же смѣшное воображеніе, и какъ Іудеи возводили начало храненія сabbаты къ самой первой недѣли міробытія: по и первые Христіане, іудействуя, опнесли мнѣніе сіе и къ концу міра. Они осмѣлились разглашать всенародно, что міръ продолжится столько тысящъ лѣтъ, сколько дней употребилъ Богъ на сотвореніе его, т. е. что онъ продолжится токмо шесть тысящъ лѣтъ; по прошествіи же сего времени Христосъ снѣдетъ на землю, соберетъ своихъ избранныхъ и будетъ праздновать съ ними великую пасху

еху (субботу) въ продолженіи тысящи другихъ лѣтъ, потомъ введетъ ихъ въ наслѣдіе вѣчности (21).

Сіе мнѣніе о *субботномъ* продолженіи міра и о тысящелѣтнемъ царствіи было столь общенародно между первыми Христіанами, что удивительно, какъ послѣ осмѣлились нѣкоторые оное опровергать. Евсевій объявляетъ, что Папій, Епископъ Іеропольской былъ начинщикъ такого положенія (22), и говоритъ, что онъ всякой разъ, когда встрѣчалъ кого нибудь, который жилъ съ Апостолами, всегда старался узнать о ихъ ученіи. Св. Иринеи (23) также упомина-

С 2

етъ

(21) *Arbitror ex hoc loco et ex Epistola, quae nomine Petri Apostoli inscribitur, mille annos pro una die solitas appellari: ut scilicet, quia mundus in sex diebus fabricatus est, sex millibus annorum tantum credatur subsistere; et postea venire septenarium numerum & octonarium, in quo verus exercetur sabbatismus, Hieron. Ep. ad Cypri. Presbit.*

(22) Ταῦτα δὲ καὶ Παπίας Ἰωάννης μὲν ἀκὺς ἦς, Πολυκάρπῃ δὲ ἐξαῖρος γεροντὶς, ἀρχαῖος ἀνὴρ, εὐουράφως ἐπιμαρτυρεῖ ἐν τῇ τετάοτῃ τῶν αὐτῶ βιβλίων. Euseb. praer. lib. 3. cap. 33.

(23) Епископъ Лугдунской и Священномученикъ, поспрадавший въ царствованіе Севера. Писалъ противу ересей, о спятой Троицѣ, о вожествѣ Христопомъ, о литургіи.

ешѢ (24) о семѢ тысячелѣтнемѢ царствіи; и кажется, что первые Христіане имѣли матеріальное понятіе о ХристовомѢ царствіи на землѢ.

Но здѣсь не кѢ мѣсту изслѣдывать подробно сей нерѣшимый запросъ о земномѢ царствіи Иисуса Христа: довольно сказать, что Христіане первыхъ вѣковъ, сдѣлавшіеся по большей части изъ Іудеевъ и слѣдовательно предубѣжденные суевѣрнымъ почианіемъ субботѢ, думали, что міръ продолжится только шестъ тысячъ лѣтъ, за которыми

о пречистыхъ Христовыхъ тайнахъ и иныхъ таинствахъ Спятыя пѣры, также о антихристѢ; но книгъ его въ переводѢ на нашемъ языкѢ нѣтъ; память его празднуется Августа въ 23 день.

(24) *Prædicta itaque benedictio ad tempora regni sine contradictione pertinet, quando regnabunt iusti surgentes a mortuis; quando et creatura resurgata et liberata, fructificabit uniusæ esæe ex rore coeli et ex fertilitate terræ: quemadmodum Presbyteri meminerunt, qui Ioannem discipulum Domini viderunt, audisse se ab eo, quemadmodum de temporibus illis docebat Dominus, et dicebat: venient dies, in quibus vineæ nascantur singulæ dena millia palmitum habentes et in uno palmitē dena millia brachiorum et in uno vero palmitē dena millia flagellorum . . . Et cum eorum apprehenderit aliquis sanctorum botrum, alius clamabit: Botrus ego melior sum; me sume, per me Dominum benedic, etc. Iren. adv. Heres. lib. 5. cap. 33.*

шорыми послѣдуетъ разрушеніе неба и земли; и какъ они слѣдовали лѣточисленію библіи семидесяти толковниковъ, по которому отъ созданія міра до Христа счисляется пять тысячъ пятьсотъ восемь лѣтъ: то и думали, что кончина міра близка. По сей-то причинѣ общенародныя несчастія и злоключенія приписывали они устарѣлости міра, который, по сказанію Св. Кипріяна (25) не имѣлъ уже той силы, какую имѣлъ прежде, и пришелъ въ дряхлость. Они были въ ожиданіи Антихриста и безчисленныхъ золъ, которыя сей врагъ Господень причинитъ церкви. Тертулліанъ говоритъ, что Христіане молили о продолженіи Римскія имперіи и увѣрены будучи, что вселенная раз-

С 3

ру-

(25) *Quia ignarus diuinæ cognitionis et veritatis alienus es, illud primo in loco scire debes, senuisse jam mundum, non illis viribus stare, quibus prius steterat, nec vigore eo valere, quo antea praeualebat. Cyprian, ad Demet.*

Св. Кипріянь былъ Епископъ Карфагенской, писалъ много, между прочимъ: о дѣлѣхъ, о терпѣніи, о мученичествѣ, о молитвѣ, о милостынѣ, о соединеніи пѣры, противъ язычниковъ, противу Іудеевъ, о покаяніи отпадшихъ отъ пѣры страха ради, коимъ они могутъ удостоены быть общенія церковнаго. Онъ пострадалъ при Галеріи Максимѣ. Память его празднуется Августа 31 дня.

рушится съ нею, спарались молитвами отдалить несчастія, угрожавшія кончиною міру (26).

Наконецъ должно признаться, что въ древности никогда не думали, чтобы міръ когданибудь исчезъ. Приписывавшіе ему начало, шакъ какъ и признававшіе его безначальнымъ, Стоики и Атомисты, всѣ равно были увѣрены, что міръ никогда не будетъ доведенъ до ничтожества (27) и когда нѣкоторые полагали, что онъ будетъ имѣть конецъ:

(26) *Est et alia major necessitas nobis orandi pro Imperatoribus, etiam pro omni statu Imperii rebusque Romanis, quod vim maximam uniuerso orbi imminentem, ipsamque clausulam saeculi acerbitates horrendas comminantem, Romani Imperii commeatu scimus retardari. Tertul. Ap. cap. 31. et lib. contra. scap. cap. 3. Christianus nullius est hostis, nedum Imperatoris, quem sciens a Deo suo constitui, necesse est, ut et ipsum diligat, . . . et saluum velit, cum toto Romano Imperio quousque saeculum stabit: tam diu enim stabit.*

Въ семъ же разумѣ Лактанцій говоритъ (Diuin. Instit. lib. 7 cap. 25.) *Incolumi Roma nihil videtur metuendum: at vero cum caput illud orbis occiderit, et rōmā esse coeperit, quod Sybillae fore ajunt, quis dubitet venisse jam finem rebus humanis, orbique terrarum.*

(27) Такое положеніе Лукреціево, который сходственно сему въ первой своей книгѣ говоритъ:

менѣ: то они подѣ симѣ разумѣли перемѣну, которая должна случиться съ его формою, а не разрушеніе его существованія. Первые Христіане были таковожѣ мнѣнія о концѣ міра. Они вѣрили, что огонь очистишь только его и перемѣнишь его форму, не уничтожая матеріи; и чаяли, что Богѣ сотворитъ тогда новое небо и новую землю, гдѣ они вѣчно обитать будутъ, и сіе мнѣніе свое основывали на нѣкошорыхъ мѣстахъ священнаго писанія. „Будетъ бо небо ново, и „земля нова, говоритъ Господь у Исаіи (28), „и не помянутъ прежнихъ, ниже въздушъ „на сердце ихъ. „Тоже написано въ Апокалипсисѣ (29): видѣхъ небо ново и землю нову; первое бо небо и земля первая „преидоша. „Также въ посланіяхъ Св. Апостола Петра читаемъ подобныя слова (30): „нова же небесе и новы земли по обѣщанію „его

*At nunc inter se quia nexu principiorum
 Dissimiles constant, aeternaque materies est;
 Incolumi remanent res corpore
 Haud igitur redit ad nibilum res vlla
 Haud igitur penitus pereunt, quaecumque videntur;
 Quando aliud ex alio reficit natura, nec
 Rem gigni patitur, nisi morte adjutam aliena.*

(28) Исаія гл. 65. ст. 17.

(29) Апок. гл. 21. ст. 1.

(30) Соб. посл. Петр. II. гл. 3. ст. 13.

„его чаемъ въ нихъ же правда живетъ.“
 Теофилъ Александрійскій обвиняетъ Оригена
 въ томъ, что онъ полагалъ множесиво мі-
 ровъ, хотя не такъ, какъ Эпикурейцы, ко-
 торые принимали множество міровъ въ на-
 стоящемъ времени существующихъ, но пред-
 полагая, что они непрерывно слѣдуютъ одинъ
 за другимъ (31). Въ прочемъ за вѣрное
 кажется утвердить можно, что Оригенъ при-
 нималъ преждебышіе (praesexistentiam) ма-
 теріи, какъ по видно изъ одной его бесѣды,
 и онъ въ своихъ положеніяхъ явно признаетъ,
 что міръ не уничтожился, но перемѣнитъ
 шокмо свой образъ (32). На послѣдокъ Св.
 Августинъ, жившій въ такомъ вѣкѣ, когда
 Христіанское ученіе было уже весьма очище-
 но, согласно говоритъ, что конецъ міра не
 „естъ совершенное испребленіе, но шокмо
 „перемѣна его формы; и для того - то сказ-
 „, заню :

(31) *Libro Paschali* I. которую перевелъ Св. Іеро-
 нимъ.

(32) *Si enim mutabuntur coeli, vniue non perit, quod
 mutatur; et si habitus mundi transit, non omnimode
 exterminatio, vel perditio substantiae materialis
 ostenditur: Sed immutatio quaedam fit qualitatis atque ha-
 bitus transformatio. Orig. de Princip. lib. 1. cap. 6.*

„зано: преходитъ міръ, небо и земля ми-
„мо идутъ, а не исчезнутъ (33).

Изъ всего сказаннаго нами, заключимъ,
что хотя Христіане и полагають, что міръ
изведенъ изъ ничтожества: но согласно съ
язычниками признають, что онъ никогда
не обратится въ ничто.

Съ заключеніемъ миѣній древнихъ фило-
софовъ о концѣ міра оканчиваемъ мы из-
даніе нашего *Покоящагося Трудюбца*, съ
желаніемъ, чтобы все то, что служишь къ
размышленію, наставленію и увеселенію, по-
служило въ пользу почтенныхъ нашихъ чи-
тателей, что было и есть единственнѣй-
шимъ намѣреніемъ нашихъ изданій. Если и не
удовлешворили мы совершенно своей цѣли:
то извиши насъ въ томъ наше безкоры-
стное усердіе и пламенѣющая ревность къ
таковой мѣшѣ, копорыя, безпрекословно,
превышають наши недостатки, такъ какъ
идея живописца превосходитъ всегда той кар-
тины, копорую онъ изобразитъ своими ру-
ками, желая мысль свою одѣнь въ матерію.

T

et

(33) *Et in litteris quidem sacris legitur: prae-
terit figura hujus mundi; legitur: mundus transit;
legitur: coelum et terra transibunt; sed puto, quod prae-
terit, transit, transibunt, aliquanto mitius dicta
sunt, quam peribunt. August. de civ. dei lib. 20.
cap. 24.*

... et voluisse sat est. Наконецъ повтора благодарность нашу всѣмъ тѣмъ особамъ, которыя явили намъ свое доброжелательство присылкою своихъ трудовъ, всѣхъ любителей учености, кому угодно, просимъ сообщать намъ свои труды касательно *Натуральной Исторіи*, такъ какъ и во всякомъ другомъ родѣ, доставляя оныя на имя *издателей Покоящагося Трудолюбца* въ Университетскую книжную лавку, что отъ насъ принято будетъ всегда съ должною признательностію и будетъ издано въ свѣтъ; послѣдующія наши изданія означены будутъ первоначальными словами отъ имени издателей В. З. ^и П. Т.

Въ заключеніежѣ всего, ЛЮБЕЗНѢЙШЕЕ ОТЕЧЕСТВО, которому посвящали мы сію произвольную нашу жертву, пріими сей малый, но нелестный, несвоекорыстный и непринужденный даръ сыновъ твоихъ и да украсишься именемъ твоимъ, именемъ великошпи, слабость жертвоприношенія!

. О Patria!

Ipsa tibi blandos fundunt cunabula flores.

. Отчество драгое!

И самые питомцы цвѣты тебѣ приносятъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Дел. Д-344

5.11.1985

$\frac{7}{54}$

1785

ч. 4

(м/ср)

покоящийся
трудолюбец